

Эволюция, как нетрудно видеть, достаточно сложная и полная захватывающего интереса. Не приходится очень настаивать на той мысли, что центр тяжести интереса не в истории войн, не в писаниях сражений, не в дипломатических перипетиях, а в том, как все это: войны, сражения, дипломатия отзывались на положении армии и на ее организации. Главная задача — в выяснении процесса создания народной армии. Ему и посвящена эта небольшая работа, главным образом, но она ставит себе и другую задачу, она хочет показать на биографиях и характеристиках вождей армии, что народное войско производит для себя своего рода отбор начальников и выдвигает на командные посты, — не только низшие, но и высшие, — своих людей, людей вышедших из народа. Элемент биографии и характеристики, благодаря этому, становится более уместным и интересным, чем когда-либо.

На русском языке нет книги, которая была бы посвящена истории революционной армии и ее вождей. Нам кажется, что появление нашей книжки, может быть оправдано уже этим.

ГЛАВА I. АРМИЯ СТАРОГО ПОРЯДКА

Когда в 1792 году началась война между Францией и союзниками, в Европе господствовало то мнение, что французская армия будет разбита сейчас же, что пруссакам и австрийцам придется предпринять только небольшую военную прогулку. Такова была репутация французской армии. Никто не предвидел, что война, которая начиналась, должна была почти без перерывов длиться 23 года, и что прежде чем Франция будет побеждена, ее армада побывает чуть не во всех столицах Европы.

Плохое мнение о французской армии было основано, главным образом, на опыте Семилетней войны, когда французская армия действительно показала себя отнюдь не с блестящей стороны. Но никто не принимал в расчет ни тех реформ, которые были произведены до революций ни особенно тех глубоких изменений, которые внесла в организацию армии сама революция.

Когда начиналась революция, французская армия состояла из двух родов войск. Большую часть составляла регулярная или так называемая линейная армия. В ней было, не считая придворных частей: 79 полков французской пехоты и 23 толка пехоты иностранной, 12 батальонов пеших стрелков, 7 полков артиллерии, 15 рот инженерных войск, 26 полков кавалерии в собственном смысле, 18 драгунских, 6 гусарских, 12 конных стрелков. Всего 218 батальонов пехоты, 14 батальонов артиллерии и 206 эскадронов кавалерии. Мирный состав армий составлял: 172.274 человека, а военный — 210.948. Все линейные войска служили по вольному найму. Рекруты набирались безразлично среди французов и иностранцев. Приманкою служила форма, которая оставалась у солдат после конца службы и жалованье. Французов толкали традиции и искание славы, иностранцев — авантюризм и домашние неурядицы. Состав войск был невысокий, в нем было много дезертиров, преступников, праздношатающихся. Срок вольного найма составлял 8 лет. Плата была 6 су в день. Условия жизни солдат были далеко не блестящие. Хлеб был плох, мясо еще хуже, казармы мало гигиеничны; в них царил теснота, настолько большая, что 2 или 3 солдата часто вынуждены были спать на одной, койке. Санитарное состояние в госпиталях было ниже всякой критики. Дурным состоянием армии объясняется то, что в год она теряла до 20.000 человек, умиравших от болезней или дезертировавших. Но как боевой материал, армия все-таки была хороша. Хотя солдаты были распущены, склонны к убийствам и пьянству, но дисциплина поддерживалась очень строго. Во многих полках царил крепкий корпоративный дух. Французские полки всегда обнаруживали те превосходные боевые качества, которые свойственны были нации во все времена: живость, интеллигентность, упорство и безумную храбрость.

Начиная с Семилетней войны, люди, стоявшие во главе военного управления Франции, всячески старались устранить те дурные стороны в управлении армией, результатом которых были неудачи французских войск на полях сражений. Главные из этих реформ были проведены еще в бытность министром иностранных дел Шуазеля. После его падения военный министр Сен-Жермен продолжал его дело. Он обращал большое внимание на маневры, старался устранить отсутствие связи между войсками, и командованием, которое было одной из главных причин поражений в Семилетней войне. Перед самой революцией в марте 1788 года была проведена коренная реформа, по которой Франция была разделена на 17 военных округов. Наиболее важные из них: Фландрия, Три Епископства и Эльзас были поставлены под начальство маршалов. Остальные 14 были вверены генерал-лейтенантам. Военному командованию была предоставлена полная власть распоряжаться в своем округе. Результатам этой реформы было то, что в 1789 году вся армия была разделена на 21 дивизию, с постоянным начальником и с постоянным штабом во главе. Теперь уже невозможны были такие факты, что перед началом войны во главе армии ставился начальник, совершенно незнакомый солдатам и сам с солдатами незнакомый.

Линейные войска представляли ядро армии. Кроме линейных войск, были так называемые провинциальные войска или милиция. В этих войсках солдаты служили не по вольному найму, а по жребию. Они составляли 13 полков королевских гренадер, 16 провинциальных полков и 78 батальона, расположенных по гарнизонам в городах. Всего 55.240 человек по мирному времени и 76.000 по военному.

Офицерство в общем было хорошее. Главную составную часть офицерского корпуса составляли низшие офицеры, прекрасно сжившиеся со своими людьми, умевшие ими руководить и пользовавшиеся обычно их полным доверием. После того, как дворянство побывало в Америке и провело несколько лет в рядах американских войск во время войны за независимость, в рядах офицерского состава появляется много дворян, из тех, которые раньше не служили. Низшее офицерство обыкновенно проходило школу, после окончания которой получало назначение в полк. До 1789 года офицерские должности покупались. Низшее офицерство в смысле карьеры находилось в неблагоприятных условиях. Дарования, проявлявшиеся на службе, редко давали возможность достигать больших чинов. Гораздо больше делалось милостями двора, протекцией и деньгами. Поэтому высшее офицерство, которому его положение давалось легко, без больших усилий, проявляло мало энергии и предоставляло управление и команду офицерам подчиненным. Выслужиться из рядов простых солдат до офицерских чинов было почти не возможно: особенно с тех пор, как в 1781 году был издан указ, согласно которому все лица «низкого происхождения» были исключены из офицерского состава, кроме артиллерии и инженерных войск.

В общем даже перед революцией французская армия едва ли уступала двум своим старым соперницам — австрийской и прусской. Пехота и кавалерия во Франции были не хуже, а артиллерия и инженерные войска определенно лучше. Французская артиллерия была лучшей в Европе, как по численности, так и по материалу. Что касается инженерных войск, то уже со времен Вобана Франция обращала исключительное внимание на этот род оружия и не имела соперниц во всем мире.

Слабую сторону французской армии, в полной мере проявившуюся в Семилетней войне, составляло высшее командование. Во главе армии обыкновенно ставились придворные фавориты, в роде Субиза, — люди совершенно не знакомые с военным искусством и обязанные своим назначением исключительно милости короля или, что еще хуже, его фаворитов или фавориток. Так как высшие командные должности были связаны с большими доходами, особенно в военное время, то их добивались решительно все, и те, которые получали эти должности, щедро вознаграждали себя за расходы, которые им приходилось нести для того, чтобы их получить.

Словом, материал французской армии был хорош. Средний командный состав вполне на месте, артиллерия и инженерные части — на высоте. Плохо было высшее начальство. Революции предстояло переделать все это совершенно заново.

ГЛАВА II. АРМИЯ В НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Революция застала армию в довольно неопределенном положении. Реформа 1788 года не успела принести своих плодов. Перераспределение военных округов не было закончено. Новая система централизации, которая должна была сменить старую систему, не только не успела окрепнуть, но не была введена даже вчерне. В армии царил недовольство приказом, запрещавшим «людям низкого происхождения» занимать офицерские должности. Солдаты волновались еще больше по поводу приказа, изданного тоже незадолго до революции и введившего в армию бесчеловечную прусскую систему наказания.

Армия не привыкла вмешиваться в политику и мало ею интересовалась. Поэтому созыв Генеральных Штатов прошел почти незамеченным. Офицеры не принимали большого участия в выборах, а солдаты были лишены избирательных прав. Тем не менее в наказы, обращенные к Национальному Собранию, проникли и солдатские жалобы. В них нашли место многочисленные ходатайства об облегчении солдатской участи. Одни просили лучшего и более гигиеничного устройства казарм, улучшения санитарных условий, лучшей зимней одежды, лучшего питания. Другие об увеличении жалованья, о более строгом соблюдении сроков службы, о праве занимать гражданские должности во время отбывания воинской повинности. Но больше всего было требований отмены унижительных телесных наказаний.

Уже при первых народных волнениях армия постепенно стала вовлекаться в поток революционного движения. В казармы начала проникать «пропаганда, особенно в Париже, где вожди народа об этом старались с самого начала. Плоды пропаганды сказались очень рано. 3-го июня 1789 года одиннадцать солдат Французской Гвардии были арестованы за то, что отказались стрелять в толпу. За это они попали в тюрьму и оттуда обратились к народу за помощью. Журналист Лустало¹, один из первых и самых пламенных трибунов революции, встал на стол в Пале-Рояле и прочел собравшимся просьбу солдат. Немедленно составила толпа в несколько тысяч человек, которая двинулась в аббатство, где сидели заключенные, вышибла ворота и освободила арестованных. С этих пор на Французскую Гвардию при дворе стали смотреть довольно косо. И когда 12-го июля слух об отставке министра Неккера, с именем которого соединялись в народе большие надежды, начал вызывать возбуждение в Париже, Французская Гвардия была обезоружена и заперта в своих казармах под караулом немецких частей, служивших во французской армии. Их тоже освободило народное восстание. В тот же день, 12-го июля, другой трибун Камиль Демулэн², в том же Пале-Рояле, обратился к народу с речью, в которой предостерегал его против иностранных полков. «Граждане, - говорил он, - нельзя терять ни минуты. Отставка Неккера — сигнал к Варфоломеевской ночи для всех патриотов. Сегодня вечером вступят в город немецкие и швейцарские полки, чтобы задушить нас. У нас одно только спасение. К оружию граждане!» Речь Демулэна послужил сигналом. Толпа кинулась грабить оружейные магазины. На нее были пущены немецкие драгуны под командою принца Ламбеска³. Услышав на улицах шум битвы, Французская Гвардия вырвалась из своих казарм, захватив оружие, присоединилась к толпе и несколькими залпами рассеяла немецких кавалеристов. Положение изменилось. Главное командование не решилось двинуть войска против Французской Гвардии. Иностранные полки остались за стенами Парижа. Народ стал вооружаться беспрепятственно и 14-го июля захватил в Доме Инвалидов несколько десятков тысяч ружей и пушки. С помощью этого оружия, поддержанный солдатами Французской Гвардии, народ взял Бастилию. О настроении солдат можно судить по тому заявлению французских драгун, которое они сделали офицеру, ими командовавшему 14-го июля: «Теперь мы повинемся вам, но когда придем в Версаль, скажите министрам, что если нас поведут против наших сограждан, то первый выстрел будет в вас».

---

¹ Элизе Лустало: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#loust>.

² Камиль Демулен: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem>.

³ Этот эпизод выглядит иначе, напр., у очевидца событий, англичанина д-ра Ригби: «К семи часам вечера в сады Тюильри внезапно вторгнулся принц Ламбеск во главе полка германских драгун. Начальник этот был связан с двором, солдаты были земляками королевы, и желание двора использовать для такой службы именно этот полк было очевидно. Кажется, однако, что незнакомый с территорией Парижа принц уже с самого начала совершил роковую оплошность. Он ошибался в месте, во времени и в объекте наступления. Этим местом должен был быть Пале-Рояль, а толпы теснившегося там народа, очевидно, объектом, и также очевидно, должен был он поднять свой меч только после достаточного промежутка времени, чтобы известие о перемене в составе правительства смогло произвести на умы парижан свое глубокое воздействие, в каком случае он имел бы, вероятно, то неоспоримейшее преимущество, что именно он подвергся бы нападению со стороны народа. Таким образом, двор смог бы утверждать, что войска выступили исключительно в целях самозащиты. Но, как я уже сказал выше, он сделал сады Тюильри театром своих действий, а толпу безобидных граждан жертвами своей атаки: т.е. лиц, которых меньше всего можно было заподозрить в том, что они ломают себе голову над политикой, и которые, возможно, даже ничего не знали о внезапных переменах в правительстве. Против этой толпы повел он свои войска и с не меньшей глупостью, чем трусостью, приказал народу рассеяться, чего он и добился после ружейного залпа. Гонимая страхом толпа разбежалась в стороны, и самый центр внезапно опустел, за исключением одного слабого старика, дряхлость которого не дала ему возможности убежать. На этого единственного беззащитного человека трусливый принц поднял свою руку и тяжело ранил, а, быть может, и зарубил его насмерть одним ударом шашки. Этот отвратительный поступок возбудил ярость толпы, из которой многие, до известной степени, избежали преследований драгун, благодаря тому что полезли на большую грудку камней, сложенную на одной стороне плаца для большого здания; они несколько пришли в себя от панического испуга, и т.к. само место снабжало их своего рода оружием, они стали метать камни в солдат и сбили некоторых с лошадей, а нескольких ранили. Весь полк с принцем во главе ретировался при первой попытке сопротивления со стороны народа - следствие отсутствия стойкости у командира, или же, что более вероятно, нежелания у войска исполнять такую гнусную роль.» (См. его письмо от 11 августа 1789 года http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm#ER)

Из этих фактов было ясно, что в борьбе с народом на войска полагаться было нельзя. События в Париже, роль солдат в этих событиях сейчас же сделались известными во всей стране. Результатом этого было то, что дисциплина всюду стала падать, за исключением, быть может, сильного отряда маркиза Булье⁴. Отряд насчитывал 25 тысяч человек и стоял неподалеку от Парижа. Начальник его был одним из самых ярких роялистов. Он давно толкал короля на репрессии и был готов по первому сигналу вмешаться и разогнать Национальное Собрание. Во всех остальных частях дезертирство и отказ от подчинения делали все большие и большие успехи. К сентябрю месяцу 1789 года 16 тысяч солдат дезертировали из рядов войск и записались в Национальную гвардию. А к 1 октября 1790 года в рядах не хватало уже целых 30 тысяч человек. Умеренные деятели революции, которых было меньшинство, с грустью взирали на начинающуюся военную анархию. Что касается крайних, то они эту анархию горячо приветствовали. Старая армия не пользовалась благосклонностью «патриотов». В их глазах она была орудием деспотизма и очагом аристократической интриги. Если бы даже армия разложилась целиком и исчезла совсем, зло с их точки зрения было невелико. Они полагали, что в их руках имеется сила, готовая тотчас же возместить эту потерю. Этой силой они считали Национальную гвардию Ведомость, составленная в июне 1790 года, показывала колоссальную цифру в 2.571.700 граждан, носящих форму Национальной гвардии. Разумеется и форма, и люди в этой количестве значились только на бумаге. На самом деле число лиц, служивших в Национальной гвардии, было значительно меньше. Они были очень плохо организованы и еще хуже снабжены. В первые месяцы Национальная гвардия лишь поддерживала армию в ее борьбе с грабителями, которыми кишела страна, и помогала ей в охране хлебных обозов, направлявшихся в города. Левое крыло революционеров не могло не знать о том, что Национальная гвардия на деле гораздо слабее, чем это значилось в официальных докладах. Но они надеялись тем не менее, что в Национальной гвардии страна найдет кадры своих защитников, которые окажутся гораздо более надежными, чем старая армия. Национальное Собрание, однако, в своем большинстве, не хотело отказываться от мысли приспособить линейные войска к новым задачам, выдвинутой революцией. Декрет 1-го января 1791 года уничтожил особое название частей и упразднил разницу между французскими и иностранными полками. Полки получили свои номера. Отныне было только 104 номерных полка пехоты и соответственное количество полков других родов оружия. Чтобы увеличить состав и обеспечить постоянное дополнение линейных войск, декрет 2-го января того же года ввел добровольный набор 100 тысяч вспомогательных войск (*auxiliaires*), предназначенных к тому, чтобы пополнять ряды армии по мере необходимости. Из этих ста тысяч, 25 тысяч были предназначены для флота, а 75 тысяч для сухопутных войск. Эти 75 тысяч никогда не были набраны, или, говоря точнее, вместо них явились первые национальные волонтеры, или добровольцы (*volontaires nationaux*).

Между тем, брожение в армии становилось все сильнее. Со времени насильственного водворения короля в Тюльери поколебалась в армии верность присяге. Увлечательные лозунги «отечество» и «свобода» проникли в казармы. Среди солдат стало распространяться убеждение, что они служат не королю, а родине. Это начало приводить к все более частым столкновениям с офицерами, ибо офицеры были воспитаны на мысли, что они прежде всего обязаны подчиняться приказаниям короля, которому они принесли присягу. Национальное Собрание довольно благосклонно смотрело на распространение революционного духа в армии. В июне 1790 года оно отклонило предложение военного министра, который требовал санкции его мероприятий по усмирению многочисленных военных бунтов. Мало того, оно потребовало, чтобы каждый полк прислал свою депутацию на праздник федерации в годовщину взятия Бастилии 14 июня 1790 года. Не все командиры согласились подчиниться этому приказанию Собрания. Особенно много волнений то этому поводу было в частях, находившихся под командованием маркиза Булье, который категорически запретил своим солдатам выбирать депутации. Так как столкновения между солдатами и офицерами не прекращались, и офицеры обнаруживали мало склонности следовать приказаниям Национального Собрания, солдаты все чаще и чаще предъявляли требования, чтобы

---

⁴ Франсуа Клод Амур Буйе, или Булье: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#buillie>.

офицеры приняли присягу преданности нации. Дисциплина была расшатана в конце. Даже в частях маркиза Булье верными дисциплине оставались только швейцарские и немецкие полки. Во французских полках, почти во всех без исключения, появились полковые комитеты, которые находились в тесной связи с членами левой Национального Собрания. Когда обрадовался Якобинский клуб, его члены особенно энергично стали проникать в казармы и брать на себя руководство полковыми комитетами. Против офицеров начались обвинения в утайке полковых сумм. Бунты на этой почве вспыхивали в Бресте, в Сарлуи, в Меце, в Марселе и других городах. Во всех этих бунтах бросаются в глаза две особенности, которых раньше в них не замечалось. Во-первых, солдаты действуют под организованным руководством своих комитетов, а во вторых, они подчиняются прямым инструкциям Якобинских клубов в Париже и в провинциях.

6-го августа 1790 года Национальное Собрание назначило инспекторов для рассмотрения солдатских жалоб. Но во многих случаях появление этих инспекторов послужило сигналом к новым военным бунтам. Особенно сильные волнения произошли в Нанси, где взбунтовались три полка: Королевский, Швейцарский и один из кавалерийских. Чтобы оправиться с мятежом, против взбунтовавшихся солдат, были направлены швейцарские и немецкие полки из отряда Булье. Взбунтовавшиеся сдались только после трех часового упорного боя. В других полках беспорядки, хотя и не шли так далеко, тем не менее день за днем, шаг за шагом все больше и больше разрушали дисциплину. Полки прогоняли своих офицеров, офицеры бежали из своих полков, дезорганизация грозила охватить всю армию. В 1791 году началась новая полоса в отношениях между солдатами и офицерами: пришло время «подозрения». Подстрекаемые якобинскими комиссарами, солдаты стали подозревать своих офицеров в связи с эмигрантами. Эти подозрения особенно усилились с момента бегства короля в Варен⁵, когда он пытался пробраться к отряду маркиза Булье (21 июня 1791 года). С этих пор положение офицеров в полках сделалось совершенно невыносимым: им приходилось терпеть всяческие унижения, выносить атмосферу подозрительности, открытую вражду, доходившую до самой настоящей опасности для жизни. Бегство из полков стало принимать все более широкие размеры. Когда командный состав убедился, что Людовик XVI сам хотел покинуть пределы Франции, их перестала удерживать присяга, данная ими королю и требовавшая их непрерывного пребывания три своих полках. Эмиграция офицерства, особенно высшего, лишила армию почти всего командного состава. А попытка короля покинуть пределы своей страны освободила всю армию от присяги в верности монарху. С момента бегства в Варен королевская армия постепенно превращается в армию революции.

Перед Национальным Собранием стала задача: возместить пробелы в офицерском составе, образовавшиеся вследствие дезертирства старых офицеров. Высшие офицерские должности, согласно новому декрету Национального Собрания, были частью замещены низшими офицерами, оставшимися верными долгу службы и не пожелавшими покинуть свои полки, отчасти сыновьями так называемых активных граждан, т.е. тех, кто имел право принимать участие в выборах в Национальное Собрание. Другой декрет объявил дезертирами всех офицеров, которые, не имея отпуска, покинули свои полки и не вернулись до 1-го мая 1791 года. Отношения между солдатами и офицерами не изменились и после того, как король принял присягу новой конституции в сентябре 1791 года. Разложение армии все продолжалось, а в конце года появился новый факт, которому суждено было окончательно преобразовать новую армию и сделать из нее орудие революционной защиты слухи о близкой войне. В конце концов, вся эта первая полоса истории старой армии в первое время революции привела к тому, что не затронутыми разложением остались почти исключительно артиллерийские и инженерные части. Там офицерский состав почти не был затронут эмиграцией, ибо, как мы знаем, приказ об исключении «лиц низкого происхождения» из офицерского звания не касался этих частей. И потом служба в артиллерии и в инженерных войсках требовала специальных знаний; здесь меньше имели значения протекция и придворная милость, а

---

⁵ О Варенском кризисе см.: *Н.Владимирова. Якобинский клуб в дни вареннского кризиса лета 1791 г., Вареннский кризис (события июня 1791 г., подборка документов), Хроника вареннского бегства.*

а самый характер службы устанавливал иные отношения между солдатами и командным составом, чем в пехоте и кавалерии. Кавалерия потеряла больше всего своих офицеров, ибо кавалерийские части и раньше были частями привилегированными и особенно привлекали к себе представителей высшего дворянства. В пехоте и в кавалерии офицерские чины стали замещаться постепенно, согласно декрету Национального Собрания, из числа тех офицеров, которые остались; и тех, которые были сыновьями активных граждан.

В конце 1791 года в стране стали появляться первые слухи о возможности войны с Австрией и с Пруссией. И Национальное Собрание, и армия должны были приготовиться к опасности, надвигавшейся на страну. Национальное Собрание начало с того, что провело новое разделение армии. 14-го декабря 1791 года войска восточного фронта были разделены на три армии: Северную, под начальством графа Рошамбо, Центральную под начальством маркиза Лафайета и Рейнскую под начальством Люкнера. Это были три первых армии революции. Солдаты были солдатами старой армии, офицерство в пехоте и в кавалерии было новое, в артиллерии и в инженерных войсках старое, высшее командование было все новое. И Рошамбо, и Лафайет оба принимали участие в войне Американских Соединенных Штатов за независимость и оба вернулись из Америки, покрытые славой борцов за свободу. Люкнер был старым немецким кавалерийским офицером, давно служившим во Франции. Он обнаруживал большую преданность революции, так же, как и два его товарища.⁶

ГЛАВА III. ВОЛОНТЕРЫ

Добровольные, или волонтерские части вышли из недр национальной гвардии. Как только появились первые симптомы недоразумений между Австрией и Францией, сейчас же возникла мысль использовать Национальную гвардию для боевых целей. Вначале думали, что Национальная гвардия может заместить гарнизонные войска, состоявшие из частей милиции, и дальше этого не шли. Но 4 марта 1791 года милиция вообще была упразднена, так что мысль о том, чтобы направить ее на фронт и заместить гарнизон добровольцами из Национальной гвардии, должна была быть, оставлена. 27-го мая того же года, военный министр Дюкортайль впервые высказал мысль о том, что из Национальной гвардии можно набрать волонтеров, способных обслуживать гарнизоны. И две недели спустя Национальное Собрание в принципе приняло эту мысль. Во всех департаментах была открыта добровольная запись в специальные волонтерские части, и было объявлено, что добровольцы из Национальной гвардии, записавшиеся в армию, будут получать особое жалованье. Волонтеры должны были быть организованы по батальонам, в каждом из которых должно было находиться 8 пехотных рот и 1 гренадерская. Офицеры и унтер офицеры должны были быть избираемы в каждой роте по большинству голосов. Весь батальон, собравшись вместе, выбирал своего начальника, который получал чин подполковника. Так как в это время возможности нападения австрийских и прусских войск на французскую территорию, то запись волонтеров пошла чрезвычайно успешно. Листы, на которых должна была приниматься подписка, очень скоро покрылись подписями, и первые батальоны сформировались довольно быстро. 21-го июня был издан приказ о формировании волонтерских батальонов, а 25-го сентября из 169 батальонов, имевшихся в проекте, 60 направились к своему назначению. Правда, остальные очень задержались, а некоторые так и не сформировались совсем. Когда прошел первый энтузиазм, люди, давшие свои подписи, под разными предлогами начали уклоняться от отправки в армию. Париж из 6 батальонов, которые он должен был поставить, очень легко сформирован и отправил 4, а остальные два не были отправлены вовсе. 4 парижских батальона были едва ли не лучшими из числа сформировавшихся 60. Парижская Национальная гвардия лучше, чем национальная гвардия в провинции, привыкла и к службе и к оружию, и могла быть направлена в армию уже после короткого обучения. Но даже парижские батальоны, по

---

⁶ Жан-Батист Донасьен Рошамбо: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rochmb>; Никола Люкнер: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#lukner>; Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер Мотье, маркиз де Лафайет: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lf>.

крайней мере на первых порах, были с точки зрения дисциплины и вообще пригодности к активной военной службе весьма неудовлетворительны. Лучшими были те, которые выбрали своих офицеров из числа освободившихся офицеров упраздненной милиции. У этих обучение пошло довольно быстро гораздо хуже обстояло дело в тех батальонах, где на офицерские и унтер офицерские должности оказались выбранными рядовые волонтеры, у которых не было никакой подготовки и которые не могли оказывать никакого влияния на своих товарищей. Провинциальные батальоны были еще хуже. Они приходили к пункту назначения в очень неполном составе и в очень плохом состоянии. 7-го октября генерал Ламорльер писал военному министру: «Вчера я устроил первый смотр батальону из Алье. В нем оказался некомплект в людях, а из числа тех, которые были в рядах, я должен был отправить назад довольно большое количество, так как они ни по возрасту, ни то росту, ни по силе не годились для того, чтобы носить оружие. Из волонтеров имеет одежду самое большое половина, и вообще с обмундированием дело обстоит очень плохо. Поставщики все время ожидают образцов. Я имею честь доложить вам, что уже неделя, как волонтеры прибыли в Мулен и они уже устали от пребывания здесь и очень настойчиво требуют разрешения вернуться домой. А граждане Мулена тоже утомлены пребыванием батальона в их городе, ибо его присутствие является им в тягость. Мне представляется очень трудным, если не невозможным, удержать волонтеров здесь столько времени, чтобы они успели быть одетыми, снаряженными и вооруженными для отправки в армию». Тот же генерал писал несколько дней спустя: «Я имею честь доложить вам о том, что среди волонтеров совершенно отсутствует дисциплина, и прошу вас указать мне такое наказание, которое нужно ввести для того, чтобы заставить волонтеров слушаться и подчиняться своему начальству, так, как это подобает всякому солдату. Им несколько раз приказано было собраться на учение или по другому поводу. Большинство отказывается идти на сборные пункты, остальная часть не приходит, не говоря ни слова». Другой генерал, Вимпфен, писал военному министру 30-го декабря о состоянии волонтерских батальонов, поступивших под его начальство, он говорил между прочим: «Вы увидите, что пройдет очень много времени, прежде чем эти волонтеры будут готовы выступить в поход. Эта задержка происходит от двух пороков их организации, о которых я с самого начала предупреждал министра: во-первых, от способа назначения офицеров, который приводит к результатам самым несчастным и даже самым смешным. При избрании на офицерские должности взяли верх интриганы, говоруны и особенно пьяницы. Они совершенно оттеснили способных людей... Второй урок заключается в том, что заботы об одежде и снаряжении волонтеров возложены на департаменты. У департаментов нет ни гроша, и это совсем не их дело».

Пребывание волонтеров в местах, где их должны были обучать и откуда они должны были вливаться в армию, для жителей было самым настоящим наказанием. Волонтеры вели себя иногда почти совершенно так, как если бы они были в неприятельской стране. Недаром чуть не каждый город, который был назначен для квартирования волонтер, всячески старался от них избавиться. Мирные жители терпели от буйств, вымогательств и грабежей новой революционной армии очень сильно. Жалобы на волонтеров так и сыпались в Париж. Между тем для Национального Собрания не представлялось другого исхода для пополнения редееющих все больше и больше рядов армии. Призыв по жребию был чрезвычайно непопулярен и упразднение милиции произошло именно потому, что вся провинция в один голос потребовала отмены ненавистного жребия. Набор рекрутов на том же основании, как это происходило в армии старого порядка, теперь считался невозможным. Что касается до принудительного набора во имя родины, во имя защиты ее от неприятеля, то время его еще не пришло. Революция считала всякое принуждение в этом деле вредным. Она думала, что армия, созданная принудительно, а не составившаяся добровольно, не может быть проникнута патриотизмом и обнаружить достаточно мужества, чтобы умирать за отечество. Поэтому, когда выяснились все недостатки первоначальной организации волонтеров, все попытки усовершенствовать существующий способ пополнения войск должны были исходить из того положения, что волонтеры навсегда останутся ядром французской армии. 28-го декабря в то время, как военный министр Нарбонн объезжал фронт и знакомился с состоянием армии, Национальное Собрание приняло подробный регламент, регулирующий службу волонтеров. В нем, между прочим, находился пункт, который в будущем должен был быть

чреват самыми пагубными последствиями. Этот пункт гласил: «Все граждане, допущенные в добровольческие батальоны Национальной гвардии, будут свободны уйти из их состава по окончании каждой кампании, предупредив своего капитана об этом за два месяца; каждая кампания будет кончаться первого декабря каждого года». Когда Нарбонн вернулся из своей поездки, он сделал подробный доклад Национальному Собранию о своих впечатлениях и предложил план реформы, которая, по его мнению, должна была возродить былую мощь французской армии. Прежде всего Нарбонну пришлось констатировать, что в армии, на которой покоилась вся надежда страны и которую считали в достаточной степени хорошо снабженной людьми, не хватало до комплекта целых 51.000 человек. Министр находил, что необходимо спешно принять меры к тому, чтобы пополнить этот вопиющий некомплект в людях. В его глазах был только один способ достигнуть того, чтобы ряды армии пополнились вновь. Этот способ заключался в том, чтобы влить волонтеров в ряды старых линейных полков. Другими словами, создать один вид армии, не разделяя старые линейные полки и новые волонтерские батальоны. Нарбонну было очень трудно защищать свой проект. Он прекрасно знал настроение Национального Собрания и предчувствовал, что критика волонтерской организации, этого излюбленного детища революции, должна будет вызвать самые серьезные нападки, так же, как и мысль о слиянии волонтерских батальонов, т. е. войск, помазанных каплею революционного еля, с частями старой армии, армии старого порядка. Он знал, что в глазах многих это значило, растворить революционное войско в войске дореволюционном и, может быть, контр-революционном. И действительно, когда началось обсуждение доклада Нарбонна в Национальном Собрании, критика посыпалась со всех сторон. Дебри говорил, что проект Нарбонна о слиянии — проект чрезвычайно опасный. «Я бы хотел, восклицал он, скорее обратного нововведения, т. е. превращение всех солдат армии в Национальную гвардию». Альбит назвал предложение военного министра вероломным. Однако, в Собрании были и сторонники военного министра. Разумеется, они все сидели на скамьях умеренных. Жокур, бывший военный, особенно энергично поддерживал предложение Нарбонна. Он указывал на то, как мало обосновано опасение, что дисциплина, столь необходимая на войне, может повести к ослаблению любви к свободе и выродиться в идолопоклонство перед вождями. «Если бы это было так, восклицал он, то из этого следовало бы, что вообще не нужно набирать армию». Жокур считал, что необходимо сделать все, чтобы создать армию, способную сопротивляться неприятелю. «Неприятельским войскам вы можете противопоставить только части хорошо дисциплинированные и хорошо обученные. Мне ответят, что мужество народа заменяет дисциплину и военную тактику. Я не буду рассматривать — является ли это утверждение истиною доказуемой, или истиной только ощущаемой, я лишь замечу, что победа, одержанная армией недисциплинированной и плохо обученной, будет стоить гораздо больше крови, чем всякая другая победа». Были и такие проекты, которые пытались примирить мнения левых Национального Собрания с мнением военного министра. Дюбайе считал, что нет необходимости вливать волонтеров в части старой армии, но что можно и нужно соединить части новых войск с частями старых, т.е. соединять людей побатальонно. Эта мысль, на которую теперь никто не обратил внимания, в недалеком будущем должна была осуществиться в виде знаменитой амальгамы. Нечего и говорить, что точка зрения левых была совершенно иная. Они относились к докладу Нарбонна совершенно отрицательно. Шалье восклицал: «Что такое армия? Это вся Франция. Здесь хотят проводить какие то различия между линейными войсками и национальной гвардией. Это ловушка, которую нам расставляют. Все французские граждане составляют армию. Зачем ее набирать? Пусть ударит набат, и все патриоты схватятся за оружие». Шалье не предполагал, что его мысль, на которую сейчас тоже никто не обратил серьезного внимания, очень скоро будет также осуществлена в жизни, как и мысль Дюбайе, ибо то, о чем он говорил, под названием всеобщего набора (*levee en masse*), было осуществлено в 1793 г. В результате обсуждения доклада военного министра Национальное Собрание отклонило его предложение.

Между тем, после путешествия Нарбонна и после того, как Национальное Собрание отказалось в какой бы то ни было форме объединить новые войска со старыми, дело организации волонтерских частей на местах подвигалось очень медленно. Отовсюду раздавались жалобы на то, что люди приходят неодетыми, плохо снабженными, совершенно износившимися и что трудно приступить к их обучению до тех пор, пока самые большие погрешности в обмундировании не будут устранены. В то же время начиналась понемногу среди самих волонтеров более здоровое течение. Под влиянием все усиливавшихся слухов о близкой войне люди сами стали понимать, что дисциплина необходима. И теперь уже усилия начальников не только не встречали противодействия со стороны солдат, но, наоборот, солдаты очень часто поддерживали самые суровые меры, предпринимаемые против лиц, нарушивших дисциплину. В одном из докладов маршалу Рошамбо начальник отдельной части сообщает о следующем случае: «Один офицер, который сделал много низостей и вызвал брожение в батальоне, был исключен своими товарищами: они заставили его подать в отставку. Этот пример, который принес такие хорошие плоды еще раньше в батальоне Ланса, произведет, как я надеюсь, то же действие и здесь и заставит гг. офицеров немного больше уважать себя в присутствии своих солдат, с которыми они слишком часто ходят по кабакам». Особенно энергично вели волонтеры борьбу против дезертирства. Но волонтеры, как постоянно жалуются офицеры, совершенно не годились для того, чтобы с их помощью усмирять какие-нибудь внутренние волнения. В этом отношении нельзя было и сравнивать старые полки с волонтерскими, и вообще дисциплина в старых полках была несравненно выше, чем в волонтерских, несмотря на то, что время самой большой распушенности в последних уже прошло. Волонтеры 1791 года, в конце концов, получили свое обмундирование и снаряжение и, несмотря на то, что Национальное Собрание запретило сливать их с частями старой армии, фактически начали вливаться в нее очень энергично. Генерал Лафайет, который командовал армией центра, по своей собственной инициативе начал сливать волонтерские батальоны с линейными полками. Успех этой меры побудил и его, товарищей следовать его примеру. Благодаря тому, что волонтерские батальоны стали постепенно сливаться со старыми войсками, налетевшая на Францию гроза не застала ее совершенно беззащитной. Французская армия, составившаяся из двух, столь непохожих друг на друга частей, имела то преимущество, что в ней в зародыше, а иногда и в развитом состоянии имелись уже лучшие особенности как старой армии, так и новых волонтерских формирований: стойкость и патриотический порыв.

Это, конечно, только сравнительно. Вообще же говоря, армия, которою располагала Франция в начале 1792 года, была все-таки в достаточной мере плохой армией. В линейных войсках сохранилась дисциплина, но эта дисциплина была сильно надорвана тремя годами распушенности. В ней были еще офицеры, старые опытные служаки, способные принести большую пользу. Но работа этих офицеров была сильно затруднена той атмосферой подозрительности, в которой они жили. В ней очень многие и ответственные должности занимали прежние низшие офицеры, которые принесли на ответственные посты накопленный долгими годами опыт, но у этих офицеров чаще всего не хватало навыков и знаний, необходимых для несения ответственной команды. У нее остался ее штаб, но он менялся очень быстро, потому что подозрения якобинцев не позволяли засиживаться на местах сколько-нибудь популярным генералам. Волонтерские полки приносили с собою самопожертвование и порыв. Они были готовы идти в огонь, не ожидая оружия и обуви. Но их порыв иногда выдыхался довольно быстро, и требовалось много усилий, чтобы удержать их в рядах. Все части армии жестоко страдали от недостатков транспорта и снаряжения. Что касается крепостей, то, хотя Нарбонн и говорил Национальному Собранию о том, что они приведены в полную боевую готовность они тем не менее продолжали оставаться в состоянии довольно жалком. Ими так долго пренебрегали, их вооружение так отстало, снарядов и провиантов было так мало, что серьезного удара выдержать они не могли. Это очень скоро было засвидетельствовано падением двух из сильнейших крепостей Франции: Лонгви и Вердена, сопротивление которых не длилось больше двух трех дней. Каким образом Франция оправилась со столькими недостатками своей армии? Прежде всего ее спасало превосходство ее артиллерии и ее инженеров. Но главной причиной того, что нападение не раздавило революцию, было то, что прусская и австрийская армии страдали от тех же зол, от

которых страдала и французская. Кроме того, как это почти всегда бывает, между союзниками с самого начала пошли разногласия и ссоры, у французской армии было время спешно приготовиться к отпору.

ГЛАВА IV. АРМИЯ в ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ. ЛАФАЙЕТ⁷

20-го апреля 1792 года Национальное Собрание объявило войну «королю Венгрии и Богемии». Военные действия должны были начаться. Начала их со страхом ожидали все, но прежде чем союзники оказались готовы, прошло очень много, времени. План военного министерства заключался в том, чтобы воспользоваться неподготовленностью противника, напасть на Бельгию, принадлежавшую Австрии, занять ее и, таким образом, обезопасить свое левое крыло. Для этого было необходимо двинуть одновременно через бельгийские границы северную армию Рошамбо и армию центра Лафайета, причем главная роль должна была принадлежать последней. Молодой революционной армии предстояло доказать на деле, чего она стоит. И первый опыт оказался таким печальным, какую не ожидали даже самые мрачные пессимисты. Выполнение плана было назначено на время от 20-го апреля до 2-го мая. Лафайет двинулся и в то время, как он фланговым маршем подвигался к северу, опираясь на Мец, два генерала из армии Рошамбо — Бирон и Диллон, должны были занять пограничные бельгийские крепости, 28-го апреля Бирон овладел первым укрепленным пунктом на неприятельской территории. Сопротивления ему почти не было оказано никакого. Он встретил лишь слабые неприятельские отряды. Все шло хорошо, как вдруг два драгунских полка, с криками «нам изменили», бросились назад, смяли пехоту, увлекли ее за собою, угрожали офицерам изрубить их на месте; весь отряд превратился и беспорядочную массу беглецов и оставил неприятелю огромные запасы вооружения и провианта. На другой день другой отряд армии. Рошамбо под начальством генерала Диллона выступил из Лиля, чтобы перейти бельгийскую границу. И опять без всякой видимой причины кавалерия с криком об измене бросилась назад, и, когда генерал пробовал остановить поток бегства, он был убит собственными солдатами. В обоих случаях виновниками паники были не волонтеры, а старые линейные войска.

Печальные события на бельгийской границе в первые дни объявления войны послужили для всей армии отрезвляющим примером. Как начальники, так и посланные Национальным Собранием комиссары принялись энергично убеждать солдат, что такие факты пятнают их честь и делают их легкой жертвою неприятеля. Но все «чувствовали, что с армией, которая способна на такую дикую панику, нужно еще много работать. Генерал Вьессе писал своему другу Бриссо: «Нужно иметь мужество сказать себе, что наши войска не в состоянии справиться с неприятелем, дисциплинированным и обстрелянным. Нужно не иметь никакого понятия о современной войне, чтобы хотя одну минуту подумать, что мужество способно возместить все, чего нам недостает. То, что случилось во Фландрии, одно из тысячи доказательств. Частности, которые мы здесь знаем, удручающи. Они говорят нам о беспримерной трусости, которая сменила самую громкую похвальбу и самые горячие выражения патриотизма. У меня от всего этого болит сердце, потому что я вижу, как то же готовится кругом нас. Ах, если бы я мог войти в подробности, вы бы увидели — патриотизм ли то, когда Национальное Собрание трусливо уступает всем капризам мятежной и буйной солдатчины, восстает против всякой мысли о подчинении и о дисциплине и говорит громкие слова против всех возможных способов восстановления порядка и спокойствия. Мне бы хотелось видеть этих, так называемых, патриотов среди солдат пьяных и неистовых, которые угрожают тем, кто осмеливается говорить им о законе, которые издеваются, оскорбляют, грабят граждан, вверенных их защите. Я сказал бы слишком много, если бы я хотел сказать все. Я умолкаю».

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ

АРМИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ее ВОЖДИ

Vive Liberta и Век Просвещения

⁷ Приготовление к войне и вступление в войну против Австрии (весна 1792 г.) – революция, альтернативному моделированию.

Письмо Вьессе представляет огромный интерес. Мы видим из него две вещи: во-первых, как много еще нужно было сделать для того, чтобы привести в порядок армию, и во вторых, как сильно мешали этой работе радикальные элементы революции. Ненависть к старой армии, к армии старого порядка у якобинцев обуславливалась тем, что на нее смотрели по привычке, как на орудие деспотизма в прошлом и как на орудие возможных контр революционных опытов в будущем. Поэтому якобинцы сознательно стремились к тому, чтобы дезорганизовать эту старую армию, разбить традиционную связь между офицерами и солдатами, расшатать дисциплину, как основание крепости старой армии. Конечно, это все очень скоро пройдет, и никто не будет более энергично насаждать дисциплину в армии, чем вожди якобинства. Когда они почувствуют, что армия уже не может быть игрушкой в руках контрреволюции, что она может служить только защите революции, они примутся вкоренять дисциплину в армии, не останавливаясь ни перед чем. Мы увидим, каких результатов достигнет их работа в этом направлении. Но в первые моменты все их усилия были направлены на то, чтобы эту дисциплину разрушить. Люди, смотревшие на вещи более трезво, уже тогда видели всю опасность этой агитации, ибо она разлагала не старую армию, а армию вообще. Якобинской пропаганде было противопоставлены много страстных протестов. Периодические издания не якобинского направления были полны статьями, оплакивающими отсутствие дисциплины. Для того, чтобы дать понятие об этих статьях мы приведем отрывок из напечатанной в «Ami des patriotes» статьи великого поэта Андре Шенье, который во время революции сменил свою лиру на перо публициста, а потом пошел на гильотину за недостаток патриотизма. Шенье говорит в этой статье: «До сих пор люди, которые с ужасом видели ослабление всякой дисциплины в наших армиях, неподчинение и бунты, возведенные в систему и ставшие нашим военным кодексом, которые видели, как солдат таскают по клубам и начинают там самыми возмутительными принципами или учат, как из правильных принципов можно выводить самые губительные и самые ложные последствия, которые смотрели на то, как начальники становятся ненавистными солдатам по всякому, оскорбляются, изгоняются, избиваются, умерщвляются безнаказанно и всегда осуждаются, не будучи выслушанными, а солдаты всегда находят извинение и оправдываются без расследования дела, осыпаются похвалою и наградами, тогда, когда; их нужно было бы наказывать... Те, кто с ужасом взирал на все эти вещи и на тысячи подобных, кто громко сокрушался по этому поводу и хотел показать нам губительные последствия этих вещей, слыли если не изменниками и злоумышленниками, то, по крайней мере, в глазах самых умеренных, — людьми, набитыми старыми предрассудками, не способных понять дух новых учреждений и подняться на высоту революции... Но они знают, что когда вооруженные и собравшиеся в одном месте люди не сдерживаются в границах строгой дисциплины, — беспорядок, беззаботность, заразительная лень не замедлят испортить их души и тело. Они знают, что неповиновение в армиях является сущностью деспотических империй, где солдаты, если и мстят иногда за несчастье всех, то несчастьями еще большими, и что свободные народы, которые свершили всею больше великого в войне, побеждали своих врагов только строгим и серьезным соблюдением дисциплины...» Кроме якобинцев, почти все смотрели на вещи так же, как Шенье. Отсутствие дисциплины рассматривалось, как самое настоящее национальное бедствие. Все понимали, что до тех пор, пока дисциплина не окрепнет, не может быть не только побед, но не может быть успеха в обороне собственной территории. А дела шли так, что не только не виделось в близком будущем укрепления дисциплины, но, наоборот, все говорило о том, что она еще долго будет находится в том же печальном состоянии, что и до сих пор.

Первые месяцы после открытия военных действий вообще были временем очень частых паник среди солдат. И линейные войска, и волонтеры одинаково легко поддавались панике и одинаково легко вносили расстройство в армию. Кто был больше подвержен этой болезни — волонтеры или регулярные полки — теперь трудно установить. В конце концов, повидимому, главная вина падает на кавалерийские части, т. е. на линейную конницу: волонтеры, как известно, служили только и пехоте. В Париже этот вопрос вызвал большие споры принципиального характера. Кто больше виноват и, следовательно, кто хуже? Весь промежуток времени и до битвы при Вальми, и очень долго после нее был занят очень горячей полемикой о сравнительной ценности двух

видов войск и нельзя сказать, чтобы даже старые генералы всегда предпочитали линейные полки. Например, генерал Монтескью, начальник созданной 13-го апреля Южной армии, писал военному министру Сервану: «Полки, которые присланы ко мне из Эльзаса, находятся в самом печальном состоянии. Тут только и есть хорошего, что несколько батальонов волонтеров. Я бы от всего сердца хотел, чтобы вы их мне прислали побольше. Я убежден, что из них можно извлечь огромную пользу. Здесь в общем они лучше обучены, более рассудительны, более дисциплинированы и более ловки, чем линейные полки. Среди них больше однородности. Они не ворчливы и не недоверчивы, как обыкновенные солдаты. Если бы батальоны были более многочисленны, я бы согласился не иметь других войск». Правда, Монтескью потом несколько изменил свое мнение, и не все генералы с ним были согласны. Например, Келлерман⁸, сделавшийся начальником Рейнской армии, настойчиво и неутомимо требовал слияния волонтерских батальонов с регулярными полками. Национальное Собрание на это никак не могло согласиться, Хотя там большинство было на стороне жирондистов, людей, которые не очень увлекались революционным новаторством, но под давлением левой они никак не могли принести в жертву того вида войск, который специально был создан революцией. 27-го июня член Законодательного Собрания Дюбайе сделал доклад об оборонительных силах Франции. Со времени доклада Нарбонна, констатировавшего некомплект 51 тысячи человек, положение несколько изменилось к лучшему — не хватало всего 27 тысяч до нормы военного времени. Под ружьем находилось 178 тысяч чело век, из которых фронты — а их было уже четыре: северный, центральный, рейнский и южный — занимало 90.600 человек.

Но пополнение волонтерских полков шло все хуже и хуже. Военный министр сообщал одну из причин, которые препятствовали дальнейшему быстрому формированию. Ссылаясь на показания департаментских властей одного из центральных департаментов, он утверждал, что причина замедления заключается в том, что национальные гвардейцы, не попавшие в первый батальон, не хотят вступить во второй, предназначенный для комплектования, под тем предлогом, что у них уже не будет права ни выбирать офицеров, ни быть самим выбранными на офицерские должности.

Для того, чтобы подогреть патриотический пыл и ускорить формирование армии, Законодательное Собрание 11-го июля 1792 года приняло знаменитый декрет, который объявлял отечество в опасности. Следствием такого объявления должно было быть то, что все граждане, способные носить оружие и служившие в Национальной гвардии, были объявлены в состоянии постоянной активной службы и обязаны выбирать между собою по мере требования с фронтов столько людей, сколько потребуется. Таким образом, принцип добровольной службы, который в 1791 году был еще в полной силе, теперь был частично отброшен. Служба в Национальной гвардии сделалась предпосылкой обязательного участия в войсках. И хотя в актах сохранилось название «волонтеров 1792 года» для тех членов Национальной гвардии, которые обязаны были идти на пополнение войск, на самом деле первый шаг от принципа добровольной службы по принципу службы обязательной был уже сделан. Целью этого нового призыва, так называемых, волонтеров была необходимость довести состав старых батальонов до полного комплекта в 800 чел. каждый, сформировать те батальоны, которые еще не были сформированы, хотя и значились в списках, и создать 42 новых батальона. С точки зрения военной, подготовки волонтеры 1792 года были по своим качествам значительно ниже волонтеров предыдущего года. Волонтеры 1791 года довольно скоро сделались отличными солдатами; волонтеры 1792 года, ряды которых были наполнены людьми уже вкусившими сладость политики и политических страстей, в массе с трудом были приведены в состояние удовлетворительное, с точки зрения военных требований.

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ

АРМИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ее ВОЖДИ

Vive Liberta и Век Просвещения

Юрий Карякин, редактор сайта Великая французская революция,
2003

⁸ Франсуа Кристоф Келлерман: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#kelmr>.

Каково было настроение армии и ее вождей? Нечего и говорить, что все эти долгие перипетии политического воспитания в войсках, посещения казарм якобинскими агитаторами и посещение якобинских клубов солдатами должно было привести к тому, что общее настроение армии было чрезвычайно революционно. Правда, перед солдатами еще не было таких лозунгов, которые делали бы для них понятными цели войны, которые заставляли бы их соединять задачи революции с собственным интересом, которые заставляли бы их видеть в победе революции победу собственного дела. Эти лозунги впервые с полной ясностью станут перед солдатами тогда, когда революция разрешит свои социальные задачи в интересах трудящихся классов, когда Конвент издаст свой знаменитый закон, по которому крестьяне получают безвозмездно и землю и волю. Законодательное Собрание совершенно так же, как и Учредительное, в вопросах социальной политики занимало колеблющуюся позицию. Если в Учредительном Собрании большинство принадлежало умеренной фельянтинской группе, то в Законодательном оно было в руках жирондистов⁹. Ни те, ни другие не решались ставить социальные вопросы так, чтобы их разрешение могло нанести ущерб владеющим классам. Поэтому провозглашение лозунга «отечество в опасности» несло с собою не убедительный, говорящий для классовых интересов крестьян лозунг, но было чисто политическим призывом, обращенным к молодому, воспитанному революцией обществу. «Опасность отечества» означало для крестьянина не лишение того, чем он уже пользовался, а скорее крушение надежд. Но в этот момент было достаточно и такого сознания. Крестьянин знал, что если придут австрийцы или пруссаки и возьмут Париж, то «австриячка» снова делается вершительницей судеб народа, и король снова будет делать все то, что угодно и выгодно дворянам. Поэтому народ шел массами в ближайшую мэрию и записывался в войска. Революционное настроение в нем подогревалось той опасностью, которая, как он видел, грозит всему делу революции. Иначе обстояло дело с офицерским составом. Значительная часть старых офицеров совершенно искренне перешла на сторону революции и старалась сделать из разлагавшейся регулярной армии, из плохо дисциплинированных волонтеров настоящее войско, способное защищать завоевания революции. Так как эмиграция унесла наиболее реакционную часть офицерства, то средний командный состав был мало задет контрреволюционными интригами. Иначе обстояло дело с высшей командой. Генералы, которые много теряли с падением всемогущества короля, плохо мирились с новыми порядками. И даже те из них, которые в начале приветствовали революцию и принимали большое участие при ее первых шагах, готовы были отступить от нее, когда им стало казаться, что она заходит черезчур далеко. В этом отношении очень типично поведение маркиза Лафайета.

Положение командующего армией доставило Лафайету двойная слава — борца за независимость Северо-Американских Штатов и одного из самых пламенных участников медовых дней революции. Лафайет действительно, казалось, вкладывал весь свой пыл в служение делу свободы. Его путешествие в Америку на помощь сражавшимся с Англией молодым республикам было целой эпопеей. Англичанам очень не хотелось, чтобы молодой французский аристократ, один из самых богатых и самых знатных представителей французского дворянства, явился в рядах войск Вашингтона и принес в дело борьбы за свободу Соединенных Штатов свою шпагу, авторитет своего имени и свое богатство. Но Лафайету удалось обмануть бдительность англичан и пробраться в Америку. Что заставляло его стремиться туда? Настоящая любовь к свободе, настоящий республиканский энтузиазм? Лафайет очень любил говорить и вспоминать про свои американские подвиги. Но его поведение во Франции очень скоро показало, какую ценность имело его преклонение перед свободой и его служение свободе. В его путешествии в Америку был, конечно, молодой идеалистический порыв, но больше всего было в нем рыцарского авантюризма, такого точно, который толкал предков Лафайета в XI веке в Святую Землю, а в XV — в Италию. Правда, в Америке своими деньгами и своими солдатами Лафайет принес большую пользу: очень уже мало было там и солдат и денег. В Соединенных Штатах недаром чтут его, как сподвижника Вашингтона. Как воин, Лафайет никогда не отличался блестящими способностями. В военных действиях в

---

⁹ Фельяны, или фейны: <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tyrs.htm>. Жирондисты: http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm.

Америке он играл второстепенную роль и никогда не получал ответственной команды. Он храбро сражался, был ранен, рисковал жизнью, но полководец в нем так и не воспитался. Это не помешало американцам оказывать Лафайету большие почести. Триумфы вскружили ему голову. С тупой самоуверенностью, которая была одним из самых коренных его свойств и должна была возрастая с годами, Лафайет возомнил себя великим человеком и решил вмешаться в трагическую распря между французским абсолютизмом и французским народом. Репутация борца за свободу в Америке сделала его карьеру чрезвычайно легкой. Он без труда избран был членом Учредительного Собрания и внес первый проект Декларации Прав, скопированной с американского образца. Сейчас же после взятия Бастилии Лафайет в глазах всех был еще последовательным врагом абсолютизма, и его выбрали начальником Парижской Национальной гвардии. Лафайету этого казалось мало. Его американский приятель Джефферсон говорил про него, что у него «собачий аппетит» к популярности и к славе. Никакие почести не казались здесь для него достаточными. Он упивался своим новым положением, не думая ни о чем. Двор ненавидел «красного маркиза», но настоящие друзья свободы начали распознавать его очень скоро. Увертки, нерешительность, неискренность его революционной позиции стали бросаться в глаза настолько резко, что, когда король сбежал в Варенн, его громко обвиняли в пособничестве. Обвинение не было основано ни на чем, но симпатии к королю у Лафайета действительно были еще большие. В гораздо большей степени, чем у других аристократов, примкнувших к революции, в Лафайете сказывалась двойственность его положения: человека социально связанного очень крепко со старым порядком и в то же время как будто решившего окончательно с ним порвать и отдать себя целиком служению силам, старому порядку враждебным: силам революции. События очень скоро должны были доказать, что окажется сильнее, — классовый интерес или идеологический порыв. И не было ничего удивительного, что идеологический порыв стал слабеть, а классовый интерес постепенно брать верх. Лафайет думал о том, что свобода может укрепиться при таких условиях, что король будет лишь слегка ограничен в своих правах. Но когда действительность показала, что конституционализм и конституционные ограничения королевских прав являются лишь первой ступенью революции, настроение Лафайета резко изменилось. Он отнюдь не был склонен менять монархию на республику и бросаться в область социальных экспериментов, грозящих ему разорением. Когда он почувствовал, что опасность грозит самому существованию монархии, он решительно стал пытаться спасти ее вместе с возглавляемым ею социальным строем и разделаться с идеологами буйной «черни». Париж учел это его настроение: при выборах на должность Парижского мэра в 1791 году Лафайет был побежден жирондистом Петионом¹⁰. Ему уже просто не доверяли.

Тогда Лафайет стал проситься в армию. При формировании фронтов он получил команду участком центра. Лафайет недаром стремился на фронт. События в Париже заставляли его предчувствовать, что очень скоро вопрос о существовании монархии будет поставлен ребром, что королю придется дать решительный бой революции. И Лафайет надеялся, что если он будет иметь под своим начальством целую армию, ему удастся бросить всю ее силу на колеблющиеся весы борьбы между монархией и республикой. С тех пор, как Лафайет уехал в армию, отношение между ним и двором очень заметно улучшилось, и твердость короля во времена жирондистского министерства, когда он отказывался санкционировать целый ряд важных декретов Законодательного Собрания и одного за другим отправил в отставку министров Ролана, Сервана, Клавьера и, наконец, Дюмурье¹¹, объясняется тем, что Людовика XVI очень энергично поддерживал Лафайет. Он даже прислал в Законодательное Собрание письмо, где обрушивался на жирондистское министерство и требовал закрытия якобинского клуба. Король верил в то, что Лафайет может его спасти, и поэтому держался очень независимо. За это он расплатился теми унижениями, которые пришлось ему вынести во время манифестации 20-го июня. Узнав о происшествиях в Париже, Лафайет бросил фронт, явился в Законодательное Собрание и именем армии потребовал, чтобы участники восстания 20-го июня были преданы суду. Есть указания на то, что во время

¹⁰ Жером Петион де Вильнев: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ptn>.

¹¹ Жан-Мари Ролан де Ла Платьер: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#rInd>.

пребывания в Париже Лафайет имел очень тесные сношения с двором и, что он вместе с генералом Люкнером, командовавшим Рейнской армией, предлагал оружием восстановить власть короля. И если бы не гордость Марии Антуанеты, которая не захотела быть обязанной своим спасением ненавистному «красному маркизу», Лафайет и Люкнер готовы были двинуть свои армии на Париж.

Из переговоров Лафайета не вышло ничего. Он уехал в армию и занялся своими прямыми обязанностями. А когда дошла до него весть о событиях 10-го августа и о лишении короля его власти, Лафайет решил действовать, чтобы восстановить погрязшие права короны. В его глазах революция зашла слишком далеко и ее необходимо было остановить. Штаб Лафайета был в Седане. Он сговорился с муниципальными властями этого города и с департаментской администрацией Арденского департамента для того, чтобы попытаться совместными силами вызвать в департаментах и в армиях всеобщее сопротивление. Заговор имел в виду восстановление королевской власти и сокрушение якобинского господства, воцарившегося вместе с парижской коммуной 10-го августа. Трое комиссаров Законодательного Собрания, очутившихся в Седане, были арестованы городскими властями по приказу Лафайета. Лафайет пробовал вызвать в армии восстание против парижской коммуны и убеждал ее двинуться против столицы. Но он встретил самое решительное сопротивление, едва не был арестован сам, и, чтобы спастись от эксцессов, которые угрожали ему со стороны возбужденных солдат, должен был бежать за границу. Он не решился отправиться в Париж, зная, что там ему придется держать ответ не только перед Законодательным Собранием, но и перед парижской коммуной, что было гораздо серьезнее. Когда он перешел границу, он попал в руки австрийцев, был отправлен, как военнопленный, внутрь страны и целых пять лет томился в казематах Ольмюца.

Дальнейшая его судьба довершает обрисовку его политической физиономии. Во Францию он вернулся после переворота 18 брюмера 1799 года, устроенного генералом Бонапартом, во время консульства и империи жил вдали от политики и вынырнул на поверхность только после Ватерлоо, когда, втайне мечтая о передаче короны герцогу Орлеанскому, он с каким-то особенным сладострастием исполнял роль могильщика империи. В последний раз Лафайет появился на авансцене во время другой революции, в июле 1830 года: опять в должности начальника Национальной гвардии. Теперь он был откровеннее. Никто не сделал так много, чтобы провалить республику. Упорный уже теперь и неисправимый идеолог монархии, Лафайет совершенно серьезно доказывал всем, что Луи-Филипп — «лучшая из республик». Он рассчитывал играть при июльской монархии более крупную роль, чем играл при империи и при реставрации, но опять обманулся в расчетах и ушел, чтобы отдалиться главному занятию, которым он наполнял промежутки между своими выступлениями, — сердитому брюзжанию. В 1834 году этот нечаянный герой многих громких дел, наконец, умер, не вызвав ни в ком большого горя.

Поведение армии при попытке мятежа, устроенного генералом Лафайетом, показывает, что революционный дух сделал большие успехи, и что подвинуть армию на контрреволюционные авантюры уже теперь — или, быть может, еще теперь — было задачей не легкой. Лафайет по своему обыкновению взялся за дело очень легкомысленно. Из его попытки даже при другом настроении солдат едва ли могло что-либо выйти. Но очень скоро должна была быть сделана другая попытка, гораздо более серьезная, исходящая от человека гораздо более ловкого, чем Лафайет, и она все-таки провалилась. Это была попытка Дюмурье.

ГЛАВА V. ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ. ДЮМУРЬЕ и его ИЗМЕНА¹²

После того, как 11-го июля 1792 года был издан акт, объявлявший отечество в опасности, события пошли чрезвычайно быстро. 25-го июля был подписан манифест герцога Брауншвейгского, командовавшего Прусской армией, в котором говорилось, что национальные гвардейцы, захваченные с оружием в руках, будут наказаны, как бунтовщики против своего короля, и что то же самое ждет обитателей городов, местечек и сел, которые осмелятся обороняться против войск их величеств австрийского

¹² Шарль Франсуа Дюмурье дю Перье: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dmr>.

императора и прусского короля. Этот манифест вызвал бурю негодования и довел до высокой степени напряжения патриотическое чувство¹³. Угроза национальным гвардейцам была угрозой половине французской армии, потому что все волонтерские батальоны были составлены из национальных гвардейцев. Солдаты были в ярости и решили сопротивляться до последней капли крови. Но в манифесте герцога Брауншвейгского заключались и прямые указания на то, что король одобряет нашествие на Францию иностранцев. Когда убеждение в этом окрепло, революция 10-го августа, отрешившая от власти короля, сделалась неизбежной. Людовик был свергнут, а 12-го сентября была провозглашена республика. Первые числа сентября ознаменовались, кроме того, еще и другими событиями, в которых дела фронта были тесно связаны с делами внутренними или, вернее, перипетии внутренней революции были ответом на происшествия на фронте. Франция больше всего боялась, что враг порвет пояс укреплений, защищавших Париж. И вот случилось худшее, чего опасались: одна за другой две крепости — Лонгви (23 августа) и Верден (2 сентября) сдались неприятелю. Уже три вести о взятии Лонгви в Париже все закипело, а когда пришла весть о взятии Вердена, возбуждение дошло до последних пределов. Пошли разговоры об измене комендантов, частью позднее подтвержденные документально. В королевских шкапулках, найденных в Тюльерийском дворце после его взятия народом, были найдены доказательства, что из своего жалования король платил эмигрантам и помогал им организовывать отряды, шедшие умее с врагами на Францию. Парижская коммуна решила обезопасить свой тыл. Было арестовано несколько тысяч приверженцев короля, священников и аристократов, а когда пришла в Париж весть о Вердене, начиная со 2-го сентября и кончая 6-м, народ врвался в тюрьмы и предавал смерти арестованных. Так погибло около 3.000 человек.^{13а}

---

¹³ См. сборник документов и материалов о развитии событий «**ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!**»: **международное и военное положение 1791-92 гг.**

^{13а} Дживелегов в данном случае ошибается крупно ошибается. Документы, исходящие от личного состава охраны, показания очевидцев или оставшихся в живых в значительной мере подтверждают традиционную версию: согласно этим текстам, участие импровизированных народных судов в избиениях бесспорно для большей части тюрем и весьма вероятно для остальных. Эти суды получили свои полномочия от народа. Последний, делегируя им свой суверенитет, от него не отрекался. Этим объясняется прием, оказанный судами, например, теми, что действовали при тюрьмах Аббатства и Ла Форс, ходатайствам секций в пользу того или иного из их сограждан; ни одно из этих ходатайств не осталось, по-видимому, безрезультатным: в них видели выражение народной воли, перед которой все обязаны склоняться. Что касается самих избиений, то, не отрицая здесь того, что могли иметь место безобразные эксцессы, бесспорно также то, что с самого начала в народном воображении начался процесс преувеличения и искажения. Он очень быстро породил некое представление, которое затем бессознательно перешло в рассказы современников и в конечном счете и в заблуждение историков. В той мере, в какой эти утрированные изображения (палачи, обнаженные по пояс, пьяные и залитые кровью) поддаются проверке, по-видимому, не соответствуют действительности ни для одной из тюрем.

Так или иначе, сегодня невозможно отличить вымысла от действительности в тех мрачных картинах, которые написаны множеством мемуаристов и историков; их собственный интерес заключается в том, что они показывают, какое яркое впечатление на многие умы произвела дикость этих истреблений посредством сабли и дубины. Но необходимо заметить: не было ружей и боеприпасов для защитников родины; представлялось непатриотичным тратить порох и патроны для такого дела.

По П.Карону:

Аббатство — 156—196,

Бисетр — 160—170,

Карм — 141

Шатле — 215—220,

Консьержери — 100—350,

Бернардинцев и Ла Форс — 208,

Сен-Фирмен — около 75,

Сальпетриер — 35.

Итак, общий итог **от 1090 до 1395.**

Всегда допускалось, и это бесспорно, что значительное число заключенных избежало избиений. Из вероятного общего числа заключенных, содержавшихся в девяти перечисленных выше тюрьмах — 2782 человека, — минимальное число спасшихся составило 1333 (47,9%), максимальное — 1628 человек (58,5%). (См., напр., материал нашего редактора: <http://vive-liberta.livejournal.com/22860.html>)

Что Лонгви и Верден не могли выдержать и нескольких дней осады, было неудивительно при том плохом снабжении крепостей, которое в то время имелось, но опасность тем не менее от этого не становилась меньше. Нужно было принимать спешные меры к тому, чтобы загородить дорогу наступающим неприятельским войскам. Перемена команды была произведена еще раньше. После бегства Лафайета начальником северной армии был сделан Дюмурье, министр иностранных дел, а потом военный в жирондистском кабинете, а центральной армией был назначен командовать даровитый генерал Келлерман, вместо Люкнера, которого подозревали в связях с Лафайетом. Во главе Рейнской армии стал Бирон, во главе Южной остался Монтескью. Но мало было переменить начальников, нужно было дать им в руки солдат, откуда взяла республика необходимые для нее силы? Ко 2-му празднику федерации, к 14-му июля 1792 года в Париж стали собираться батальоны и отряды Национальной гвардии и волонтеров со всех концов Франции. Законодательное Собрание постановило создать из этих «федератов» (federes) лагерь около Парижа для того, чтобы из этого лагеря постоянно посылать части для пополнения фронтов. Из Парижа федераты были отправлены в Суасон для того, чтобы закончить свое обучение, обмундирование и снабжение. Их начальники не очень были довольны поведением этих войск в Суасоне. Генерал Дюгу, командующий Суасонским лагерем, жаловался военному министру на то, что федераты требуют увеличения жалования, не хотят составлять маршевые роты, идущие на подкрепление, и вообще плохо подчиняются дисциплине. 4-го сентября Дюгу едва не был убит своими солдатами, которые обвиняли его в том, что он посылает их на убой. Если волонтеры предыдущего года начали понемногу подчиняться дисциплине и становиться хорошими солдатами, то с федератами 1792 года все приходилось начинать сначала. Законодательное Собрание, не очень доверяя силе армий, занимавших восточный фронт, постановило создать еще одну армию, внутреннюю армию, которая была предназначена для того, чтобы задержать неприятеля на случай, если ему удастся прорвать фронт. Во главе этой армии был поставлен генерал Лабурдоне, которому с самого начала пришлось встретиться с невероятными трудностями при попытке создать из плохо обученных и недисциплинированных солдат что-нибудь крепкое. В сущности говор», то, что называлось армией, не превышало трех или четырех тысяч человек. Парижская коммуна послала в качестве комиссара в Шалонский лагерь квартиру внутренней армии одного из самых энергичных своих членов Бильо-Варена¹⁴. Уже по дороге его особенно поразили две вещи: во-первых, всеобщий крик: «Где наши регулярные войска?», а во-вторых, настроение волонтеров, отступавших от Вердена и уверявших, что пруссаки отличные люди и очень добры по отношению к народу. «Понятно, - говорил Бильо-Варен, - какое пагубное впечатление должен производить такой язык, особенно когда эти рассказы про пруссаков, передаются с убежденным видом теми самими, кто должен их опровергать и с ними бороться». Маршал Люкнер, который после своей отставки был назначен генералиссимусом и должен был заботиться о том, чтобы пополнения незамедлительно шли во все армии, был в полном отчаянии. Ему все время приходилось бороться с непрерывными паниками, случаями прямого неповиновения, с отказами подчиняться, с дезертирством, и он с горечью должен был сознаваться в том, что он бессилен что-нибудь сделать. Когда генерал Лабурдоне принял на себя команду внутренней армии, он начал самым энергичным образом вести борьбу со своеволием федератов и волонтеров. То же самое приходилось делать и Келлерману в своей армии и особенно Дюмурье. Самым важным было найти какой то психологический момент, когда можно было перейти от пассивного отношения к своеволию солдат к энергичным дисциплинарным мерам. До Дюмурье генералы очень слабо боролись с отсутствием дисциплины и с дезертирством среди солдат. Дюмурье решил поставить на карту все и рискнуть, если нужно, своей жизнью для того, чтобы восстановить дисциплину. Он был того мнения, что до тех пор, пока нет дисциплины, нет армии, способной сопротивляться и побеждать.

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ

АРМИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ее ВОЖДИ

Vive Liberta и Век Просвещения

Юрий Карякин, редактор сайта Великая французская революция,

¹⁴ Жан Никола Бийо-Варен: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#BV>.

Случай показать свою твердость в вопросе о поддержании дисциплины представился очень скоро. Два волонтерские батальона убили несколько неприятельских пленных. Дюмурье немедленно приказал генералу Бернонвилю арестовать виновных, отправить их на суд Конвента, а оба батальона разоружить и распустить. Когда Бернонвиль начал приводить в исполнение этот приказ, он встретил со стороны офицеров и солдат батальона такое суровое осуждение проступка, совершенного их товарищами, что не решился осуществить его полностью. Виновные были выданы, отправлены в Париж, но батальоны остались. Только с помощью этой суровой дисциплины Дюмурье удалось организовать свою армию так, что она оказалась способна выполнять сложные маневры. Пруссаки надвигались. После падения Лонгви и Вердена путь на Париж был открыт. Нужно было его загородить. Дюмурье выработал смелый до безумия план. По соглашению с генералом Келлерманом, командующим соседней армией, он начал маневрировать так, что оказался в тылу у герцога Брауншвейгского. Париж дрогнул. Неприятель стоял теперь между ним и армией. Все зависело от того, устоит ли молодая армия революции перед испытанными прусскими полками. После всего того, что было известно о беспорядках и отсутствии дисциплины, ненадежности волонтеров, на это надеялись очень немногие. Но армия оказалась на высоте. При Вальми 20-го сентября 1792 года французы не отступали перед прусскими полками. Артиллерийская дуэль кончилась победою французов. Старая линейная артиллерия показала, что она достойна своей славы. Герцог Брауншвейгский теперь сам оказался в очень тяжелом положении. Путь к отступлению преграждали ему две армии. Среди его войск начался голод. Двигаться вперед было бы безумием, и герцог Брауншвейгский стал отступать. Когда известие о Вальми пришло в Париж, там уже не было Законодательного Собрания. 20-го сентября собрался Конвент и началась новая эра в истории Фракции.

Но это было только началом. Враги обступали Францию со всех сторон. Необходимо было на все фронты посылать подкрепления, необходимо было заботиться об организации тех войск, которые вливались в ряды старых солдат. Волонтеры 1791 года уже освоились со своим положением. Под Вальми¹⁵ они успели показать себя с лучшей стороны. Их выдержка под убийственным артиллерийским огнем спасла положение. Теперь, когда пруссаки отступили и нашествие не угрожало более Франции, нужно было наступать для того, чтобы бить врагов на их собственной территории. Наступление начала южная армия. Генерал Монтескью в сентябре и в октябре завоевал Савойю¹⁶. Следующим этапом наступления была область Верхнего Рейна. Чтобы осуществить это наступление, была создана новая Вогезская армия. Во главе ее был поставлен помощник Бирона — генерал Кюстин¹⁷, ветеран Семилетней войны и войны за Американскую независимость. Он пользовался огромной популярностью среди солдат, но манера с ними разговаривать, его безумная храбрость, его знаменитые усы, его способность на внезапные атаки — все вселяло солдатам доверие к нему. Они ему верили; опираясь на эту веру, Кюстин, подобно Дюмурье, начал самую беспощадную войну с отсутствием дисциплины. Когда французы вступили в Шпейер, было несколько случаев грабежа. Кюстин приказал немедленно расстрелять офицера и двух солдат, уличенных в грабеже, причем расстреливал виновных их собственный батальон. Кюстин начал наступление в конце сентября, очень быстро занял Шпейер и Вормс, а 21-го октября — сильную крепость Майнц. В то время, как Кюстин наступал на Рейне, Дюмурье повел наступление против Бельгии. Австрийцы осаждали Лилль, в то время, как Дюмурье и Келлерман сражались с пруссаками в Шампани. Когда герцог Брауншвейгский отступил, Дюмурье, оставив Келлермана его преследовать, сам бросился на север. Он очень скоро заставил австрийцев снять осаду Лилля (7 октября), а 6-го ноября при Жемаппе на голову разбил имперскую армию. У австрийцев в Бельгии не осталось больше войска. Дюмурье быстро двинулся вперед и к 28-го ноября Бельгия была вся занята.

---

¹⁵ Сражение при Вальми — первая крупная победа французской армии. См.: <http://vive-liberta.gumer.info/?p=13>.

¹⁶ О присоединении Савойи см., в частности, отчеты представителей Конвента Эро Сешеля и Филибера Симона: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/HS/HS_montblanc_aelsace.htm#*.

¹⁷ Адам Филипп Кюстин: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#custn>.

Так кончился первый период войны. Французские солдаты справились с теми задачами, которые возложила на них история. Тем не менее организация армии оставляла желать еще очень многого. Все это великолепно сознавали, генералы так же, как и военные министры. Очевидно, нужно было что-то предпринять для того, чтобы всех солдат, способных на внезапный порыв, умеющих неожиданным натиском опрокидывать врага, брать крепости и завоевывать целые страны, — превратить в грозное войско, способное побеждать всегда. Донесения генералов всегда говорили одно и то же: что как старые полки, так и новые волонтерские батальоны, полны патриотического порыва, но не обладают большою стойкостью, своевольны, склонны к неподчинению, плохо одеты, плохо обуты, плохо вооружены. И, что самое главное, волонтерские батальоны все таки еще не могут сравниться в выдержке со старыми войсками. Чем можно было помочь в таком положении? Когда в Париже начали об этом думать, все чаще и чаще начали возвращаться к той мысли, которая когда-то впервые возникла в Национальном Собрании при обсуждении доклада Нарбонна, — к мысли о необходимости слить старые линейные полки с новыми волонтерскими батальонами. Чтобы лучше управлять всеми военными делами, Конвент образовал у себя специальную комиссию, которой были поручены вопросы обороны. Она получила знаменитое имя Комитета общей защиты. А 26-го февраля по докладу Дюбуа-Крансе был принят, как увидим ниже, декрет о так называемой амальгаме. Слияние линейных полков с добровольческими батальонами начало проводиться в жизнь.

А необходимость новой организации армии чувствовалась тем более, что все боялись непрочности первых успехов. Победы Монтескью, Кюстина и Дюмурье были плодом не столько организации армии, сколько быстроты натиска и неустойчивости порыва французских солдат. Армия попрежнему была снабжена плохо, очень страдала от недостатка снаряжения и от отсутствия дисциплины. Как только неприятель усиливался, «плоды первых побед сейчас же оказывались очень не надежными. Факты обнаружили, что предвидение разсудительных людей были, к сожалению, более чем основательны. Весною 1793 года начались неудачи. Пруссаки, обрушились на Кюстина, заставили его отступить и осадили Майнц. Дюмурье, перешедший было границу Голландии, не только должен был вернуться в Бельгию, но вдобавок разбитый там при Неервиндене, должен был очистить и всю бельгийскую территорию. К этому моменту относится и тот факт, который ярким эпизодом выделяется в истории революционных войн. Он так же типично характеризует настроение старых генералов, как и настроение молодой армии. Это — измена Дюмурье.

Дюмурье был очень интересным типом революционного деятеля. Когда началась революция, он был уже не молод, ему было 53 года. Он был сыном военного комиссара старого, режима. Юношей он принимал участие в Семилетней войне. Когда кончилась война, он вышел в отставку с чином капитана, с орденом Св. Людовика и с 600 ливров пенсии. Из войны он вынес преклонение перед Фридрихом II и ненависть к Австрии. В нем кипело огромное честолюбие, он жаждал сделать карьеру и стал бросаться всюду, где ожидал успеха своим планам и видел возможность выдвинуться. Решив сделаться дипломатом, он отправился сначала в Италию, потом побывал в Корсике; и тут и там ему не повезло. Он пробрался в Испанию, потом в Португалию. Наконец, удрученный неудачами, вернулся в Париж и убедил герцога Шуазеля дать ему дипломатическую миссию в Польше. Потом снова вернулся, запутался в интригах, попал в Бастилию, оттуда был переведен в одну провинциальную крепость и получил свободу вместе с воцарением Людовика XVI. Когда началась революция, он был военным комиссаром Шербурга. До сих пор он все время терпел неудачи. Теперь ему стало казаться, что пришла его пора. Одаренный очень подвижным умом, ловкий и изворотливый, он увидел в революции прежде всего одно: великое перемещение людей на разных более или менее высоких должностях, возможность выдвинуться для тех, кто раньше был в тени... Он слишком много страдал, слишком много разочаровывался, ему не терпелось получить свою долю в успехах и в славе. Революционные порывы, революционный идеализм были ему совершенно чужды. Он совсем не был энтузиастом свободы. Ему было совершенно безразлично, какими способами достигнет он поставленных себе целей, но он решил, что эти цели будут достигнуты. Очень подвижной темперамент, умение приспособляться, готовность идти на всяческие компромиссы и вера в то, что теперь, наконец, ему удастся

пробиться, двигали им. Он бросился в водоворот событий. Он был готов на всякие превращения. У него были кое какие друзья. Довольно быстро он начал подвигаться по лестнице военной службы был сделан генералом, получил командование, сблизился с Жансоне — одним из вождей жирондистов, завязал близкие сношения с Бриссо, а через него и со всей партией. Одновременно он искал тайных ходов ко двору и вел запутанные интриги с королевскими придворными. Словом, стал приемлем и для правящей партии и для короля. 15-го марта 1792 года он сделался министром иностранных дел в жирондистском кабинете. Время его пришло на этот раз по-настоящему. Этот немолодой уже, маленький человек с быстрым и живым взглядом, в напудренном парике, элегантно одетый, с обильным жестом, образованный, вышел на путь большой политики. Ему не долго пришлось занимать свой пост. Жирондистское министерство оказалось недолговечно, и карьера дипломата для Дюмуре кончилась довольно быстро. Но в истории французской дипломатии и особенно в истории революционной дипломатии Дюмуре все таки оставил свой след. Он был заклятым врагом Австрии. Ему всегда казалось, что Франции придется еще раз посчитаться со своей старой соперницей для того, чтобы разделать ее и этим открыть себе свободное поле действий в Священной Римской Империи. Он не боялся войны, хотя он прекрасно знал, что французская армия очень слаба. Но так же, как и большинство жирондистов, он считал войну необходимой, надеясь на то, что она укрепит положение королевской власти и сделает невозможным дальнейшее развитие крайних революционных идеологий. Объявление войны Австрии было в значительной степени результатом деятельности Дюмуре. Но когда война была объявлена, оказалось, что Франции придется иметь дело совсем не с династической войной, как рассчитывал вместе со своими жирондистскими друзьями Дюмуре, а с войною народной, революционной. Королю казалось очень трудно противостоять революционному энтузиазму и, несмотря на поддержку Лафайета и жирондистов, он должен был сдавать одну за другой свои позиции, пока 10 августа не опрокинуло окончательно его трона. Дюмуре в это время уже не был министром. Одно время он взял себе вместе со своим портфелем и портфель военного министра, но после 10-го августа должен был выйти в отставку и выпросил себе командование в армии. Когда Лафайет изменил, его сделали главнокомандующим Северного фронта. В этой должности он подготовил победу при Вальми, одержал победу при Жемаппе и завоевал Бельгию. Поражение при Неервиндене 18 августа уничтожило плоды всех его побед. Надежда «а блестящую военную карьеру и на все то, что с нею было связано, рухнули безвозвратно. В момент наибольшего своего торжества Дюмуре мечтал об очень смелых вещах. Ему казалось возможным привязать к себе армию своими победами и своим отношением к солдатам и вести ее за собою всякий раз, когда это казалось ему необходимым с точки зрения его личных целей. Во время своего заключения в Бастилии он много читал, хорошо знал римскую историю, и ему было великолепно известно, чем кончаются порою революционные войны. Примеры Суллы и Цезаря кружили ему голову. Он ненавидел якобинцев и с большим трудом мирился с крайностями революции. Его идеалом была конституционная монархия. Ему казалось, что он может остановить революцию и вернуть положение вещей к тому, что было до 10-го августа. Когда ему пришлось очистить Голландию и Бельгию, планы измены созрели в его голове окончательно. Надежды на блестящую военную карьеру рухнули. В Дюмуре проснулось то, что было всегда самым типичным в его облике — авантюризм. Пока успех сопровождал его карьеру, он был хорошим слугою своей родины и хорошим генералом. Когда счастье повернулось к нему спиной, он решил поставить на карту все. Почему он обманулся в своих расчетах? Именно потому, что он не понимал духа революции, не понимал души французского солдата. Ему казалось, что любовь к начальнику может затмить в глазах солдат идею родины. Он забыл, что ему придется иметь дело не столько с линейными войсками, которые были испорчены в конец политической пропагандой и действительно могли пойти за кем угодно, но и с волонтерами, т.е. с людьми, для которых идея родины была все.

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ

АРМИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ее ВОЖДИ

Vive Liberta и Век Просвещения

Юрий Карякин, редактор сайта Великая французская революция, 2003

Когда этот план у него созрел, он порвал с Конвентом и вступил в соглашение с австрийцами. Он разсуждал, как авантюрист, и как циник Его целью было восстановление монархии. Если бы ему удалось победить австрийцев окончательно и заключить с ними мир, он восстановил бы монархию престижем победоносного генерала. Теперь он был побежден, но мир, все равно был, то его мнению, неизбежен. Однако последствия мира должны были остаться теми же, что и в случае его победы: королевская власть должна была быть восстановлена. Различие заключалось в том, что реставрация теперь должна была быть проведена не победоносной французской армией под его командой, а иностранной армией при его участии.

23-го марта австрийский главнокомандующий принц Кобургский принял генерала Монжуа, который явился к нему от имени главнокомандующего северной армии. Монжуа оказал Кобургу, что генерал Дюмурье решил положить конец всем бедствиям, которые раздирают его несчастную родину, восстановить конституционную монархию, распустить Конвент и наказать в Париже всех преступников. Кобург послал к Дюмурье полковника Мака, который окончательно установил с Дюмурье условия его измены. Мак и Кобург думали только об одном, о том, чтобы дезорганизовать французскую армию, которую они считали гораздо сильнее, чем она была на самом деле, выиграть время и тем самым подготовить новое победоносное наступление на Францию. Дюмурье они говорили о том, что они согласны с его планами, и что они готовы эти планы поддерживать. Они требовали от него сдачи крепостей и похода на Париж во главе французов с тем, что сами они последуют за ним. Дюмурье был на все согласен. Он слепо верил в свою власть над солдатами и ни минуты не сомневался, что его армия последует за ним. Между тем в Париже Конвент узнал о том, что в Северной армии не все благополучно. О том, что Дюмурье собирается изменить, там не подозревали, но Дюмурье оказывал неповиновение Конвенту и этого было довольно, чтобы Конвент заволновался. Дантон бросил все, приехал в Бельгию, виделся с Дюмурье и пытался убедить его подчиниться приказаниям Конвента. Дюмурье отвечал уклончиво. Тогда Конвент послал к Дюмурье военного министра Бернонвиля и нескольких своих комиссаров. В случае упорства Дюмурье, он должен был быть арестован и доставлен в Париж на суд революционного трибунала. Но Дюмурье сам арестовал всех троих комиссаров и военного министра, хотя он не раз бился с ним вместе против тех же австрийцев. Все были выданы неприятелю. Вслед за этим он приказал своим офицерам занять крепости, чтобы передать их неприятелю. Но уже весть об измене Дюмурье распространилась по всему фронту, комиссары Конвента увлекли за собою солдат в отдельных городах, Дюмурье пробовал обратиться к своим войскам с речью и убедить их за ним последовать, но все было тщетно, — солдаты, слушая его, постепенно покидали ряды. Волонтеры одного батальона, по приказу своего полковника — это был Даву, будущий маршал — стреляли в него, он едва спасся и бежал к австрийцам в сопровождении принца Шартрского, будущего короля Луи-Филиппа, его брата герцога Монпансье и нескольких офицеров. Здесь, в разговоре с Кобургом, Дюмурье убедился, что он был игрушкой в руках австрийцев, что к его политическим планам Кобург был совершенно равнодушен, что неприятельского главнокомандующего интересовало только одно — добиться разложения французской армии, возможности занять крепости и вторгнуться во Францию. Роль Дюмурье была кончена. На большой арене истории он промелькнул, как метеор, показал большие таланты, еще большую безпринципность и кончил так, как это всего больше соответствовало его натуре: авантюристом. Остаток жизни он скитался, а под конец переехал в Лондон и там негласно помогал своими советами английскому штабу, который вел войну с его родиной.

В эпизоде с Дюмурье самое характерное, конечно, не то, что нашелся генерал, тоскующий по старому порядку, ненавидевший революцию и пытавшийся остановить ее там, где она не могла остановиться. И, конечно, не то, что генерал пытался увлечь за собою солдат, веря, что солдаты еще не свыклись с революционным духом, не оценили выгоды революции для широких народных кругов и будут ослеплены настолько, что по его приказу проведут грань между своим, солдатским и общим народным. Самое замечательное в эпизоде измены Дюмурье — поведение войска. Войско не пошло за своим генералом, хотя этот генерал был самым популярным из всей плеяды командующих генералов Франции, хотя это был любимец всей армии, человек, водивший

ее к победам и деливший с нею все трудности походной жизни. Когда этот генерал поставил перед армией вопрос: я или родина, — солдаты отвернулись него отвернулись, они стали на защиту родины против генерала. Они поняли, что интересы родины — это интересы революции, и что защищать родину, можно только защищая революцию. Эти плохо одетые, часто босые, далеко не всегда сытые, старые солдаты и молодые добровольцы настолько сроднились с духом нового времени, что при тяжелом испытании, ставшем перед ними, они нашли правильный путь.

ГЛАВА VI. АРМИЯ И КОНВЕНТ. КАРНО

Поражение на Рейне и в Бельгии, в связи с изменою Дюмурье, делало положение Франции чрезвычайно опасным. Не только старые противники удвоили свои усилия, но со всех сторон стали появляться новые. Этому способствовала перемена точки зрения на цели войны. Пока у власти стояли жирондисты, целью войны была вооруженная пропаганда. Согласно декрету 19-го ноября 1792 года, Франция обещала «братскую помощь и поддержку» всякому народу, который захочет завоевать себе свободу. Когда у власти оказалась партия Горы, точка зрения переменилась. Декретом 15-го декабря того же года взгляд на задачи войны был выставлен совершенно другой. Теперь речь шла уже о настоящей революционной войне. Конвент приказывал генералам ниспровергать аристократические власти, конфисковывать церковные имущества, упразднять все феодальные повинности и вводить повсюду французскую правительственную систему. Одно это уже вызвало противодействие. Положение еще больше усложнилось после казни короля. Трагедия 31-го января 1793 года¹⁸ навсегда поссорила французскую революцию со старой Европой. С точки зрения старых монархий не было ничего противоестественного в поддержании сношений с Французской республикой, — они к республике привыкли. Но когда республика отрубила голову королю, она сразу сделалась неприемлемой. Поэтому, очень скоро после казни короля против Франции выступили и те государства, которые раньше с нею не воевали. Прежде других Англия, потом Голландия, потом Рим, потом Неаполь, наконец, Испания и Германская империя. Нейтральными оставались только Швейцария, Дания, Швеция, Турция и две Итальянских республики — Венеция и Генуя¹⁹. Поражение Кюстина на Рейне и Дюмурье Бельгии, казались очень плохими предвестниками будущего. Бельгию пришлось очистить. Из всех завоеваний Кюстина удалось сохранить только Майнц, да и тот был осажден без всякой надежды на спасение. В тылу поднялась Вандея, Бордо, устраивали заговоры жирондисты, восстал Лион²⁰, Тулон пустил к себе англичан. Казалось, Францию может спасти только чудо. И это чудо совершил Конвент.

Конечно, Конвенту было бы чрезвычайно трудно сделать то, что он сделал, если бы между многочисленными противниками Франции парило единство. Но после Неервиндена этого единства оказалось не больше, чем перед Вальми. Конвент сумел воспользоваться тою отсрочкою, которую представила ему неурядица и отсутствие плана среди союзников. Конвент прекрасно понимал, что для того, чтобы выйти из затруднений, необходимо прежде всего преобразовать армию. Армия никак не могла притти в сколько-нибудь нормальное состояние. Противоположность между старыми ли не иными полками и новыми волонтерскими, постоянная вражда между ними приводили к тому, что армия представляла все, что угодно, только не единство. Потери в линейных полках нельзя было возместить, потому что люди не шли служить туда на старых условиях: гораздо выгоднее было поступить в Национальную армию и записываться в волонтерские батальоны. А волонтерские батальоны таяли не по дням, а по часам, благодаря

---

¹⁸ Опечатка в оригинале: бывшего короля Людовика XVI казнили 21-го января. О суде над ним см.: *К.Беркова. Процесс Людовика XVI; «Часовая стрелка революции подошла к полдню». 21 января 1793 года: казнь или убийство? - дискуссия; Революция и легитимность: Людовик XVI, Мария-Антуанетта и законы Республики.*

¹⁹ Фоссей Дж. Кобб Херншоу. Европейские коалиции, союзы и согласия, 1792-1918 гг. (<http://vive-liberta.narod.ru/doc/mid2.pdf>), *В.Третьяков. Французские революционные войны 1792-96 гг. Стратегический очерк.*

²⁰ *А.Гордон. Федералистский мятеж; В.Маркова. Народное движение в Лионе (21 сентября 1792 - 29 мая 1793): 1, 2, 3.*

благодаря дезертирству. Противоположность между линейными полками и волонтерскими батальонами превращалась мало помалу в предмет политических и партийных пререканий. Защищать линейные полки стало представляться делом опасным и контр-революционным. Наоборот, защищать волонтерские батальоны сделалось признаком якобинского и санкюлотского хорошего тона. В старых линейных полках получался огромный недостаток в солдатах, благодаря потерям на полях сражения, в волонтерских сверх того, благодаря дезертирству и отсутствию дисциплины. А так как вдобавок волонтеры нанимались только на одну кампанию, а кампания по закону кончалась 1-го декабря, то 1 декабря начинался исход волонтеров с фронта по домам.

Все эти обстоятельства заставляли людей, занятых вопросами урегулирования организации армии, решительным образом поставить вопрос о слиянии старых полков с новыми батальонами. Чрезвычайно неблагодарную задачу защищать эту мысль перед Конвентом взял на себя Дюбуа-Крансе²¹. С цифрами в руках и с неопровержимыми данным он доказывал необходимость слияния. «В декабре, говорил он, в ваших линейных войсках не хватало 34.122 чел., а в настоящий момент (Дюбуа-Крансе говорил 7 февраля 1793 года) несомненно больше 40.000. Волонтерские батальоны в ноябре насчитывали вместо 800 чел.; требуемых по закону, всего 559. С тех пор эта цифра еще уменьшилась. Есть батальоны, в которых нет и 100 человек. Если к этому прибавить недостаток людей в кавалерии, в легких войсках и в артиллерии, то окажется, что вам придется призвать по набору 300.000 чел., из которых 100.000 для линейных войск, а 200.000 для волонтерских батальонов, — хотя у вас есть офицеров, генеральных штабов и кадров на 800.009 чел. Таким образом, необходимо столько же, в интересах наших финансов, сколько и для упрощения военной администрации и операций на фронтах и для обеспечения комплекта армии принять необходимые меры. Дюбуа-Крансе предлагал оставить в неприкосновенном виде линейные батальоны, как наиболее опытные и связанные обязательством долговременной службы, и с ними соединить волонтерские батальоны. «Соединение одного линейного батальона с двумя батальонами волонтеров, которые вам предлагают, и превращение их в одну часть, — дезорганизует только штабы. Основа всякого батальона — офицеры и солдаты, остается та же самая. Таким образом образуются полубригады из трех батальонов с одной ротой артиллерии и 6 пушками, — организация чрезвычайно простая для генералов, которые в своих операциях всегда ведут счет по батальонам, полубригадам, бригадам и дивизиям. Наконец, эта операция дает полную возможность комплектовать войска, ибо становится совершенно безразличным для волонтеров принадлежать к тому или другому батальону: у всех будет одни и тот же режим, одно и то же название».

Конвент, хотя и понимал, что реформа, предлагаемая Дюбуа-Крансе необходима, тем не менее не мог сразу отказаться от старых точек зрения: хотя Дюбуа-Крансе и избегал ненавистного слова полк, которое в глазах якобинцев отзывалось старым порядком, и заменял его более современным и более приятным для революционного слуха словом полубригада, но уже одна мысль о том, что волонтеры, это детище революции, будут слиты в нечто единое с солдатами старого порядка и станут под начало старых офицеров, наполняла якобинцев негодованием. Дюбуа-Крансе выслушал много возражений. Ему пришлось напрячь все усилия, чтобы одержать победу. Он говорил: «Армия дезорганизована, ибо, принимая во-внимание разложенность различных элементов, которые ее составляют, можно видеть каждый день, что солдаты дезертируют, чтобы вступить в ряды волонтеров, и даже полковники волонтеров ходатайствуют, как об особой милости, чина подпоручика в линейных полках. Никто почти не доволен своим положением, и если патриотизм сравнивает всех в момент сражения, он является новой пищей для страстей на другой день после сражения... Вы не забыли, надеюсь, о том, что я оказал о необходимости призвать раньше, месяца 300.000 человек. Нужно говорить определенно и не скрывать правду. Этот призыв может состояться только путем набора всех граждан во всех департаментах, способных носить оружие... Как только вы ударите в набат, необходимо, чтобы все граждане взяли за оружие и поспешили на свои места. Будем ли мы настолько беспечены и настолько

---

²¹ Эдмон-Луи Алексис Дюбуа-Крансе: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#db-cran>.

нерассудительны, чтобы ждать от доброй воли граждан тех усилий, которые требуются сейчас велением обстоятельств?»

21-го февраля был издан декрет, который принимал в общем все основные положения доклада Дюбуа-Крансе. В нем говорилось, что отныне прекращаются всякие различия между линейными полками и национальными волонтерами, что образуется одна единая пехотная часть, полубригада, составленная каждая из одного батальона прежних линейных полков и двух батальонов волонтеров. Форма будет общая, жалование будет общее. Но, подчиняясь давлению левой, Конвент постановил, что декрет войдет в силу лишь после окончания кампании 1793 года. Это была уступка якобинцам, которые боялись, что реформа, проведенная перед лицом врага, может окончательно дезорганизовать армию. Однако, многие из генералов, и в том числе Дюмурье, не стали дожидаться конца кампании и немедленно же провели так наз. амальгаму. Если бы все генералы последовали примеру тех, кто не хотел ждать истечения срока, указанного в декрете, быть может многие из тех печальных явлений, от которых армия страдала в течение всего 1793 года, могли бы быть избегнуты.

Мы помним, как печально началась весенняя кампания, и какие неудачи постигли французов в Бельгии и на Рейне. Нужно было преобразовывать армию, ибо со всех сторон приходили известия о том, что в ней дела идут все хуже и хуже. Генералы жаловались на то, что у них разбегаются солдаты, что не хватает людей, что дезертирство опустошает ряды, что солдаты не подчиняются никакой дисциплине, грабят население. Бернонвиль, когда он был еще на фронте, жаловался, что в одной из его рот осталось всего двое: один подпоручик и один сержант. Маршевые батальоны, приходившие на пополнение, оказывались совершенно негодным материалом, потому что они были не обучены и не одеты, Бирон писал военному министру: «У меня слишком много ртов и слишком мало рук для дела». Убеждения не действовали на волонтеров, они считали себя в полном праве уходить, ибо срок их службы составлял только одну кампанию. Конвент много раз издавал декреты, в которых призывал волонтеров вспомнить о долге. «Закон, гласил один из этих декретов, позволяет вам вернуться домой, лик родины требует, чтобы вы остались». Все было бесполезно.

После измены Дюмурье, агенты военного министра Лебрена сообщали ему следующие сведения о положении дел в Бельгии и на границе: «Все линейные войска с самого начала войны не переставали давать доказательства своего мужества. Линейная пехота собралась под своими знаменами, за то часть волонтеров рассыпалась, побросала или распродала свое оружие и совершила ряд эксцессов, — плод отсутствия дисциплины, и вопиющего невежества офицеров». - Немного позднее: «Дух армии превосходен, но выправка волонтеров вызывает возмущение. В качестве лиц, назначающих своих начальников, они считаются с ними не больше, чем обыкновенно считаются со своими креатурами, и это происходит оттого, что они выбирают без всякого внимания к военным талантам и к моральному превосходству кандидатов. А ведь дело совсем не в том, чтобы быть патриотов, а в том, чтобы уметь защищать родину. Я видел здесь, что волонтерские батальоны везут за собою по двадцати или больше телег, когда они находятся в движении, и что эти телеги так полны женщинами, детьми, колыбелями, что не остается никакого места для больных и для солдатской клади». В это же время представители Конвента при северной армии Карно и Дюкенуа писали Конвенту: «Волонтеры не хотят подчиняться никакой дисциплине, они являются бичем своих хозяев и приводят в отчаяние деревни. Рассеянные по постоям, где они только шляются, они подвергаются опасности быть рассеянными и изрубленными сколько-нибудь предприимчивым неприятелем... Мы не знаем, что делает военное бюро, но наши волонтеры всегда голые. Нужно признаться, что это бездонная бочка: едва солдат получает башмаки, как он уже идет их продать. Некоторые продают даже свое платье и свои ружья». Несколько позднее они же пишут: «Дух жадности обуревают всех и губит все; честь уже не при чем... Невозможно исчислить все зло, которое произвела система замены рекрутов. Из нее вытекает, что люди привыкли продаваться, подобно скотине, что они сделали себе ремесло из дезертирства, для того, чтобы продаваться пять или шесть раз в разные батальоны, и что крепкие люди, которые должны были идти в поход, заменяют себя хромыми, пьяницами и безпутными. Это урок для будущего». Еще позднее, сообщая о взятии одного пункта у неприятелей и о последовавшем вслед за

за этим грабежом, Карно пишет Конвенту: «Солдаты почти все были более или менее пьяны. На каждом шагу кто-нибудь падал... Их мешки были так полны наворованными вещами, что они не могли их нести... Невозможно думать о каком бы то ни было последовательном завоевании с такими войсками, как бы они ни были храбры. Ничто не может устоять против их первого удара. Но как только он нанесен, разнузданность начинается повсюду, и если бы неприятель сумел повернуть назад, он бы мог произвести страшную резню». Другие комиссары Конвента, Дюбуа-Крансе, Девиль, Гаспарен, Альбит, требуют немедленного введения в жизнь декрета об амальгаме. Девиль сообщает, между прочим, любопытные факты, показывающие, как сильно было среди линейных войск нежелание объединяться с волонтерами и принимать их форму, ибо согласно декрету, общей формой должен был быть синий мундир волонтеров, а не белый — линейных войск. Девиль пишет: «Соперничество между линейными войсками и волонтерами становится все более острым. Каждый день полковникам волонтеров предлагают место капитана в линейных войсках. Каждый день, вопреки закону, дают новую одежду линейным солдатам. Есть основание опасаться, что вскоре линейный солдат будет краснеть от мысли стать равным волонтеру... Я не вижу другого лекарства против возможных несчастий, как немедленное образование полубригад по мере того, как будут соединяться два волонтерских батальона с одним линейным, и немедленно же дать форму национальной гвардии всем линейным солдатам. Это изменение формы будет стоить расходов, но я отвечаю, что республика выиграет от него во сто крат, ибо всякое различие будет устранено».

Конвент прекрасно понимал что все эти меры были действительно необходимы, но для того, чтобы их провести, нужно было преодолеть очень энергичное сопротивление левой, а между тем, якобинцы усиливались все больше и больше. После того, как 31-го мая 1793 года из Конвента были исключены все наиболее видные жирондисты, у якобинцев, оказалось большинство, и все направление политики перешло в руки их вождей. Дантон еще сохранял свою власть, но ему становилось все труднее бороться с возраставшим влиянием Робеспьера. 27-го июня Дантон должен был покинуть Комитет Общественного спасения, которым он руководил, и уступить власть Робеспьеру и его ближайшим друзьям. Якобинское правление воцарилось надолго. Каким же образом якобинцы думали разрешить все те сложные вопросы, которые выдвигала война?

Прежде всего должность военного министра, которая была соединена с очень реальной властью и при Учредительном Собрании и при Законодательном Собрании, постепенно стала становиться чисто декоративной. После того, как вышел в отставку жирондист Серван и должен был отказаться от своей должности заместивший было его Дюмуре, военным министром сделался Паш, ставленник жирондистов, но очень быстро начавший проникаться совершенно другой политической идеологией. Паш²² был честолюбив и искал популярности. Его помощники вносили в армию политику, проповедуя ей якобинские идеи. Дезорганизация армии в конце 1792 и в начале 1793 года целиком лежит на ответственности Паша. Он окончательно расстроил продовольственную организацию. Добровольцы покидали свои ряды с криком: «Кормите нас и одевайте, иначе мы уйдем».

Когда генералы требовали сапог для солдат, им присылали детскую обувь. Господство Паша кончилось тем, что Дюмуре поехал в Париж и убедил Конвент сместить его. Место Паша занял Бернонвиль, из которого мог выработаться прекрасный военный министр. Его звали Аяксом французской армии. Он был отлично знаком с солдатом, долго командовал и занимал высокие посты, был очень строг в вопросах дисциплины и великолепно знал, чего не хватает армии для того, чтобы двигаться вперед, не оглядываясь по сторонам. Правда, он был склонен к фанфаронадам, любил театральные эффекты и громкие слова, но это не шокировало ни солдат, ни подчиненных ему офицеров. Если бы Бернонвиль остался на своей должности дольше, быть может в армии не было бы многих недостатков, которые потом так ее одолевали. Как мы знаем, Бернонвиль своим бывшим приятелем Дюмуре был выдан австрийцам. Его место занял Бушот, уже настоящий якобинец, который больше заботился о том, чтобы в армии был силен дух патриотизма, чем боевая готовность. Своей угрюмой нетерпимостью и полным

---

²² Жан-Никола Паш: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#pach>.

отсутствием каких-бы то ни было предвзятых симпатий и антипатий, умением выбирать людей, Бушот сделал довольно много. Но душою обороны были не военные министры, — душою обороны был человек, который был просто членом Комитета Общественного Спасения. Это был Карно²³.

Ему было около 40 лет, когда он вышел на большую арену истории. В молодости он был инженером, занимался научными вопросами, много путешествовал. Его первая работа, обратившая на себя всеобщее внимание, была посвящена Вобану, великому инженеру и теоретику крепостной войны. Карно взял его себе за образец и ему суждено было продолжать во французской армии традиции Вобана. Мы знаем, что инженерные войска вместе с артиллерией всегда составляли, как при старом порядке, так и в начале революции, цвет французской армии. Карно воплощал в себе так же, как в свое время Вобан, лучшие качества французского инженерного офицера: огромные специальные знания, острый ум, железную трудоспособность и чрезвычайно ясный взгляд, которым умение схватывать детали, свойственное математике, сочеталось с почти художественным чутьем — с даром безошибочно охватывать целое. Революция сделала его одним из самых страстных патриотов и сторонников новых идей. Правда, в одном отношении Карно уступал не только своему, великому образцу, но и многим из своих товарищей по работе во время революции. У него не хватало широты государственного человека. Он был великолепным военным министром. Он сделался, как говорили тогда, организатором победы, но он никогда не мог возвыситься до широкого политического охвата тех событий, которые он переживал. И быть-может то, что у него не было политического гения и неизменно связанного с ним политического честолюбия, способствовало тому колоссальному успеху, который сопровождал его работу. Методичный, предусмотрительный, Карно, приступая к своей грандиозной задаче, не хотел ничего оставить случаю. Он хотел предвидеть все и все рассчитать заранее. Он начал, как инженер. Он объехал и осмотрел всю восточную и всю южную границу Франции, чтобы увидеть, куда нужно направить самые большие усилия. В начале перед ним рисовался план чисто инженерной защиты родины. Потом, постепенно, этот план расширился. Силою вещей Карно оказался выдвинутым на роль главного руководителя всего военного дела. Он окружил себя сотрудниками, которые прошли свой служебный стаж в старой армии и которые решили отдать свои силы защите родины при новых условиях, хотя почти все они принадлежали дворянству. То были: Дарсон, Фавар, Лакюз. Карно приходилось защищать их против якобинского натиска энергично, порою с ожесточением. Но он не выдавал своих сотрудников никому. Он умел выбирать людей. Он умел распознавать таланты по самому мимолетному проявлению. Ему достаточно было увидеть офицера в небольших чинах пылу сражения и он сразу определял, чего он стоит. Его безошибочному взгляду обязана была Франция тем, что во главе ее армии появилась та бесподобная плеяда генералов, которые спасли ее от иноземного нашествия, и которые понесли далеко за ее пределы ее знамена. Якобинцы его очень не любили. Карно с его скромностью и простотой, сего отсутствием тщеславия, чуждый жеста и революционной фразы, казался им живым укором. Но Карно был нужен. Другого человека, более приспособленного к выполнению той Задачи, которая легла на страну, найти было невозможно. И Карно была представлена полная свобода. 14 августа 1793 года Карно вступил в число членов Комитета Общественного Спасения, занял свой кабинет, привел туда своих сотрудников, обложился картами и чертежами и начал работать. Положение его было чрезвычайно трудно. В качестве члена Комитета, Карно был ответственен за все его акты, в том числе и за те, которые вызывали самое большое возмущение. Под очень многими смертными приговорами стоит его подпись. Карно, стиснув зубы, подписывал свое имя под Приказами, отправлявшими на гильотину десятки людей. Но это не мешало ему ненавидеть Робеспьера, а его роль в Комитете Общественного Спасения, сознание того, что он нужен, что без него террористы не обойдутся, создавала ему настолько независимое положение, что он мог говорить Робеспьеру, Кутону и Сен-Жюсту такие вещи, сотовой доли которых было бы достаточно для другого, чтобы отправиться на Грэвскую площадь. Он бросал Сен-Жюсту в лицо такие фразы: «Ты и Робеспьер стремитесь к диктатуре». «Я взял себе право, говорил

---

²³ Лазар Никола Маргерит Карно: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#carnot>.

позднее Карно с трибуны, называть Робеспьера тираном всякий раз, когда я с ним разговаривал». Робеспьер платил ему самой бешеной ненавистью. «Если его терпят в Комитете, признавался он, то это потому, что он нужен. При первой же неудаче наших армий его голова скатится». Сен-Жюст говорил ему: «У тебя есть связи с врагами патриотов. Знай, что мне достаточно нескольких строк, чтобы составить твой обвинительный акт и заставить гильотинировать тебя в два дня». Но тронуть Карно все-таки не решались, ни во время террора, ни позднее, когда при термидорианской реакции начались гонения на активных якобинцев. Был однажды случай, когда в Конвенте один из роялистов Анри Ларивьер, требуя суда над целой труппой людей, произнес имя Карно, и Конвент, одержимый контр-революционным пылом, готов был уже отдать Карно в жертву гильотине. Но достаточно было кому-то из задних рядов крикнуть: «Что вы делаете? Карно организовал победу!» — и Конвент устыдился. Сталкиваясь с Робеспьером, Кутонем и Сен-Жюстом каждый день, Карно старался работать изолированно. Он не вмешивался в высокую революционную политику, не спорил с красным триумvirатом по вопросам о казнях, об убийствах и о коммунистических мероприятиях. Но он никогда и не защищал этих мер ни в Конвенте, ни в Коммуне, ни в якобинском клубе. Он совершенно устранился от сношений с департаментами по вопросам об углублении революции. Он знал свой кабинет, ему нужно было руководить организацией армии, направлять ее движение²⁴. Дела у него было столько, что хватило бы на целый штат таких же работников, как он сам, и он с головой ушел в это дело. Ему часто некогда было даже сходить домой пообедать. Он закусывал тут же, среди бумаг и чертежей, куском хлеба, который запивал лимонадом. Рядом с ним, в том же приблизительно положении, работали Робер Ленде и Приер из Котдора, на ответственности которых лежало снабжение армии, и Жанбон Сент-Андре, который управлял флотом. Это была группа технических работников, которая своим самоотверженным трудом, своей преданностью делу и своим пламенным патриотизмом вынесла государственный корабль из тех бурных волн, которые готовы были его захлестнуть²⁵.

Кабинетная работа не поглощала Карно целиком и невозможно было, сидя в Париже, руководить военными делами так, чтобы не делать никаких ошибок. Карты часто приходилось, менять тишину своего кабинета а шумную работу в самом пекле фронтовых дел. И ему нечего было учиться этому. Простым членом Конвента задолго до вступления своего в Комитет Общественного Спасения, Карно посещал фронт и ознакомился с положением дел. При первых слухах об измене Дюмурье он в числе других депутатов, был отправлен в Северную армию, чтобы урегулировать там положение дел. Он лишь случайно не попал в ставку Дюмурье и не был выдан им австрийцам. Когда слух об измене Дюмурье подтвердился, именно Карно собрал разбросанные в разных местах отряды армии Дюмурье, вдохнул в них патриотический пыл, увлек за собою и сделал невозможным затею генерала-изменника — вести за собою в Париж против Конвента вверенные ему войска. Позднее, когда нужно было заново разрабатывать все планы войны и выполнять их, Карно после того, как был уже установлен основной план кампании, не оставлял в покое генералов, которые должны были вести войска и выполнить намеченную задачу. Он думал, что ему удастся добиться фактического руководства из Парижа, но когда Гушар оказался не в состоянии сообразовать свои действия с точными предписаниями Карно, он сам поспешил на фронт. Операция Гушара три Гондшооте не привела к тем результатам, которых ожидал Карно, благодаря

---

²⁴ Автор сильно идеализирует Карно. Во-первых, его несомненный профессионализм часто приводил его к нарушению установившегося в Комитете общественного спасения принципа коллегиальности, а это, в свою очередь, вело к серьезным стратегическим ошибкам. Так, «организатор победы» Карно едва не стал виновником поражения Северной армии летом 1794 г., и победа при Флерюсе была одержана вопреки Карно и благодаря военному чутью и инициативе Луи-Антуана Сен-Жюста, находившегося в миссии при армии. Во-вторых, «невмешательство» Карно во внутреннюю и внешнюю политику, «непричастность» к террористическим законам и решениям Комитета, полностью опровергается, напр., **А.Оларом** (см. «**Политическую историю Французской революции**»: http://on-island.net/History/Olar/Part_1.pdf, http://on-island.net/History/Olar/Part_2.pdf, http://on-island.net/History/Olar/Part_3.pdf, http://on-island.net/History/Olar/Part_4.pdf).

²⁵ Справедливости ради надо сказать, что все члены Комитета работали в одинаковых условиях, и каждый нес на себе огромную нагрузку и ответственность. **М.Булуазо. Комитет Общественного спасения.**

недостатку энергии у главнокомандующего. Гушар был смещен и заменен Журданом, которого нашел Карно. Чтобы не повторилось то-же самое, Карно сопровождал нового главнокомандующего и вместе с ним командовал в решительном сражении при Ваттиньи. В нем он распоряжался, как верховный начальник, и вел солдат в атаку со шпагою в уке, как рядовой лейтенант. А когда все было кончено, враг отступил и стратегическая задача была решена блестяще, Карно отдал всю славу победы Журдану. Несколько позднее он угадал в юном начальнике батальона, который сыпал на каждом шагу самыми яростными яacobинскими тирадами, первоклассного полководца. Это был Гош.

Так, меняя кабинет на поле сражения и шум битвы на тихую работу над картами, Карно до конца стоял на своем посту, скромный и простой, непоколебимый в своем упорстве и готовый пожертвовать всем, чтобы одолеть опасности. Это он создал те 14 армий, которые отбили врага повсюду и которые сделались способными в руках даровитых генералов раздвинуть границы Франции до Рейна и дальше. Когда Карно взялся за работу, в армии было немногим больше 200.000 человек. Когда он кончил свою работу, 14 армий республики насчитывали 1.200.000. Когда он начинал, отсутствие дисциплины, дезертирство, плохое снабжение, недостатки организаций постоянно опустошали ряды войск. Когда он кончил, армия представляла крепко спаянное целое, сильное организацией и непобедимое по духу патриотизма, который ее одушевлял.

Карно был не только организатором в собственном смысле этого слова. Его работа была шире. Сидя в своем кабинете, он задумал и провел реформу гораздо более серьезную, реформу всего военного дела, всего старого военного искусства. Господствовавшая стратегия и тактика были стратегией и тактикой, выработанной, главным образом, в Семилетнюю войну. Основую ее был методический маневр. Карно понимал, что с его солдатами, набранными второпях, плохо вооруженными, плохо снабженными, голодными и разутыми, нельзя было вести такую систематическую и правильную войну, как со старыми дисциплинированными войсками. Он понимал, что и в тактике, и в стратегии нужно придумать что-то такое, что давало бы возможность использовать главное преимущество плохо организованных и мало дисциплинированных революционных солдат: и несокрушимый порыв. И он нашел и новую тактику, и новую стратегию. Конечно, не он один искал и находил новые принципы военного искусства. Генералы, присылавшие ему свои донесения, раскрывающие недостатки существующих способов ведения войны, давали ему толчки для его творческой работы, а подчас и подсказывали главные основные идеи. Особенно много в этом отношении помогал ему, как мы увидим, Гош. Заслугою Карно было то, что умел разглядеть в этих на спех набросанных, иногда плохо додуманных до конца, мысль генералов, здоровые зерна. Он их систематизировал, приводил в порядок и от имени власти делал эти - новые идеи обязательными для всех армий революции.

В одном из своих донесений Комитету Общественного Спасения Карно таким образом формулировал сущность реформы военного дела, назревавшей в его сознании: «Нужно уравновесить искусство количеством и вести войну массами людей: направлять в пункты атаки столько войск и артиллерии, сколько можно собрать; требовать, чтобы генералы находились постоянно во главе солдат, чтобы они давали им пример мужества и самопожертвования; приучить тех и других не считать никогда неприятеля, а бросаться на него очертя голову, со штыком на перевес, не думая ни о перестрелке, ни о маневрировании, к которому французские солдаты совершенно не приучены и не подготовлены».

Основанием его тактики было, словом, наступление глубокими колоннами. После энергичной артиллерийской подготовки Карно приказывал бросать батальон за батальоном в тот пункт, от которого зависела участь боя. Эта тактика требовала огромных жертв людьми. Но ни Карно, ни генералы, ни солдаты, не считали тех, кто оставался на поле сражения. Смерть была ничто. Важна была победа. И Карно понимал, что французскому темпераменту революционному подъему масс роднее всего именно такая тактика. Когда загремит марсельеза и солдат увидит впереди трехцветный шарф и шляпу с перьями генерала или комиссара Конвента, несущегося верхом на коне под пулями и ядрами, он ринется и все сокрушит на пути. Факты показали, что Карно судил верно, и что та тактика, которую он сделал тактикою революционных армий, несла спасение стране.

И стратегия Карно была другая, чем та, которая существовала до революции и которой руководились генералы, стоявшие во главе неприятельских армий. С солдатами революции нельзя было пользоваться сложными маневрами, для этого революционные армии были слишком плохо снабжены и механизм их был слишком элементарен. То, что называлось искусством маневрирования, нужно было заменять быстротой передвижения. Революционный маневр был манёвром быстроты. Когда Гош прислал в Комитет Общественного Спасения свою знаменитую записку, предлагавшую, как мы увидим ниже, новые основы стратегии, Карно понял, что Гош подает ему яблоко с дерева познания. Основой стратегии Карно была простая задача: пользоваться разделением неприятельских сил и стараться быть в каждом данном случае сильнее отдельных групп неприятельских армий, хотя бы общая численность неприятеля была больше. Это была та стратегия, которую применяли Моро и Сугам при Туркуане, Гош в Германии в 1794 и 1796 гг., и которую сделал такой классически законченной Бонапарт в своих бесконечных войнах. Нужен был именно гений Карно, чтобы суметь объединить отдельные указания практики и в случайных набросках генералов найти общие руководящие идеи. Карно можно упрекать порою в некоторой педантичности при выработке стратегических планов, особенно ярко сказавшейся в навязанном Журдану и Моро плане немецкой кампании 1796 года. Но за ним нужно признать ту заслугу, что, несмотря на отдельные ошибки, он верно понимал дух своего времени, хорошо знал своего солдата и умел угадывать, куда нужно наносить удары тем противникам, с которыми Франции приходилось иметь дело.

Дальнейшая карьера его была такова, какой можно было ожидать, принимая во внимание отсутствие у него широких политических горизонтов и умения разбираться в сложной сети непрерывно сменяющихся политических явлений. Он ушел от дела, когда во главе Франции утвердились термидорианцы, представлявшие победоносную буржуазную стихию, явившуюся на смену яркого демократизма, сильно окрашенного коммунистической струей. В 1795 году он сделался членом Директории. Но его прошлое, приставший к нему и не стиравшийся якобинский ярлык делали его неприемлемым для торжествующей буржуазии. После переворота 18 фрюктидора, которым господствовавшая партия обезопасила себя от натиска слева, Карно должен был бежать, чтобы не поплатиться головой или, в лучшем случае, ссылкой. Он долго пробыл в изгнании, вернулся, когда уже царил Бонапарт, но вновь вознестись на ту высоту, на которой он был во время якобинской диктатуры, он уже не мог. Карно и Бонапарт друг друга не любили. И хотя Наполеон призывал его потом к активной работе, но Карно видной роли не играл. Ему не хватало самостоятельности и свободы. Вне этих условий организатор победы работать не умел. Один только раз он воскресил свою былую славу: защищая в 1814 году Антверпен против союзников, которые так и не могли его взять. Конец жизни он снова провел в изгнании, потому что реставрация не прощала ему голосования за казнь короля. Он умер в Германии, работая над своими трудами по военно-инженерному делу. Его «Трактат о защите укрепленных пунктов» до сих пор считается классическим.

ГЛАВА VII. ЯКОБИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ТЕРРОР В АРМИИ²⁶

Якобинцы вовремя поняли, что, не овладев армией, они не могут овладеть положением. И мы знаем, что в самые первые времена революции они поставили одной из главнейших своих задач проникновение в казармы и пропаганду среди войск. Мы видели, к каким результатам привела эта пропаганда. Образование полковых комитетов в линейных полках, гонение, поднятое против офицеров из дворян, усвоение революционной фразеологии солдатами, — все это было делом якобинских агитаторов. Связь между якобинскими клубами и армией с тех пор так и не обрывалась. Когда появились волонтерские полки, якобинцы сейчас же перенесли все свои симпатии на них.

---

²⁶ В дополнение к этой главе рекомендуем: *М.Буковецкая. Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции; Э.Ференбах. Идеологизация войны и радикализация Французской революции; М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины; ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.: монтаньяры, эбертисты, дантониисты «бешеные»; Д.Ростиславлев. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры («Пер Дюшен»); Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры.*

Старая армия была объявлена армией отжавшей, неспособной возвыситься до понимания новых национальных задач, а волонтеры провозглашены единственной опорой страны, единственной надежной силой, которая может принести с собою спасение как от внешнего, так и от внутреннего врага. Когда началась война, задачи якобинцев сделалась сложнее. Пока военное министерство было в руках жирондистов, армию охраняли от политики. И Серван, и Дюмурье стояли на той точке зрения, что армия должна сражаться, а не заниматься политикой. А когда министром сделался Паш, он, несмотря на то, что был ставленником тех же жирондистов, по отношению к армии, стал действовать по другому. Он искал популярности и хотел пользоваться поддержкою не только жирондистов, но и якобинцев. Он взял себе в помощники людей, которые вышли из недр якобинского клуба и которые рвались в армию, чтобы насаждать там якобинскую идеологию. Помощники Паша, Газенфранц и Венсан, стали применять систему, которую принял и Конвент. Они посылали в армию своих агентов, так называемых «Комиссаров исполнительной власти». То были завсегда и якобинских клубов, буйные патриоты, ловкие ораторы, научившиеся в Париже действовать на массы. Их пропаганда в армии ставила себе одну главную цель: очистить штабы от всякой контр-революционной интриги, очистить армию от оставшихся еще офицеров, дворян и следить за тем, чтобы комиссары Конвента не увлеклись духом контр-революции. Это называлась «патриотизацией армии». Бернонвиль, сменивший Паша, прекратил якобинское миссионерство в армию, но оно с новою силою началось, когда министром сделался Бушот, плоть от плоти якобишзма. Теперь «обрабатывать» солдата было уже легче, чем при Паше. Военное министерство закупало в Париже большими партиями издания, которые поставили себе целью вести борьбу с контр-революцией. Журнал Марата «Друг Народа», листок Эбера «Отец Дюшен» и официоз якобинцев «Газета Горы» целыми тюками отправлялись в армию и раздавались солдатам. Вместе с литературой туда же шли и агитаторы. Их было много и они делали свое дело настойчиво и планомерно. Комиссар военного министра Дефрен писал Бушоту 16 мая 1793 года, т. е., еще до переворота в Конвенте, опрокинувшего, жирондистское большинство: «Я вам буду постоянно повторять, что амальгама волонтеров и линейных войск является необходимой, чтобы уничтожить тот корпоративный дух, который ежедневно проявляется все в новых формах, благодаря глухим маневрам линейных офицеров... Необходимо при каждой армии создать постоянный и подвижной революционный трибунал». Дефрен не был самым буйным из комиссаров военного министерства. Там были другие, которые далеко превосходили его напряжением революционной страсти. Один из них, Селье, писал Бушоту того же 16-го мая из Северной армии: «Мы нашли армию в общем в хорошем состоянии, но общественный дух в ней необходимо оживить и в особенности направить на правильный путь, ибо существует очень много людей в разных частях войск, которые пытаются развратить ея и распространяют злонамеренные инсинуации между солдатами. Эти лица, в частности, очень малочисленны между офицерами, которые в общем больше заняты своими должностными делами и совсем не воодушевлены любовью к отечеству. На генералов, вообще говоря, смотрят дурно, ибо они по большей части из «бывших» или известны отсутствием гражданских чувств (civisme). Еще больше увеличивает недовольство против них огромное количество женщин, которые находятся при армии, иногда и мужском костюме, и которые сопровождают их повсюду... Солдаты часто жалуются на офицеров, из которых многие кажутся им подозрительными. Дезертирство пришло ужасающие размеры, дороги полны людьми, которые покинули свои знамена, и, несмотря на все предосторожности принятые для того, чтобы их арестовать в пути, им удается бежать. Я уверен, что это нужно приписать недовольству всякого рода против офицеров, равно как и полному пренебрежению, в каком офицеры оставляют солдата. Солдат совершенно не знает того, что происходит, он не осведомлен ни о чем, известия приходят в армию очень случайно и чрезвычайно поздно. Принимая все необходимые меры защиты, не следует пренебрегать средствами против того внушающего тревогу состояния, в котором находится армия. Настоятельно необходимо изгнать из нее всех подозрительных офицеров, которые предают нас на каждом шагу. Необходимо уничтожить азиатскую роскошь, в которой живет генеральный штаб. Необходимо, наконец, чтобы комиссарам, которым поручено следить за тем, что происходит в армии, было вменено в обязанность осведомлять

осведомлять также, и солдата и предупреждать его против всяких злокозненных протеклов и устранять всякий заговор против свободы... Пора, наконец, если мы хотим победить, очистить армию от тех преступников, которые ее заражают, и заменить их во всех должностях настоящими санкюлотами». Естественно, что главная часть нападков обращается не против волонтерских батальонов, а против линейных частей. 30-го мая Селье и другой комиссар военного министерства, Варен, отправляют Бушоту целый якобинский донос на один из линейных полков. «Этот полк, - пишут они, известен во всей армии своими дурными принципами; мы видели нескольких из его солдат, которые могут сделаться хорошими солдатами, если у них будут офицеры-патриоты... Мы уже вам говорили много раз, что линейные части, вообще говоря, плохи. Нам кажется, что есть средство помочь делу: распределить линейных солдат между волонтерскими батальонами. В них как раз не хватает очень много людей и этим способом их можно было бы сильно пополнить». Чтобы более успешно распространять патриотический дух в армии, Селье и Варен в июне 1793 года приступили к массовой раздаче в войсках «Журнала Горы» и «Отца Дюшена». Они доносят об этом Бушоту: «Трудно изобразить вам, с какой радостью приняли солдаты эти издания и какое впечатление произвело на них чтение о фактах, которые в них заключаются.

Нам остается только пожалеть, что у нас не было с собою достаточного количества, чтобы раздать, по крайней мере, по одному экземпляру на роту... Пока что, солдаты составляют между собою группы, кто-нибудь читает так, чтобы все могли слушать, и чтение кончается под крики «браво». Несколько дней тому назад мы уже раздали некоторое количество листов, озаглавленных «Республиканец», которые мы добыли у депутатов. С их помощью, а также тем, что мы им сообщили устно, мы осведомили солдат о дне 31-го мая, относительно которого их пытались ввести в заблуждение... В армии теперь мыслят и рассуждают совершенно так же, как в Париже, и общественный дух, царящий среди солдат, тот же, которым одушевлены добрые республиканцы. Невозможно изобразить, какой переворот произвело все это в настроении армии в течение двух недель. Солдаты не знали ничего из того, что происходило в Париже. Сведения, приходящие на фронт, были искажены, но с тех пор, как мы приняли меры против всяких злонамеренных измышлений, после того, как мы стали проповедывать учение и принципы, которыми руководствуются истинные республиканцы, после того, как ко всем этим средствам мы присоединили раздачу патриотических журналов, солдаты неузнаваемы. Они воодушевлены совершенно другим духом. Чтобы в этом убедиться, достаточно объехать фронт... Мы думаем, что ничто не способствует так укреплению общественного духа, который распространяется в армии, как чтение газет. «Отец Дюшен» особенно произведет наилучшее действие». 24-го июня Селье и Варен отправляют новый донос на офицеров, «которые упорствуют в ношении своих старых форм и старых знаков отличия их чина». «Это упорство в желании сохранить отличия вызывает ропот среди волонтеров, и все держатся того мнения, что пока линейные части будут образовывать особые отряды, на них нельзя будет рассчитывать.

Дух, царящий среди них, самый возмутительный, и легко понять причину этого. Офицеры, стоящие во главе их, держатся дурных принципов. В них еще жива любовь к королю и желание иметь короля. Они все еще сторонники и креатуры Дюмурье, Лафайета и их соучастников. Они видят, что при республиканском правительстве места будут распределяться по заслугам, а не по интригам, и нет тех средств, которые они не пустили бы в ход, чтобы совратить солдат и заставить их служить своим проектам, гибельным для свободы (*liberticides*)... Необходимо принять еще одну меру, если мы хотим быть уверенными в успехе нашей армии: изгнать без сожаления из армии всех дворян, какие бы они не занимали чины... Дворянство в глазах санкюлотов является патентом на отсутствие гражданских чувств, (*incivisme*). И люди, обладающие такими титулами, должны вести нас к свободе! Пусть же дворяне исчезнут из армии, пусть линейные войска сольются с волонтерскими батальонами! Иначе мы будем встречать предательство на каждом шагу и каждый день подвергаться новым опасностям».

То, что Селье и Варен делали в Северной армии, делалось их товарищами во всех остальных. Пропаганда становилась все более и более энергичной и, конечно, производила свое действие. Нападки против дворянства недолго оставались теоретическими и отвлеченными. Представители военного министра вскоре нашли определенных лиц, на которых сосредоточили свои удары.

Террор был вызван опасностью, в которой оказалась Франция. Без героических средств она сделалась бы жертвой неприятеля, т.е. реакции и реставрации. Террор спас от этого страну, хотя и страшной ценою. Террор в армии ставил тоже определенную цель: обеспечить единство в ведении военных операций. В знаменитой инструкции генералам от Комитета Общественного Спасения об этом говорится очень ясно: «Много кричали о неповиновении солдат. Неповиновение генералов это то, что больше всего вредит общественному делу. Никто из них не принес в жертву своего самолюбия, чтобы подчиниться единому плану. Почти все пустились в частные планы, то из-за ложно понятой мании личной славы, то из жажды власти, то из-за бунтарского духа, то по неспособности. Нужно, чтобы они знали, что они сами подчинены строгой дисциплине, налагаемой на них правительством... Толчок, данный на севере, отзывается на юге, данный в центре — на окраинах. Из этого следует, что как только генерал выходит из полученных инструкций и принимает решение, которое кажется выгодным, он может привести к гибели общее дело самым фактом успеха, ибо успех будет только местным. Он разрушает единство плана, он сокрушает целое, он федерализирует военную систему».*

Необходимо было во чтобы то ни стало добиться проведения в жизнь, именно, единого плана, того который выработывал Карно, сидя в Комитете Общественного Спасения. Ибо Карно и был фактически и главнокомандующим, и военным министром. Бушот и другие носители должности военного министра были чем-то вроде политических комиссаров при Комитете, не более. В военные планы и в военную организацию они не смешивались. Их не допускали, хотя это были свои люди. Нет ничего странного, что и генералов держат в строгом подчинении. Обеспечивая единство плана, команды и организации, террор в то же время способствовал тому, что дисциплина и порядок в войсках укреплялись. Генералы, зная, что Конвент и Комитет Общественного Спасения не простят им не только измены, но и крупной ошибки, напрягали все свои силы для того, чтобы оказаться достойными того доверия, которое им было оказано родиной. Они знали, что, рискуя жизнью на поле битвы, они могут сделать самую головокружительную карьеру. Они знали также, что, щадя свою жизнь и прячась от пуль и ядер неприятеля, они очень легко могут попасть под неумолимый топор гильотины. Представители Конвента, представители исполнительной власти, т.-е. агенты военного министра, а еще больше — журналисты, как Марат, Эбер и др., которые стояли на страже завоеваний революции, зорко следили за тем, чтобы генералы и офицеры не уклонялись от выполнения своего долга: при малейшем подозрении против них сейчас же принимались соответствующие меры. Причиной такого именно отношения к командному составу, кроме того, было недоверие к старой армии, укоренившееся в умах радикальных представителей революции. Армии верили постольку, поскольку армию составлял народ. Поэтому и командному составу верили постольку, поскольку он выходил из рядов народной армии. Все то, что связывало офицеров со старым порядком, особенно дворянское происхождение, казалось достаточным основанием для того, чтобы откосяться с подозрением к ним и быть к ним беспощадными, как только это подозрение мало-мальски начинало оправдываться. Строгости, которые применялись к генералам, не щадили и простых офицеров

Солдаты, особенно солдаты волонтерских батальонов, страдали от террора несравненно меньше. Террор в армии кончился, как видно уже и из рассказа Булара, когда прошла опасность, грозившая республике, и когда кончилась якобинская диктатура.

---

* Чрезвычайно интересно, что террор находил оправдание у одного из самых яростных врагов революции и республики Жозефа де Местра. Он считал его явлением провиденциальным, потому что он спас единство страны. — *примеч. А.Дживелегова.*

С падением Робеспьера, террор почти сошел на нет²⁷. В последний период Конвента и при Директории казни генералов и офицеров сделались явлением исключительным.

ГЛАВА VIII. ВСЕОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Когда Конвент в феврале 1793 года постановил произвести амальгаму, как помнит читатель, выполнение ее на практике было отложено до конца кампании 1793 года. Но многие генералы, не дожидаясь этого срока, начали проводить амальгаму по собственной инициативе. Она вводилась не всегда по правилам, которые декретировал Конвент, т. е. сливались в полу бригаду не один батальон линейной пехоты с двумя волонтерскими, а столько, сколько оказывалось под рукою у генерала, чувствовавшего необходимость эту амальгаму осуществить. Самым ярким примером амальгамы до срока был пример Майнцкого гарнизона. После того, как генерал Клебер, командовавший Майнцем во время его осады неприятелем, должен был капитулировать, он выговорил себе право покинуть крепость с оружием в руках, с одним только обязательством: не принимать участия в делах против союзников. Конвент направил эти превосходные опытные войска вместе с генералом, который так великолепно ими командовал, против вандейцев, и, именно, они нанесли вандейцам первый и самый сокрушительный удар. За время осады в дивизии Клебера слияние линейных полков с волонтерскими батальонами совершилось само собою. Постоянное соприкосновение, постоянный пример сделали из волонтеров такие же стойкие дисциплинированные части, какими были линейные полки Майнцкого гарнизона. И в Вандее дивизия Клебера показала, каких превосходных результатов может достигнуть амальгама.

Когда отдельные примеры досрочной амальгамы оказались так богаты результатами, Конвент, декретом 10 июня 1793 года, разрешил всем вообще генералам устраивать амальгаму тогда, когда они найдут нужным, не дожидаясь конца кампании 1793 года. Но когда генералы приступили к этому, то оказалось, что произвести слияние не так просто, как это представлялось в феврале 1793 года. Дело в том, что амальгамировать уже приходилось не то количество волонтерских батальонов, которое существовало в феврале, а гораздо больше, ибо за время, прошедшее между февралем и концом кампании, Конвент принял еще несколько постановлений, совершенно изменивших состав и численность революционной армии. Одновременно с вотированием закона об амальгаме 24 февраля 1793 года Конвент принял декрет, который гласил: «Все французские граждане от 18 до 40-летнего возраста, холостые или бездетные вдовцы, находятся в состоянии постоянной реквизиции до момента, пока будет собрано 300.000 чел. нового набора. В случае, если добровольная запись не даст количества людей, назначенных для каждой коммуны, граждане обязаны пополнить это число неукоснительно». В департаменты были посланы комиссары, на которых была возложена обязанность ознакомить население с теми опасностями, которые угрожали республике. Комиссары должны были сделать все, что возможно, для того, чтобы побудить граждан идти в армию. Но Конвент, объявляя набор в 300.000 чел., сохранил одну из особенностей системы добровольной записи, ту, которая принесла уже, как мы знаем, столько вреда армии. Он допустил заместительство. Вследствие этого произошло то, что происходило очень часто и в волонтерских батальонах: богатые люди откупались от военной службы, вместо здоровых в армию шли калеки и вообще люди негодные, а ловкие и оборотистые люди устраивались так, что при помощи дезертирства по несколько раз замещали в разных частях разных лиц, уклонявшихся от военной службы.

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ

АРМИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ее ВОЖДИ

Vive Liberta и Век Просвещения

Юрий Карякин, редактор сайта Великая французская революция,

²⁷ Это утверждение не соответствует действительности. Так, отмена террористических законов происходила в течение нескольких месяцев. См., напр., сб. документов **ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления**; *К.Добролюбский*. Термидор (полный текст монографии); *П.Щеголев*. К характеристике экономической политики термидорианской реакции; он же. После Термидора (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shcheg_therm.pdf).

Назначенный набор 300.000 чел. проходил совсем в иной атмосфере, чем набор волонтеров в 1791 и 1792 году. Тогда в стране было единство настроения и она была безраздельно охвачена революционным энтузиазмом. Теперь, в этот роковой март 1793 года, все было по другому. Только что был гильотинирован король, и его казнь подняла волну роялистических чувств. Начал остывать революционный пыл жирондистов. На фронте пошли неудачи. В конце февраля и в марте, там произошли такие факты: отступление из Голландии, Неервинден, потеря Бельгии, измена Дюмурье. Неудачи подняли дух у роялистов, и как раз набор 300.000 дал повод для первых роялистских и контр-революционных выступлений. 12-го марта в Сен-Флоране, на границе Анжу и Пуату, крестьяне, поднятые агентами эмигрантов в день жеребьевки новобранцев, напали на жандармов и властей.

Этот день можно считать днем рождения Вандеи. Таких эпизодов было очень много. Набор приходилось производить в атмосфере гражданской войны. Правда, за то опасности снова вдохнули энтузиазм в революционеров. Волонтеры, разошедшиеся по домам в декабре, согласно представленному им праву, почти без исключения вновь стали под ружье. Некоторые департаменты дали больше рекрутов, чем на их долю приходилось. И все-таки результат набора очень скоро стал представляться недостаточным. Опасности увеличивались, армии терпели неудачи, волонтеры продолжали дезертировать и разрушать дисциплину. Генералы непрерывно жаловались на то, что у них не хватает солдат. В Конвенте стала все больше и больше созреть мысль о всенародном ополчении. 24-го июля 1793 года офицер одного из парижских батальонов, Везю, обратился к Комитету Общественного Спасения с замечательным письмом, в котором он обрисовывал положение армии. В этом письме он говорил: «Если вам говорят, что армия организована, — вас обманывают. Если вам говорят, что 300.000 чел., созвать которых постановил Конвент, отправились на свои посты, — вас тоже обманывают. Ибо доказано очень твердо, что в армии находится только половина этого количества. А из этой половины треть в глазах всей республики неспособна нести службу. Одни страдают от неизлечимых болезней, другие слабоумные, хромые, горбатые, кривые. Одни слишком стары, другие слишком молоды и слишком слабы, чтобы выдерживать связанные с войною утомления; есть, наконец, такие, которые так малы ростом, что не выше своего ружья. Вот, гражданин председатель, люди, на которых возложена задача спасти республику! Почему это так случилось? Потому что администрация на местах для того, чтобы составить свои контингенты, взяла в городах все, что нашла: всех бродяг, подобранных на улицах, людей без совести, а в деревнях всех несчастных и всех преступников, — словом, элемент, который мешал общественному спокойствию. Всех их заставили итти либо по жребию, либо за деньги. Вот люди, которые замещают храбрых солдат. Мне кажется, что этим способом думали очистить страну. Не с такими же субъектами можно отразить врага и оградить народных представителей в их великой работе, которая должна обеспечить счастье всех французов. В Риме смолкали различия, когда речь шла о защите родины. Богатый и бедный, все были на своем посту. Почему мы не хотим подражать примеру свободных народов? Они в то время, как отправляли одну армию, чтобы отражать неприятеля, немедленно набирали, другую и обучали ее внутри страны, чтобы в следующую камланию заместить первую, если та была утомлена или уничтожена. Во Франции делается по-другому. Наспех издают декрет о составлении армии, наспех ее набирают и берут все, что под рукою. Когда необходимое число набрано, их одевают, их кормят, их отправляют в армию, где большинство оказывается неспособным служить. Тогда их оставляют, они возвращаются домой. Эта прогулка стоит нации очень дорого, а войска все-таки нет. А между тем совсем было бы нетрудно в каждом округе и в каждом кантоне собрать всех молодых людей, способных носить оружие, и сказать им: «Вас, к примеру, 60. Нужно 10, чтобы итти в армию. Бросайте жребий». Так нет же, собирают все, что под рукою, и говорят: «Вот наш контингент». А между тем все расходы падают на нацию. И если не предупредить таких беспорядков — нация погибнет. Другое злоупотребление, не менее важное и заслуживающее большого внимания, — это существование различных частей, которые создались сами собою. В них офицеры в полном составе, но в них нет солдат. Недавно был такой случай: в пяти батальонах значилось 319 офицеров и унтер-офицеров и 342 стрелка, однако, не забыли назначить и полковника и двух

двух подполковников на каждый батальон. Офицеры все налицо, так же, как и женщины, потому, что у всех есть, по крайней мере, по одной... Я думаю, что очень важно немедленно произвести амальгаму. Без этого у нас будут всегда лишь разрозненные батальоны, которые будут способны только на такую службу, о которой я уже говорил». Конвент обратил самое серьезное внимание на письмо гражданина Везю. Сам он был произведен в чин бригадного генерала, а Конвент издал декрет об обязательной личной воинской повинности. Но для этого потребовались две вещи: чтобы опасность сделалась еще острее, и чтобы мысль о всеобщей мобилизации была поддержана организованной инициативой народа. Письмо гражданина Везю помечено 24-го июля 1793 года. Накануне сдался Майнц, за двенадцать дней Конде, через четыре дня Валансьен. В это же время прорваны Виссембургские линии, союзные войска осаждают Дюнкирхен на севере, Перепиньян на юге, Пьемонтцы наступают в Альпах, в Тулоне и в Корсике появляются англичане. Внутри бушует гражданская война: Вандея усиливается, шевелятся шуаны, затевает кровавую игру Жиронда. Войска самым решительным образом не хватает. Все это учли делегаты первичных собраний, съехавшиеся в Париже на праздник Федерации 10-го августа 1793 года. Два дня спустя они обратились к Конвенту со следующей петицией: «Нужно, наконец, показать миру великий пример и дать страшный урок объединившимся тиранам. Обратитесь к народу с воззванием. Пусть народ ополчится *сплошь* (que le peuple se leve en masse). Он один может уничтожить столько врагов... Мы просим, чтобы было торжественно декретировано, что все подозрительные будут немедленно арестованы и переброшены к границам. А за ними последует сокрушающая масса всех санкюлотов Республики», Конвент немедленно принял декрет об аресте подозрительных и сдал Комитету Общественного Спасения другие проекты. Это было 13-го. На другой день, в Комитет вступил Карно, и было издано распоряжение о «реквизиции» первого класса, т.е. молодых людей и вдовцов. Делегатов первичных собраний, эта мера совсем не удовлетворила. 16-го поддержанные депутацией 48 парижских секций, они вновь шлют петицию Конвенту: «Поднимитесь на уровень высоты судеб Франции, представители народа... Мы указали вам меру возвышенную: воззвание ко всей нации, а вы объявляете только реквизицию первого класса... Полумеры всегда убийственны в моменты смертельной опасности. Всколыхнуть всю нацию легче, чем расшевелить одну часть граждан. Если вы потребуете 100.000 солдат, вы их не найдете. Но ударьте тревогу и та нее отзовутся миллионы. Никаких льгот для человека, физически способного носить оружие, какую бы должность он не занимал. Пусть одно только земледелие оставит у себя количество рук, необходимое для извлечения из земли питательных продуктов. Пусть торговля остановится немедленно. Пусть станет всякое дело. Пусть единственным, всеобщим, великим, делом французов будет спасение Республики».

Несколько дней спустя, т. е. 23-го августа, закон о всенародном ополчении (*la levee en masse*) был вотирован. Народная инициатива, инициатива представителей низших общественных групп Франции, (первичные собрания) и Парижа (секции) подсказала эту мысль Конвенту, а Конвент сделал из нее закон. В этом законе идея всеобщего патриотического ополчения, выраженная термином, взятым из легации 12 августа, (*la levee en masse*) была соединена с идеей принудительного всеобщего набора, реквизиции (*la requisition*). Последнее было поправкою Конвента, к немного романтическому убеждению обоих петиций, что страна сама поднимается по его призыву. Конвент знал, что если сохранить принцип добровольности, то результаты будут очень скудные. Две таких попытки частичной областной мобилизации были сделаны раньше и совершенно провалились. Маленький опыт с набором был произведен еще в 1792 году тремя комиссарами Законодательного Собрания на севере, в момент, когда опасность угрожала стране и казалось, необходимым собрать все, что было возможно. Эти комиссары писали в своих инструкциях департаментским властям: «Особенно важно убедить граждан в городах и в деревнях, что речь идет о чрезвычайном наборе, о немедленном собрании всех сил для того, чтобы изгнать врага, что призывая граждан подняться и вооружиться для защиты родины, вы не производите ни записи на военную службу, ни твердого зачисления в полки, что речь идет о добровольном и внезапном стремлении всех граждан — вернее добиться изгнания врага». Очевидно, властям не удалось убедить людей в том, что они обязаны идти на защиту отечества. Набор 1792 года не удался. В 1793 году такая

же попытка была произведена комиссарами Конвента в начале августа и тоже неудачно. Поэтому декрет 23-го августа определенно проводит мысль о реквизиции. Повидимому, эта мысль принадлежала Карно, если судить потому, что первая редакция декрета написана его рукою. Но докладчиком был Барер, который словно обидевшись, что ему приходится развивать чужую мысль, решил отыгаться на форме и не поспешил на риторическую расцветку. Барер говорил в докладе: «Пусть каждый займет свой пост в готовящемся национальном и военном движении. Молодые люди будут сражаться, женатые будут ковать оружие, перевозить багаж и артиллерию, готовить припасы, женщины будут шить на солдат, изготовлять палатки и ходить за ранеными, дети будут щипать корпию, а старики будут исполнять миссию, которую они несли у древних: их вынесут на площади и они будут воспламенять мужество юных воинов, распространять ненависть к царям и любовно к республике».²⁸ Вот в чем выражался принцип обязательной повинности. Все французы в возрасте от 18 до 40 лет были объявлены в состоянии постоянной реквизиции. Другими словами, государство могло призвать их на военную службу тогда, когда это представлялось необходимым. Но служить, фактически в первую очередь должны были только холостые люди и бездетные вдовцы от 18 до 25-летнего возраста, остальные должны были призываться по мере необходимости. Заместительство было запрещено. Первый призыв сразу дал около 450.000 чел.. Дальнейшие наборы производились согласно указаниям гражданина Везю, так кстати вспомнившего факты Римской истории: по мере того, как войска уходили на фронт, обученные и одетые, их заменяли другие. В конце 1793 года армия насчитывала уже 642.000 чел.

Последовательные наборы и приводили к тому, что попытка произвести амальгаму до срока оказывалась сопряженной с такими большими затруднениями. И даже тогда, когда с января 1794 года амальгама была признана обязательной, ее оказалось труднее осуществить, чем это представлялось на первый взгляд. По закону, два батальона волонтеров должны были вместе с одним батальоном линейных войск составить полубригаду. А между тем, к началу 1794 года на 213 батальонов линейной пехоты оказалось в наличии не меньше 725 добровольческих батальонов. Пришлось проделывать сложную предварительную операцию: соединять части с неполным составом в одну и потом уже производить амальгаму. В первую формировку по амальгаме было создано 198 пехотных полубригад и 15 полубригад легкой пехоты. Но так, как еще оставалось много волонтерских батальонов, не вошедших в амальгаму, то составили еще 15 полубригад целиком из волонтерских батальонов. В конце-концов, количество полубригад линейной пехоты было доведено до 209, а количество полубригад легкой пехоты до 42. На практике слияние прошло тоже не очень гладко. На первых порах линейцы с трудом уживались в одной полубригаде с волонтерами. Происходили ссоры, соревнования, дело доходило до дуэли, при чем «белозадые» (*culs blancs*) и «васильки» (*bluets*) ожесточенно защищали каждые свой мундир, белый у линейной пехоты и синий у добровольцев. Чтобы слияние стадо окончательным, Конвент упразднит белый мундир, напомилавший о старом порядке, и единой формой революционной армии сделается синий мундир Национальной гвардии. Полубригада, таким образом, составляла три батальона, в каждом из которых было по девяти рот: 8 стрелковых и 1 гренадерская. Всего в батальоне числилось 1.067 человек.

Всеобщая мобилизация произвела огромное впечатление. Армия, получившая сразу большое подкрепление, воспряла духом, и комиссары Конвента в полном восторге сообщали в Париже о первых успехах мобилизации. Лакост писал 31-го августа из Нанси: «Набат раздался уже в 8-ми департаментах, которые образуют свои части для дивизий Рейнской и Мозельской армий. Невозможно представить себе, какой она произвела эффект. Больше 140.000 вооруженных граждан, распределенных по батальонам, образующих многочисленные роты гренадер, стрелков, эскадроны кавалерии, части, обслуживающие обоз, снабженные боевыми и съестными припасами на две недели, находятся на пути к Виссенбургу. Границы Рейна покрыты колоннами патриотов. Ничто не

---

²⁸ Б.Барер (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#BB>), основной докладчик проектов Комитета общественного спасения, не просто «излагал чужие мысли». В частности, установить младший возраст призываемых 18, а не 16 лет, - эта поправка была сделана как раз Барером.

может сравниться с их пылом и с их безстрашием. Граждане Виссенбургского округа, которые были призваны, разделили славу с нашими храбрыми братьями по оружию. Подобно им, они устремились в бой, они бились, как львы, и произвели страшный разгром среди австрийцев. Один мэр убил 17 человек. Другой гражданин — 9. Это все факты, которые я могу удостоверить, потому что я был на поле сражения». Однако, на деле, невидимому, не все обстояло так блестяще, как представлял себе Лакост. Не все были так одушевлены желанием сражаться и побеждать, и не все были способны убивать по семнадцати австрийцев в одну битву. Генерал Ландремон, который в это время командовал Рейнской армией, пишет 10 сентября военному министру: «Из всех тех, кто устремился в армию, находящуюся под моей командой, у меня остались только храбрецы. Огромное количество трусов бежало, и даже перешло на сторону неприятеля. Я очень доволен, что отделался от них, так как если бы они остались с нами, они могли бы быть причиной отступления. Я организовал храбрых санкюлотов, которые непоколебимы на своих постах. Подобно другим войскам, они делают правильные переходы и занимают важные позиции, с которых, я надеюсь, «они не позволят себя прогнать». Ландремон очень скоро был отозван, как «бывший» дворянин и арестован по обвинению в измене и клевете на санкюлотов. Тем не менее, хотя его преемником был назначен самый настоящий якобинец Карлан, французская армия должна была отступить перед австрийцами и очистить укрепленные Виссенбургские линии. Комиссары Конвента, которых было «шесть при Рейнской армии, таким образом характеризуют настроение новых солдат: «В отступлении 13-го числа более 6.000 солдат покинули свои знамена и бежали. Мы до сих пор не знаем — присоединились ли они к обоим частям. Дух эльзасских крестьян очень плохой. Многие из них перешли на сторону наших неприятелей, чтобы идти против нас. Большая часть обитателей Страсбурга предана австрийцам больше, чем французам и только и ждет возможности сдать крепость. Солдаты нашего отечества, — мы говорим это с грустью и отчаянием в душе, — не находят в себе больше того спокойствия, которое ведет к великим добродетелям. Необходимы чрезвычайные меры, чтобы пробудить упавший во многих из них дух мужества. «Чрезвычайные меры» явились немедленно. Конвент не мог оставить Рейнскую армию в таком состоянии. Он послал к ней в качестве комиссаров Сен-Жюст и Леба, людей, которые не любили шутить и ограничиваться полумерами²⁹.

О таких же впечатлениях другие комиссары Конвента пишут Комитету Общественного Спасения: «Во всех городах, через которые мы проезжали, мы видели великолепную молодежь, которую дала первая реквизиция... Что касается формирования из этих молодых граждан батальонов, то тут встретились неудобства, они понятия не имеют о маневрах, и не знают, кого им выбирать в начальники. Если им дать инструкторов, это оставит опасный пробел в частях, из которых их извлекут. И все так и новобранцы не будут в состоянии сражаться раньше трех месяцев. Если бы их включили в различные неполные части, они скорее обучились бы службе и их можно было бы с большим успехом направить против врага». Несмотря, однако, на некоторые шероховатости, включение новых солдат в старые части в значительной мере привели к тем последствиям, которых ожидали. Армия стала лучше и дух, которым она была одушевлена, очень поднялся сравнительно с тем, что было раньше. Снабжение армии тоже сделало большие успехи. Прежние беспорядки удалось, хотя бы отчасти, устранить. Декрет, проведенный Робером Ленде³⁰ 12 февраля 1794 г., урегулировавший право реквизиции всего того, что было необходимо для армии, внес порядок в дело продовольствия. Тыл стал больше и более планомерно работать на фронт. Нужно было снабжать оружием все более увеличивавшееся в количестве армии. В Париже было основано 258 оружейных заводов и 15 железоделательных. В день оружейные заводы могли выпускать до тысячи ружей. Пушечно-литейные заводы в течение одного года изготовили 7.000 бронзовых и 13.000 чугунных пушек. Новые способы, предложенные

²⁹ См., напр., фрагменты *Из переписки А. Сен-Жюста (1790-93 гг.)*; *Переписка и деловые документы народных представителей Сен-Жюста и Леба, посланных с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию // Собоуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794 гг. и революции 1848 г. во Франции (М., 1960)*; статью Л. Моршихиной «Военная деятельность Антуана Сен-Жюста»; очерк В. Бределя «Комиссар Рейнской армии» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/bredel_sj.pdf).

³⁰ Жан-Батист Роббер Линде: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rb_ind.

знаменитейшими учеными своего времени, облегчили правильную постановку тех отраслей промышленности, которые работали на войну. Профессор химии Клуе устроил 4 огромных железоделательных завода в горном районе Арденн. Гренельский пороховой завод, в котором нашли применение новые технические приемы, ежедневно доставлял 30.000 фунтов пороха, т. е. по меньшей мере в 4 раза больше, чем раньше. Фуркруа изобрел новый способ литья стали и изготовление холодного оружия. Бертоле, один из величайших ученых своего времени, открыл способ добывать селитру путем обмывания старых стен в погребах. На технических курсах преподавали, кроме Фуркруа и Бертоле, еще Монж, Гитон де-Морво и другие. Таким образом, фронт и тыл направили все свои усилия в одну точку, фронт и тыл были одушевлены одной мыслью: отразить врага, готовящегося завоевать Францию и уничтожить плоды революции.

Какова же была причина, что армия мало-помалу стала сражаться совсем по другому, чем сражалась раньше, что отсутствие дисциплины и дезертирства прекратились почти совершенно и армия стала способна в руках даровитых вождей побеждать неприятеля, внушавшего раньше ей такой неодолимый страх?

ГЛАВА IX. НАСТРОЕНИЕ АРМИИ

Когда в 1792 году отечество было объявлено в опасности, страна и армия встrepенулись и были достигнуты, кап мы знаем, некоторые результаты. Но первый подъем, который последовал за декретом Конвента, довольно быстро пришел. После Ваттиньи и успехов Гоша в Эльзасе, освободивших границы Франции от неприятеля, счастье снова повернулось спиной к французам. Необходимы были какие-то титанические напряжения, чтобы справиться с новыми опасностями. Куда нужно было направить усилия для того, чтобы армия почувствовала необходимость сражаться до последней капли крови, для того, чтобы защита родины перестала быть в глазах солдат красивым, но скоропреходящим порывом, а сделалась самым настоящим жизненным вопросом? Конвент, в конце-концов, нашел решение задачи. Он понял, где находится психологический узел вопроса о родине. Он понял, что нужно было в понятие родины влить нечто реальное, и сделал это своим аграрным законодательством.

Как Учредительное, так и Законодательное Собрание сознательно избегали того решения аграрного вопроса, которое одно было способно удовлетворить огромное большинство страны. Из того факта, что, начиная с созыва Генеральных Штатов и до конца 1793 года, происходили непрерывные крестьянские волнения, можно было заключить, что все то, что делает Национальное Собрание в области аграрного вопроса, не удовлетворяет крестьян. Чем объясняется такая половинчатая политика двух первых Национальных Собраний? И в Учредительном и в Законодательном Собрании, и в Конвенте до 31 мая 1793 года большинство принадлежало умеренным представителям революции, сначала фельянтинцам, потом жирондистам, которые не могли, не насилуя своей классовой природы, пойти на радикальное решение аграрного вопроса. А он стоял таким образом, что необходимо было и ликвидировать крепостное право и дать крестьянам землю, которую они обрабатывали раньше. Нужно ли было при этом взыскать с крестьян какой-либо выкуп или нет? Нужно ли было сохранить те повинности феодальной эпохи, которые имели характер не личных, а земельных платежей? Нужно ли было позаботиться о том, чтобы крестьянин, у которого участок был мал, получил соответствующие прирезки, или нет? Большинство, которое господствовало в Национальном Собрании до переворота 31-го мая, тщательно обходило все эти, самые острые, вопросы. Оно не решалось окончательно ликвидировать феодальные лоретки. Оно не могло решиться дать крестьянину не только землю, но и волю без выкупа. Оно не могло организовать продажи национальных имуществ так, чтобы крестьяне могли без больших затрат увеличить свои участки. Когда власть в Конвенте перешла от жирондистского большинства к Горе — в этом именно заключался переворот 31-го мая, — Конвент разрубил Гордиев узел. Он освободил крепостных окончательно и без всякого выкупа и представил им те земли, которые они обрабатывали. Кроме того, он постановил разделить общинные угодия с тем, чтобы участки, принадлежавшие отдельным крестьянам, несколько увеличились. И в довершение всего разрешил продавать национальные имущества, т.е. земли, конфискованные у церкви и эмигрантов, не

крупными участками, как это было раньше, а мелкими, что сделало приобретение их доступным не только для богатых, но и для неимущих.

Переворот, произведенный аграрными законами Конвента, именно и создал тот психологический момент, который в риторическое, в значительной мере, понятие родины влил самое живое, самое жизненное содержание. Теперь защищать родину значило не просто проливать свою кровь, потому что король изменил стране и был казнен, а иностранные короли хотели наказать за это Францию. Теперь класть свою жизнь за отечество значило не просто умирать за лозунг свободы, равенства и братства. Теперь каждый крестьянин знал, что если он идет на фронт и вступает в ряды армии, то ему есть за что биться с врагом: Он понимал, что если враг его победит и вторгнется во Францию, то вместе с ним придут эмигранты, т.е. те, земли которых были отобраны и поделены между крестьянами, что вместе с ними придут братья казненного короля, которые восстановят крепостное право и отнимут тот участок, на котором крестьянин уже привык — к таким вещам крестьянин привыкает быстро и крепко — хозяйничать, как на своем собственном. Словом, теперь сражаться за родину значило отстаивать собственные интересы, ибо у каждого был кусок родины в том участке, который он получил от революции. Аграрная и крестьянская реформа Конвента сделала идею родины понятной и близкой всем.

Вот почему, начиная с конца 1793 года, настроение в армии становится все более и более крепким. Вот почему с этого момента солдаты перестают дезертировать, подчиняются дисциплине и уже не бегут больше с поля сражения при первом признаке самой призрачной опасности. Теперь солдат сражается и при том сражается при самых неблагоприятных обстоятельствах. Снабжение стало улучшаться, но не настолько, чтобы вообще стать на сколько-нибудь правильную ногу. Солдаты в 1793 и в 1794 годах все еще идут в бой голодными и холодными. Армиям приходится питаться не из провиантских складов, а из того, что она находит вокруг себя. При том почти всегда солдаты одеты очень плохо, и одной из первых забот их военачальников является стремление хотя бы немного их одеть. Такие генералы, как Гош, который очень рано понял, что составляет для армии хорошая одежда, очень заботились о том, чтобы недостатки снабжения были исправлены по возможности в течение похода. В 1793 г. Гош переживал еще период якобинских экстазов, но это не мешало ему думать о том, как улучшить солдатский быт. Правда, это выходило у него комически-нескладно. Однажды в его руки попала довольно большая добыча, и, сообщая военному министру о том, как он предполагает ее распределить, Гош писал: «Несчастные санкюлоты не должны без конца работать, не извлекая никакого плода. Они получают свободу и оденутся в бархатные панталоны, сатиновые куртки и одежды с длинными рукавами. Все портные и сапожники мною для этого реквизированы. Ты меня одобряешь?» (21 ноября 1793 г.). У нас не осталось сведений о том, получила ли армия Гоша свои бархатные штаны. Но мы знаем другие случаи, из которых видно, что это очень необходимая часть военной формы не всегда была у армии в должном порядке. Марбо сообщает об одном эпизоде из жизни итальянской армии в 1794 году. Отряд Массены разбил австрийцев и захватил их лагерь вместе со всем тем, что там находилось. Среди добычи было триста палаток, «из которых, рассказывает автор, наши brave санкюлоты, немедленно понашили себе штанов». А в Рейнской армии в том же 1794 году был так велик недостаток обуви, что в отряде Дезе одна часть, особенно отличившаяся, вместо всякой почетной награды получила на каждого солдата по паре деревянных башмаков (*sabots*). И хотя трудно себе представить что-нибудь более неудобное для похода, люди радовались им так, как не радовались позднее крестам Почетного Легиона. Не только в 1793 и 1794 г.г. продолжалось такое положение дел. Значительно позднее, когда Конвент сменился Директорией, недостатки снаряжения и обозной части давали себя чувствовать. Когда в конце 1796 года главнокомандующим Самбр-Мааской армией был назначен Бернонвиль, освобожденный незадолго перед этим из австрийского плена, он пришел в полное отчаяние, когда увидел, в каком положении находятся вверенные ему войска. Директория предписывала ему перейти через Лан и продвинуться до Редница. В своем ответе он восклицал, как всегда пересыпая донесение риторическими восклицаниями: «Лан! конечно я могу до него добраться, если мне дадут хлеба, чтобы перейти пустынные места, отделяющие меня от него, если мне дадут транспорт, чтобы увезти раненых и не

покинуть их и лесах на жертву воронам. Но Редниц! Нет, гражданин министр, это невозможно! Я сижу без хлеба, без сена, без мяса, без овса. Я не могу продвинуться до Редница!» Голод и плохая одежда очень часто, как в том же 1796 году, являлись причинами поражений.

Но солдаты французской армии умели побеждать и голод и плохое снаряжение. Генерал Гриуа рассказывает о том, с какого рода людьми приходилось иметь ему дело. В 1794 году он был простым лейтенантом артиллерии на Пиринейском фронте. Его часть страдала от полного отсутствия какого бы то ни было приспособления для того, чтобы держать в порядке батарею. Но не это считал он главными недостатками организации армии. «Ничто в это время, говорил он, по крайней мере в нашей армии, не имело хотя бы внешнего вида порядка. Войска, едва одетые, окучивались в одном месте или рассеивались по целому ряду пунктов по капризу отдельных начальников, или по желанию солдат. Оружие было в самом плохом состоянии. Многие части были лишены его совершенно. А батальоны всеобщего призыва приходили с пиками вместо всякого оружия. Съестных припасов почти всегда не хватало, а если они приходили, они очень часто не распределялись сколько-нибудь правильно, а расхищались солдатами, которые в большинстве частей потеряли всякую тень дисциплины». Несмотря на это, когда дело доходило до боя, солдаты совершенно преображались: «Однако, - продолжает Гриуа, - среди всех этих элементов разложения и поражения, из которых одного было бы достаточно в обыкновенное время, чтобы уничтожить армию, эти же солдаты, глухие к голосу своих начальников в ограде лагеря, становились другими людьми при виде неприятеля. От этого опьянения распушенности у них оставался только пламенный энтузиазм, внушаемый любовью к отечеству и страстью к свободе. Численность, дисциплина и опыт самых закаленных войск уступали их бурной смелости: столько было тогда в душах благородных чувств, порыва, самоотречения, всего того, что производит великие дела и порождает чудеса».

То, что пишет Гриуа, вовсе не было особенностью Пиринейского фронта. Решительно повсюду мы видим то же самое. Те побудительные мотивы, которые заставляли солдат сражаться, давали ему силу и волю не думать ни о чем, кроте победы. Раз на карту поставлена неприкосновенность революционных завоеваний, их нужно было отстаивать во что бы то ни стало. Солдаты знали, что там, с тылу страна голодает и переживает все ужасы террора. Они знали, что все это делается от того, что границы закрыты, что англичане блокируют Францию с моря, что с юга и с востока во Францию нельзя проникнуть потому, что всюду кипят бои, что в довершение всего в значительной части Франции идет восстание, что вандейцы, поддерживаемые эмигрантами и Англией, являются не шуточным врагом, что для спасения страны необходимо, чтобы никто не уклонялся от исполнения своего долга. И солдаты, все до одного, превращались в тех легендарных «спартанцев», которые прославили собою Рейнскую армию, имя которых прогремело на весь мир. Со своей неизменной котомкою за плечами они шли, несмотря ни на какие условия, не зная отдыха ни днем, ни ночью, сражаясь непрерывно, полуголодные, босые, едва защищенные против холода и дождя обрывками своей знаменитой синей формы. В таком виде они способны были не только сражаться, но совершать такие подвиги, как зимний поход в Голландию при семнадцатиградусном морозе в конце 1794 года. Очевидец рассказывает про занятие Амстердама: «Этот город, славный своими богатствами, с изумлением смотрел, как десять батальонов храбрецов, без башмаков, без чулок, прикрыв свою наготу соломой, торжествуя, под звуки военной музыки, вступили в ограду его стен, составили ружья в козлы и несколько часов стояли на площади, на снегу и на льду, терпеливо и безропотно ожидая, пока их поведут в казармы и накормят». Такие факты показывают, что хотя дисциплина и хромала еще довольно часто, но там, где это было необходимо, солдаты умели ей подчиняться. Это была настоящая революционная дисциплина, и солдаты отлично познавали ее необходимость.

Конечно, армия не могла жить, ничего не имея и не имея из одежды нищего, кроме лохмотьев. Она жила за счет тех стран, которые она проходила. Ней рассказывает о походах 1796 года: «Страна была разграблена, и богатая добыча, которая должна была обеспечить наш успех, только скомпрометтировала его. Никакой обоз не нес больше солдату ту скудную пищу, которая должна была поддерживать его жизнь. Никакие повозки не подходили, чтобы подобрать храбреца, которого настигла неприятельская пуля.

Голые, без хлеба, без обуви, войска все время шли вперед от успеха к успеху. Но если храбрость неистощима, то у природы имеются границы. Осужденные на то, чтобы жить одним хлебным пайком среди страны, изобилующей всем, солдаты выносили безропотно этот недостаток. Но раздача хлеба, уже скупая, была ограничена вскоре еще больше: сначала на половину, потом на три четверти. Наконец, в течение 10 дней они не получали больше ничего». И тем не менее солдаты сражались и не только сражались, но побеждали. Рассказы современников о походах полны изображениями необыкновенной стойкости и необыкновенной выдержки солдат. И тогда, когда они шли вперед, опрокидывая одну за другой неприятельские армии, и тогда, когда они отступали, побежденные не столько неприятелем, сколько нуждой и лишениями, солдаты все время находились на высоте своего долга перед родиной. Никакого ропота, никаких возмущений, никакого дезертирства. Солдат переносил в армию те гражданские чувства и то сознание долга, которым были одушевлены все революционеры в стране. Армия стала вооруженным народом, который сражался за свое собственное дело и который вкладывал в него всю серьезность и весь пыл, которые революция вдохнула в страну.

Госпожа Сталь³¹, которая имела возможность наблюдать революционную армию, говорила о солдатах: «Солдаты были всей душою преданы родине. Мысли о грабеже были им чужды. Они были полны настойчивостью, отвагой и тем беззаботным мужеством, которым отличаются французы. Генералы были скромны, безкорыстны и глубоко преданы отечеству. Дух боевой доблести вырос и укрепился в них раз навсегда». Больше того, боевой дух сделался одним из проявлений революционного духа вообще. Война увлекла людей своим героическим пафосом. Молодежь, которая делала все для того, чтобы не попасть в набор, которая отказывалась «итти на бойню», попав в армию, преображалась. Армия стала лучшей школой партиотизма. Дух целого, образ родины, за которую ежедневно умирают десятки людей, обаяние любимого генерала, крепкие узы товарищества, — все это перемалывало, как гигантским жерновом, всякие сторонние чувства и ощущения. В синем мундире, часто оборванном, француз чувствовал, что он является маленьким винтом той огромной машины, которая должна спасти революцию. Нет ничего удивительного, что война, в конце концов, когда прошли первые моменты колебаний, стала вбирать в себя все, что было в стране наиболее даровитого и здорового духом. Когда департаментам приходится ставить рекрутов, они теперь уже не посылают калек и пьяниц, они отдают все, что у них есть лучшего. В 1792 году департаменту Ло нужно было поставить двух рекрутов для конституционной гвардии короля. Они выбрали двух юношей, которые с котомками за плечами, взявшись под руку, отправились на сборный пункт. Один из них был сын трактирщика в местечке Бастид-Фортюньер. Он уже успел побывать в Тулузском университете, но бросил его, и теперь раз навсегда отдался военной карьере. Он был высок ростом, строен, гибок. Длинные черные локоны падали ему на плечи, а в синих глазах было столько смелого блеска и привлекательности, столько веры в судьбу, что редко, кто проходил мимо него, не заглядевшись. Другой несколько ниже ростом, светловолосый, с раскосыми слегка глазами, не лишавшими его лицо своеобразной прелести, тонкий, как молодое дерево, старался ни в чем не отставать от своего товарища. Он был сыном ремесленника. Первого звали Мюратом, — он со временем будет маршалом, князем Берга и Клеве и королем Неополитанским³². Военная история не знает равного ему кавалерийского, генерала. Другого звали Бессьер. Он будет тоже маршалом, герцогом Истринским и командующим конной гвардией Наполеона³³. У департамента Ло была легкая рука.

В том же 1792 году в один из Гасконских волонтерских батальонов пришел записаться юный крестьянин, скромный, застенчивый, со светлыми волосами и с задумчивыми, живыми глазами. Его звали Ланн: и он будет маршалом, герцогом Монтебелло и одним из самых замечательных полководцев империи. Наполеон говорил

---

³¹ Анна Жермена Луиза Сталь (урожд. Неккер): http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#GS.

³² Жоашен Мюрат: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#murat>. См. также Ж.Тюлар, «Мюрат, или Миф о пробуждении нации» (http://www.history.vuzlib.net/book_o047.html).

³³ Жан-Батист Бессьер: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#bessieres>.

про него, что в последние годы своей жизни он вырос в гиганта. Его унесет австрийское ядро под Эслингом.

Когда началась революция, в одном из южных полков служил в чине капрала молодой итальянец. Он уже прошел годы первой юности. Ему было больше 30 лет. У него было типичное итальянское лицо: острые черные глаза, крючковатый нос, выдающийся подбородок, покрытый твердой щетиной, к которой редко прикасалась бритва. Он уже успел прожить бурную жизнь, юнгою ездил на разных кораблях и долгое время занимался контрабандной торговлей в горах, на границах Франции и Италии. У него выработался безошибочный глазомер, чуткость к опасностям всякого рода и умение из них выходить. В 1792 году он был выбран офицером в одном из волонтерских батальонов. Это был Массена³⁴, в будущем маршал, герцог Риволийский и князь Эслингский, несомненно самый большой полководец среди маршалов Наполеона. Он побывал в десятках сражений, видел, как кругом него падают люди под пулами и ядрами, и ранен был только два раза в жизни: один раз на охоте дробинка повредила ему глаз, другой раз, накануне Ваграма, он свалился в ров и вывихнул себе ногу.

Не только дети народа устремлялись, подхваченные волною патриотического подъема, в волонтерские батальоны. Туда же устремлялись и юноши из средних и высших кругов. В 1792 году в волонтерский батальон Северного департамента записался 24-летний сын депутата Генеральных штатов, Мортье³⁵, тоже будущий маршал, герцог Тревизский, невредимо прошедший через все битвы революции и империи и погибший от бомбы революционера при июльской монархии.

В 1790 году в артиллерийскую школу в Шалоне поступил Мармон³⁶, будущий маршал, герцог Рагузский, сын богатого дворянина, имевшего орден Св.Людовика при старом порядке. Он будет одной из самых верных опор Наполеона и он же его предаст в 1814 году.

Мы бы никогда не кончили, если бы стали перечислять всех юношей разного происхождения, которых увлекала волна патриотизма и заставила отдать свою шпагу на дело защиты родины. Нет ничего удивительного, что революционные войны дали такое количество блестящих полководцев, какого никогда не видел мир. Иначе быть не могло, потому что патриотический подъем охватил всех, все почувствовали внутри себя горение священного огня, сжигавшего все обыденное, все эгоистическое, заставлявшего отдать силы и дарования защите революции. Тут был, конечно, не только революционный подъем. Даровитые люди чувствовали! что революция, покончившая раз навсегда со всякого рода привилегиями, протекциями, прислужничеством, открывает широкую дорогу таланту, что ни одна искра дарования не будет затоптана, как это была при старом порядке. При старом порядке Гош никогда не перешел бы чина сержанта, а Массена навсегда остался бы капралом. Не удивительно, что все эти люди любили революцию и любовь к революции донесли — те, которые дожили, — до седых волос. Маршал Макдональд рассказывает в своих воспоминаниях, что ему пришлось однажды за столом Людовика XVII разговаривать о революции с графом Артуа, наследником престола, одним из самых заклятых врагов революции. Граф выразил ему свое удивление, что он, человек хорошей семьи, бывший уже офицером, когда началась революция, не эмигрировал, а наоборот, сделался преданным ее сторонником. Макдональд ответил: «Да, я обожаю революцию. Я ненавижу ее преступления, но армия в них не причем. Она всегда смотрела вперед, в сторону неприятеля... И как мне не обожать революцию! Она меня выдвинула, она меня возвысила. Разве без нее имел бы я честь заседать сегодня за королевским столом рядом с вашим королевским высочеством?» Графу Артуа не осталось ничего другого, как похлопать маршала по плечу и сказать ему, что он любит такую откровенность. Не все солдаты революции достигали таких чинов и почестей, как те, которых мы сейчас называли. Но все шли в армию, одушевленные одинаковым подъемом, движимые одними и теми же чувствами любви к родине и сознания необходимости защищать ее, как нечто родное, близкое,

---

³⁴ Андре Массена: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#mass>.

³⁵ Адольф Эдуард Казимир Жозеф Мортье: http://community.livejournal.com/26_marechaux/.

³⁶ Огюст Фредерик Луи Мармон: http://community.livejournal.com/26_marechaux/.

непосредственно касавшееся каждого. Эти чувства помогали солдатам переносить все лишения и сделали революционную армию таким неподобным орудием победы.

Офицерский состав был достоин солдат. «Офицеры, - говорит маршал Сульт³⁷, - показывали пример самоотвержения: с тяжелым ранцем на спине, не видя жалованья, они получали пайки наравне с солдатами. Но никто из них не думал на это роптать... От младшего офицера до главнокомандующего всякий забывал о себе, все стремились сделать больше, чем требовал его долг. Никогда я не работал так много, как; в этот период моей деятельности... Такое же самоотвержение обнаруживали солдаты. Никогда ни одна армия не была более послушна, не была одушевлена большим жаром». Разумеется, постоянные лишения должны были приводить к особым отношениям между офицерами и солдатами. Маршал Ней рассказывает, — это относится к 1794—95 годам, — что офицеры, лишённые пайка и принуждённые жить исключительно ассигнациями, выдаваемыми из полковой казны по номинальной цене, обесцененными настолько, что не стоили и одной-десятой той суммы, которая была на них напечатана, - должны были пользоваться тою пищею, которую — всякими путями — добывал для себя солдат. Конечно, это вносило некоторое своеобразие в отношение между подчинёнными и начальством и не очень содействовало укреплению дисциплины. На это очень жаловались комиссары Конвента. Но по-другому жить было невозможно. Родина требовала, чтобы все, кто оказался в армии, переносили лишения безропотно и приспособлялись. Уже давно прошло то настроение, близкое к самому настоящему карьеризму, которое царило в первые месяцы формирования волонтерских батальонов. Тогда все добивались офицерских мест, — благо их можно было получить путем избрания без каких бы то ни было заслуг, в кредит. Немногие думали об ответственности, связанной с офицерским званием. Война многое изменила. Генерал Булар рассказывает, что когда в 1796 году он был произведен в капитаны, он испытал меньшую радость, чем думал сам. «То было, - говорит он, - одной из добродетелей эпохи — служить самоотверженно и безкорыстно, и я могу засвидетельствовать, что я спокойно и без нетерпения ждал момента своего производства».

Практика производства по старшинству и по назначению, которая сменила систему безраздельного господства выбора, — мы это сейчас увидим, — привела к тому, что из отношений между офицерами ушла интрига, исчезли зависть и подсиживание. Отношения стали делаться все более сердечными. Тот же Булар передает, что когда он поступил в полк еще совсем юным лейтенантом, робким и неловким в обращении с людьми и особенно с дамами, — заботу о его светском воспитании взял на себя его начальник, Дефонтон. «Это был мой первый начальник, - говорит он, - который проявлял по отношению ко мне чисто отеческую заботливость». В первом томе мемуаров Тьебо есть несколько страниц, посвященных характеристике его товарищей по полку, офицеров Северной Армии. Это все фигуры удивительно живые, какая-то бесконечная галерея рыцарей долга. Многие из них заплатили жизнью за этот свой военный идеализм.

С солдатами офицеры и генералы составляли одну семью, одушевленную одними и теми же чувствами! Была простота, иногда, как мы только-что видели, еще прихрамывала дисциплина в мелочах. Но в крупном она не нарушалась, ибо и за начальником был глаз: комиссары Конвента, которые не любили шутить. А там, где дисциплина оставалась в стороне, отношения начальства к солдатам допускали даже некоторую, хорошую фамильярность. Однажды Дезе приказал солдатам выкатить из своей палатки и доставить казначею армии боченок с серебром, захваченный у австрийцев. Солдаты с трудом вынесли драгоценный груз, обливаясь потом и, поставив его в телегу, весело крикнули генералу, наблюдавшему за операцией: «Ну, если бы этот проклятый боченок выкатился не из вашей палатки, он был бы наверное, куда легче!». Дезе не мог не улыбнуться этой всенародной аттестации своего безкорыстия и своей честности.

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ

АРМИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ее ВОЖДИ

Vive Liberta и Век Просвещения

Юрий Карякин, редактор сайта Великая французская революция,

³⁷ Никола Жан Сульт: http://community.livejournal.com/26_marchaux/.

Быт генералов очень долго был чрезвычайно простой. В 1793 и в 1794 г. ни о каких штабах не могло быть и речи. Генерал имел около себя лишь самый необходимый состав офицеров, Империя приучила потом не только генералов, но и офицеров к тому, что они были обильно снабжены всем необходимым. А вот как отесывает положение командующего генерала в сражении с неприятелем Гриуа: «Генерал Дагобер находился у моей батареи, за действием второй он следил. Вдруг наша кавалерия повернула тыл, И потому ли, что лошадь генерала была убита, или он оставил ее в другом месте, но он так же, как и его адъютант, оказались спешенными, когда нужно было отступить. К счастью для генерала, один кавалерист посадил его на круп своей лошади, а адъютант бросился вслед за ним бегом, напрягая все свои силы. Обоим удалось спастись, достигнув маленького леска по соседству». Этот инцидент может дать понятие о простоте или, скорее, о нищете экипажей генералов в это время: едва одна верховая лошадь и вместо всяких украшений шерстяные эполеты, трехцветный кушак, а иногда красный колпак. Позднее мы увидим, на что были способны эти генералы, у которых часто не было даже одной лошади. Многие из них вписали свое имя навеки в историю. Но даже те, имена которых история не сохранила, представляли много таких особенностей, которые не повторялись уже никогда. Генералы и офицеры, сражавшиеся в революционных войсках, могли быть даровиты или бездарны, образованы или невежественны, но в них во всех было нечто, что делало их плотью от плоти и кровью от крови самой революции. Гриуа, который не умеет давать ярких характеристик, очень мало говорит про генерала Дагобера, случай с которым он описал. А это был один из самых любопытных типов революционного воина. Глубокий старик, с наружностью патриарха, с длинной седой бородою, одетый больше, чем просто, он был кумиром солдат, которые любили его за его доброту и какое-то особенное, стоически-спокойное мужество. Когда ему нужно было вести солдат в атаку, он выходил вперед с длинным посохом в руке и шел без театральных жестов, без героических выкриков, словно на прогулке. Через мгновение солдаты обгоняли его и неприятель не выдерживал их бурного натиска. Испанцы очень не любили этих библейских атак генерала Дагобера. К сожалению, он скоро умер, не вынеся трудных условий Пиринейского фронта. Разумеется, все революционные генералы были храбрыми людьми; без храбрости невозможно было выслуживаться и достигнуть высоких чинов. Наоборот, храбрость выдвигала: иногда таких людей, которые другими способностями и не отличались. Таких было не мало даже среди маршалов империи. А какие типы водили иногда войска в бой, может дать понятие рассказ про одного генерала, который мы находим у Марбо.

«Генерал Макар, - пишет он, - настоящий тип этих офицеров, созданных случаем и храбростью, которые всегда обнаруживают самое неподдельное мужество перед лицом неприятеля, и оказываются совершенно неспособными по недостатку образования занимать высокие посты. У Макара была одна очень странная особенность: он был колоссального роста и совершенно исключительной храбрости, и когда ему нужно было идти в атаку во главе своих войск, он кричал: «Ну, вот теперь я оденусь зверем». Он сбрасывал с себя свой сюртук, жилет, рубаху и оставлял только шляпу с перьями на голове, кожаные панталоны и необъятных размеров сапоги. Голый до пояса, он являл взорам туловище волосатое, как у медведя, что придавало его фигуре вид очень странный. В таком виде, с саблею в руках, он бросался очертя голову на неприятельскую кавалерию, ругаясь, как язычник. Но ему редко удавалось достать неприятеля, так как при виде этого великана, на половину голого, покрытого шерстью, странного и ужасного, который несся на них с дикими криками, неприятель бежал кто куда, не зная, что это — человек или какое-нибудь необыкновенное свирепое животное».

Таких, как Макар, в армии было очень много. Безумная храбрость заменяла все остальное, пока одной храбростью можно было побеждать неприятеля. Потом наступили другие времена и требования не только к генералам, но и к офицерам очень повысились. После того, как комиссары Конвента без конца посылали жалобы на то, что система выборов офицеров в волонтерских батальонах приводит к тому, что на ответственные должности попадают люди совершенно безграмотные, Конвент издал постановление от 25-го февраля 1793 года. Согласно этому закону, для занятия чинов, начиная от капрала и выше, стало требоваться умение читать и писать. Абсолютное господство системы избрания было отменено. Лишь одна треть офицерских должностей

должна была замещаться по выборам, другая — по старшинству, и треть — по назначению. Генералы же могли быть назначаемы исключительно Конвентом. Новая система была сохранена и при амальгаме. Благодаря тому; что прекратилось абсолютное господство выборной системы, нервная атмосфера, царившая в волонтерских батальонах, когда каждый стремился стать офицером, когда батальоны разлагались иногда исключительно из-за интриг, отошла в вечность. Это, конечно, не значило, что всякое производство отныне было свято. Конвент назначал, но Конвент и сменял без конца генералов. Только до июля 1793 года было отставлено 593 генерала, и мы знаем, что значительное число из этих получивших отставку вождей армии попало на гильотину, пройдя через тюрьму.

Конвент вообще зорко следил за тем, что делается в армии, его глазами и ушами были его комиссары.

ГЛАВА X. КОМИССАРЫ КОНВЕНТА В АРМИИ

Уже Законодательное Собрание посылало к армии своих представителей. Конвент возвел эту практику в систему. Почти половина депутатов Конвента побывала в командировках и значительная их часть проводила более или менее продолжительное время при армии. Положение комиссаров при армии было и более почетней, и более ответственно, и более благодарно. Комиссары, командированные внутрь страны, почти всегда были предоставлены сами себе, не имели никаких инструкций и получали от Комитета Общественного Спасения самые противоречивые приказы. Комиссары при армии твердо знали, что они должны делать, Ибо, при отъезде каждого из них, Карно, — он сам был комиссаром и отлично знал, каковы задачи командимуемых, — снабжал их отчетливыми и точными инструкциями. А на запросы, которые комиссары посылали из армии в Комитет Общественного Спасения, Карно отвечал им, как всегда, со своей обычной суховатой деловитостью, но с необыкновенной ясностью и точностью. Полномочия комиссаров были неограничены. Они увозили с собою из Парижа в армию всю полноту власти Конвента. Они могли смещать и назначать всех должностных лиц в армии, кончая главнокомандующим. Они могли расходовать какие угодно суммы денег. Они могли диктовать план кампании и подсказывать генералам тактическую диспозицию. В завоеванных местностях они могли распоряжаться, как им представлялось более целесообразным, по политическому и военному положению. Многие из комиссаров покрыли себя славой во время своих командировок в армию. Очень часто им приходилось со штыком или саблей в руках вести солдат за собою в атаку. В одной из таких атак на Пиринейском фронте пал смертью храбрых комиссар Фабр. Другие участвовали в целом ряде сражений и остались невредимыми. Мы знаем, что Карно, вместе со своим товарищем Дюкенуа и командующим армией Журданом, водил в атаку солдат при Ваттиньи. Дюбуа-Крансе, создатель новой армии, автор декрета об амальгаме, бился в рядах Альпийской армии. Мильо, один из самых блестящих кавалерийских генералов империи, прославившийся своими атаками при Ватерлоо, получил свое боевое крещение в качестве комиссара Конвента на Пиринейском фронте. Робеспьер-младший³⁸ и Салисетти сражались под Тулоном. Бриез и Кошон защищали Валансьен в течение целых 40 дней. Мерлен из Тионвиля сражался, как простой солдат, в рядах Рейнской армии. Лакост и Бодо — в Мозельской армии. Около Рейнской армии протекала и миссия Сен-Жюста. Читатель помнит, что Конвент прислал Сеи-Жюста и Леба в Страсбург в такой момент, когда армия так нуждалась в энергичных мерах. Это было 23-го октября 1793 года, когда казалось, что все рухнет и что страну уже не удастся спасти. Сен-Жюст был олицетворением тех «великих» средств, которых требовала армия. Вооруженный своей несокрушимой холодной энергией, фанатичный и прямолинейный, Сен-Жюст взялся за дело с решимостью добиться успеха или погибнуть. Он ходил в атаку, как простой солдат, присутствовал почти при всех сражениях, не спускал подозрительных взоров с генералов, а в промежутках заботился о том, чтобы

---

³⁸ Антуан Кристоф Мерлен, называемый Мерлен из Тионвиля, за храбрость прозванный австрийцами «огненный черт». См. о нем: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mrl_tn.

армия получала все, что ей нужно. Вот несколько предписаний Сен-Жюста, отправленных им Страсбургскому муниципалитету:

«В армии 10.000 босых солдат. Разуйте всех Страсбургских аристократов и позаботьтесь о том, чтобы завтра в 10 часов утра 10.000 шар башмаков были на пути в главную квартиру».

Предписывается Страсбургскому муниципалитету в 24 часа приготовить в домах богатых обывателей Страсбурга 2.000 постелей, чтобы передать их солдатам».

Богатые обыватели Страсбурга должны выдать заимообразно 9 миллионов ливров, из которых 2 пойдут на нищих, один на нужды крепости, шесть на нужды армии. Самые богатые из числа привлеченных к этому займу граждан, не внесшие в течение 24 часов следуемой с них суммы, будут на три часа выставлены на эшафоте гильотины».

Сен-Жюст не ограничивался угрозами. Все его угрозы быстро приводились в исполнение. Дома богатых людей реквизировались, обращались в госпитали или какие-нибудь другие учреждения, необходимые для армии. Поставщики при Сен-Жюсте не смели задерживать посылку продуктов в армию и должны были снабжать ее в изобилии доброкачественными предметами потребления. Крестьяне должны были принимать ассигнации по номинальной цене, а платить за все, что они покупали, звонкой монетой. Солдат, который убежал без разрешения в Страсбург, подвергался расстрелу. Офицер, уличенный в том, что он попал в театр, — разжалованию. Генералам он не доверял принципиально. «Генералов мы успеем похвалить в конце войны». «Генералитет не пользуется симпатиями у нации». «Генерал по своей природе принадлежит еще монархии». Ему мерещился призрак военной диктатуры. Даже бедных запуганных его распоряжениями страсбургских дам Сен-Жюст не оставил в покое: им было предписано отказаться от немецких мод, ибо «они носят в груди французское сердце». Так сурово и непреклонно, шаг за шагом Сен-Жюст поднял Рейнскую армию до такого уровня, что она стала способна на великие подвиги. Дисциплина поддерживалась железная, но зато и заботы об армии были чрезвычайные. Сен-Жюст, как всякий фанатик, порою видел измену там, где ее не было. И не мало голов свалилось из-под гильотины, вследствие его болезненной подозрительности. Но Сен-Жюст не был человеком жестоким в прямом смысле этого слова. Казни и другие карательные меры он считал необходимым и отдавал свои приказы холодно и спокойно. Излишнюю жестокость он считал столь же вредной, как и излишнюю снисходительность, и не задумался отправить на гильотину Страсбургского государственного прокурора Шнейдера, который, по его мнению, свирепствовал без нужды. «Нужно, - говорил он, - внушать страх тем, кто управляет. Никогда не следует внушать страх народу». Единственным мерилom деятельности Сен-Жюста во время его командировки при Рейнской армии была польза родины. Необходима та или другая мера с точки зрения защиты родины или нет? Если она необходима, то хотя бы она стоила тысячи голов, она должна быть проведена.

Конечно, не у всех комиссаров Конвента сидело в груди такое сердце, как у Сен-Жюста, но каждый из них, оказавшись при армии в положении человека, на ответственности которого лежит одоление врага, как-то сразу вырастал и делался способен на такие вещи, на которые в обыкновенных условиях он бы никогда не оказался способным. Для примера возьмем миссию одного из самых обыкновенных и ничем не выдающихся членов Конвента — Дельбреля, при армии Гушара. Гушар был храбрый генерал, покрытый 55 ранами, великолепный начальник тяжелых кавалерийских атак, на ответственном посту оказался полон нерешительности. Дельбрель заставил его двинуться на врага в тот момент, когда это было необходимо, когда этого требовала вся стратегическая обстановка. Но даже, вступив в сражение — это было знаменитое сражение при Гондшооте, 6—8 сентября 1793 года — Гушар все время оставался вялым и лишенным энергии³⁹, хотя в первый же день французское оружие определенно сопровождало счастье. В последний день, когда нужно было нанести врагу окончательный удар, Гушар медлил отдать приказ командующему его правым флангом генералу Журдану. Журдан и его отряд в нетерпении, боясь пропустить момент, ждут

---

³⁹ О Гушаре (более правильная транслитерация имени — «Ушар») см., напр., *Н.Коган*, «Генералы-изменники перед судом парижского Революционного трибунала» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/generales_kogan.pdf).

приказа. Дельбрель — тут же, рядом с Журданом. Узнав в чем дело, он убеждает его итти вперед. Журдан боится нарушить дисциплину. «Вы боитесь ответственности, - восклицает Дельбрель, - я принимаю ее на себя. Моя власть выше власти генерала. Я даю вам формальный приказ атаковать во что бы то ни стало». Журдан скомандовал. Колонны двинулись. Тогда Дельбрель сказал ему: «Вы заставили меня говорить с вами, как начальник. Теперь я прошу вас принять меня своим адъютантом». И как простой офицер, по приказу Журдана, он скачет к резервам, приказывает кавалерии собрать беглецов и возвращается к генералу, как раз в тот момент, когда Журдан падает, раненый неприятельской пулей. Дельбрель соскакивает с коня и приказывает колонне, находившейся у него под рукой, итти вперед. Момент выбран был совершенно фантастически, когда атака противоречила всем правилам. Но Дельбрель об этом не думал. Он бросился вперед сам со своей огромной шпагой, опоясанный трехцветным кушаком, не обращая внимания на свистевшие кругом пули. Пример представителя народа увлек солдат. Колонна опрокинула неприятеля и обратила его в бегство.

Таких эпизодов можно привести сколько угодно. Комиссары Конвента именно тем и были сильны, что не уклонялись от ответственности, принимали ее на себя целиком и, чувствуя, что они действуют перед лицом всей страны, почтившей и своим избранием в такой ответственный момент, они дают больше, чем это в их силах, и часто, больше, чем вообще в силах человеческих. Безумная храбрость, совершенно безкорыстная готовность выполнять такую работу, которая приносит меньше всего чести и сопряжена с самой большой опасностью, готовность пожертвовать жизнью в каждый момент и суровая решимость не останавливаться ни перед чем, даже перед самыми чудовищными мерами, для того, чтобы спасти родину, — вот те чувства, которые одушевляли почти всех, без исключения, комиссаров Конвента. Армия, при которой действовали двое, трое, иногда больше таких людей, как-то незаметно подтягивалась и так же, как сами комиссары и ее генералы, становилась способной на такие подвиги, которые превышали ее силы.

Отношения между генералами и комиссарами Конвента складывались по-разному. Очень много зависело от характера и темперамента комиссаров и генералов. Если генералы были людьми, вышедшими из народных кругов или зарекомендовавшими себя раз навсегда добрыми республиканцами, то отношения складывались прекрасные. Царило согласие. Между генералами и комиссарами была полная солидарность; планы кампаний и планы сражений вырабатывались сообща. Вместе вели солдат в атаку, вместе переносили лишения. Когда затихал шум битвы, жили общей семьей. Но бывали и другие отношения. Генерал, которого невзлюбил комиссар, сразу становился несчастным человеком, подвергался преследованиям и нередко попадал на гильотину. А отсутствие полной свободы действий у генералов часто приводило к тому, что даровитые люди отказывались от высшего командования, не желая нести ответственность за действия, в которые вмешивался человек, часто совершенно незнакомый с азбукой военного дела.

Совместная жизнь тоже складывалась не одинаково. Сен-Жюст был высокомерен и недоступен. Другие держали себя по-товарищески просто. Маршал Ней³⁹ передает следующий любопытный эпизод из своей боевой жизни. Он был ранен во время рекогносцировки осажденного Майнца в 1795 году. Рана была пустая, но утомления и всякого рода лишения сделали то, что с ним случился какой-то столбняк. Он стал безпокоен, впал в глубокую задумчивость, иногда его сжигала лихорадка, он нервно отвергал всякую помощь хирурга. Его начальники и друзья, обезпокоенные его состоянием, стали изобретать способы вывести его из этого состояния. И вот однажды Клебер решил во что бы то ни стало развеселить раненого. Он позвал музыкантов, собрал молодых девушек из деревни, в которой расположился отряд, и сообща устроил самую неистовую фарандолу в помещении, где лежал Ней. Впереди всех танцевал сам Клебер, огромный, косматый, со своим оглушительным хохотом и резкими движениями, а рядом с ним отплясывал комиссар Конвента Мерлен из Тионвиля, маленький, черный человек с огромными усами, который смеялся так же громко, забыв о своем сане. Кругом порхали девушки и весело припрыгивали молодые офицеры. Средство помогло. Хандра раненого не устояла перед этим своеобразным лечением. Ней развеселился и отдал себя в распоряжение хирурга. Несколько позднее комиссаром Конвента при той же

---

³⁹ Мишель Ней: http://community.livejournal.com/26_marechaux/.

Самбр-Мааской армии был назначен Жилле, у которого тоже сложились самые лучшие отношения со всем командным составом. Даже у Сен-Жюста, непреклонного железного Сен-Жюста и у того установились прекрасные отношения с командовавшим Рейнской армией генералом Пишегрю⁴⁰. Этот хитрый бургундский мужичек умел подлаживаться решительно ко всем и прекрасно устраивал свои дела. В это время он еще не думал об измене.

Не следует, впрочем, преувеличивать. Комиссары не только приносили пользу. Они часто определенно вредили делу. Не все, подобно Дельбрюку, знали, когда нужно пустить в ход свои полномочия и когда — сделаться адъютантом генерала.

Конечно, задача Комиссаров при армии была очень трудная, подчас тяжелая, и если они, в конце-концов, выходили победителями из стольких затруднений, то это потому, что армия выдвинула из своей среды так много даровитых вождей, столько Первоклассных полководцев, сколько никогда не появлялось в такой короткий промежуток. С ними нам и предстоит теперь ознакомиться.

ГЛАВА XI. ЖУРДАН. КЛЕБЕР. МАРСО. ДЕЗЕ

Журдан⁴¹ был первым из генералов революции, которому удалось повернуть счастье войны лицом к Франции. Он вступил в командование в тот момент, когда измена Дюмурье, потеря Бельгии и левого берега Рейна делали положение Франции отчаянным. Но в промежуток Времени между началом 1793 года и сентябрем того же года Конвент, как мы знаем, Произвел огромную работу, которая в значительной части пришлось на долю Карно. Союзники не сумели воспользоваться затруднениями, в которых находилась Франция, и у Карно оказалось достаточно времени, чтобы собрать и снарядить новые армии взамен тех, которые были разбиты и дезорганизованы. Журдан командовал отрядом в армии генерала Гушара, на долю которой выпала самая трудная задача. Это была Северная армия, и как раз на севере натиск союзников был особенно силен. Мы уже знаем, что Гушар сумел остановить продвижение соединенного отряда англичан, ганноверцев и австрийцев у Гондшооте, но не сумел воспользоваться плодами своего успеха. Он был отозван и место его занял Журдан. Новый генерал уже не был юношей.

Он родился в 1762 году и несколькими годами был старше своих знаменитых сверстников — Гоша, Марсо, Дезе, Бонапарта и других. С 16 лет он уже служил в армии старого порядка, был на службе в Америке с Лафайетом, потом вернулся вышел, в отставку и долгое время помогал своей жене в ее мелочной торговле, в Лиможе, своем родном городе. Целые дни он проводил за своим прилавком и ждал, пока окажется возможность снова вступить в ряды войск. В 1791 году он был выбран начальником одного из волонтерских батальонов. Вместе с ним он отправился в Северную армию и быстро прошел все чины до дивизионного генерала. Карно, у которого была способность угадывать людей, «нашел» Журдана и дал ему возможность себя проявить. Когда Конвент поставит его во главе Северной армии, Журдан не потерялся. Он никогда не считал себя гениальным полководцем, всегда был чрезвычайно скромно и добросовестно исполнял свои обязанности, но его способности были незаурядные.

Сражение при Ваттиньи показало, чего стоит Журдан. Это было в конце 1793 года. В следующем году Журдан был назначен главнокомандующим Мозельской армии. Рядом с нею оперировала Самбрская Комитет Общественного Спасения находил такое разделение неудобным, армии были соединены и поставлены под командование Журдана, который, таким образом, сделался начальником знаменитой Самбр-Мааской армии. Во главе ее он одержал решительную победу при Флерюссе 16-го июня 1794 года, ту победу, которая окончательно освободила Францию от первой опасности неприятельского нашествия. Во главе Самбр-Мааской армии. Журдан находился до 1796 года. С нею он совершил и свой замечательный поход вглубь Германии, и свое знаменитое отступление, когда измена Пишегрю, главнокомандующего Рейнско-Мозельской армией, скомпрометировала положение французов. При Вюрцбурге Журдан потерпел серьезное поражение от эрцгерцога Карла и, считая, что он уже не на высоте,

⁴⁰ Жан Шарль Пишегрю: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#pichegru>.

⁴¹ Жан-Батист Журдан: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#jourd>.

подал в отставку. Он писал Директории от 1-го сентября 1795 года: «Когда я принимал главное начальство над армией, у меня никогда не было никакого честолюбия, кроме желания послужить родине, насколько позволяют мои слабые таланты, и пока мне будет казаться, что я буду делать это с успехом. И я должен теперь заявить, что благо службы требует, чтобы я отказался от командования Самбр-Мааской армией, потому что я утратил доверие генералов, которые, несомненно, уже не считают меня способным быть дох начальником. Я думаю, однако, что они отдадут должное моей честности, моему усердию и моей доброй воле, и что в этом отношении я пользуюсь их полным уважением. Вы понимаете, граждане директоры, что, потеряв доверие генералов, я потеряю вскоре доверие офицеров, а потом и солдат. Поэтому настоятельно необходимо, чтобы вы дали согласие на мое увольнение и чтобы вы назначили такого начальника, который сумел бы своими военными талантами снискать всеобщее уважение. Мне кажется, что генералам было бы приятно видеть во главе у себя генерала Клебера. Вы несомненно увидите в моей просьбе полную преданность общему делу и желание быть полезным моей родине после того, как я оставлю службу». Преемником Журдана на короткое время сделался Бернонвиль, который даже в лучшие свои времена не был способен стоять во главе большой армии, а пробыв несколько лет в плену у австрийцев, утратил свойственное его живой и восприимчивой натуре ощущение военного нерва эпохи. Бернонвиля потом сменил Гош, и дела сразу поправились.

Журдан был еще то главе Самбр-Мааской армии, когда в Париже происходили жерминальские и прериальские волнения (апрель—май 1795 года), при помощи которых якобинцы пытались сокрушить термидорианский Конвент. В обоих случаях Конвент, обратился за помощью к армии. Когда в армии узнали о событиях в столице, Журдан обратился к своим войскам. Журдан писал: «Нужно, чтобы в этом случае армия действовала так, как она действовала всегда, когда происходили подобные события. Другим и словами, будучи поставлена на границе, чтобы сражаться с внешними врагами, армия совершенно не занимается тем, что происходит внутри. Она убеждена, что честные граждане, которые там находятся, заставят замолчать роялистов и анархистов». И, кто знает, быть может его уход в 1796 году был вызван не только теми мотивами, которые он изложил в письме к Директории, а еще и сознанием того, что события, назревавшие в стране, приведут к неминуемому вмешательству в политику армии и ее вождей, т. е. к диктатуре.

Это не значит, что сам Журдан был чужд политике. Когда, подав в отставку, он приехал в Париж и стал членом Совета Пятисот, он занял очень определенную позицию, близкую к позиции якобинцев. Он был заклятым врагом врагов республики, и когда Сийес — об этом будет речь ниже — стал готовить государственный переворот, Журдан — это было уже после смерти Жубера в битве при Нови, осенью 1799 года — уговаривал своего друга Бернадота, военного министра, арестовать Сийеса. А 25 сентября в Совете Пятисот он внес предложение вновь объявить отечество в опасности. Теперь Журдан уже не стоял во главе армии и мог заниматься политикой, как всякий гражданин. После государственного переворота, утроенного Бонапартом, Журдан некоторое время оставался в тени. Бонапарту было известно, что Журдан не принадлежал к числу сторонников дела 18-го брюмера. Поэтому Журдана постарались удалить из Парижа. Он был сделан главнокомандующим Итальянской армией, после того, как там кончились больше сражения 1800 года и до того момента, когда начались новые большие сражения. В 1804 году Журдан был сделан маршалом Империи, — обойти совсем победителя при Флерюссе и при Ваттиньи было бы совсем неприлично, — но одновременно отозван из Италии. Наполеон продолжал не доверять ему и боялся оставлять его в Италии в такой момент, когда там вновь стали готовиться крупные события. Его сменил Массена. В 1808 году Журдан был отправлен в Испанию, чтобы помогать новому испанскому королю Жозефу Бонапарту военными советами. Журдан был фактическим главнокомандующим испанской армии и все ее успехи до того момента, пока бесдарный и беспомощный императорский брат носил титул главнокомандующего армии, были созданы талантам Журдана. Когда Жозеф был лишен командования, подал в отставку и Журдан. После падения Наполеона Журдан окончательно перешел на сторону Бурбонов и не колебался во время 100 дней. Реставрация сделала его графом и это для старика послужило некоторым удовлетворением за то, что мимо него прошли обильно сыпавшиеся на его

товарищей герцогские и княжеские титулы. Наполеон до самого конца не мог простить Журдану его поведения при перевороте 1799 года.

В судьбе Журдана был какой-то трагизм, при том трагизм особого рода. Никто не оказал Франции более реальной услуги, чем Журдан. Если задать себе вопрос — какие из побед, одержанных республиканскими войсками, пришли в момент самый необходимый, больше всего содействовали устранению смертельной опасности для революции и для Франции, придется назвать три: Вальми, Ваттиньи, Флерюссе. Последние две были одержаны Журданом. Имя Журдана было на всех устах во Франции; начиная с конца 1793 года, он был самым популярным из генералов. На него всего больше призывались благословения. А в Пантеоне великих полководцев революционной эпохи Журдан занимает сравнительно очень скромное место. Вокруг его имени нет тех лавровых венков, тех алтарей любви и почитания, которыми окружены имена Гоша, Марсо, Дезе. Происходило это потому, что Журдан обладал двумя качествами, которые в это время были очень неудобны: скромностью и простотой. Другие тоже были скромны и просты, но в Журдане скромность и простота не сопровождались теми внешними особенностями, из которых складывается облик героя. Во главе армии он продолжал сохранять многое из того, что было ему свойственно, когда он торговал кореньями и мылом в лавке своей жены, в нем не было ничего бравурного, ничего рыцарственного, и в нем не было умения привлекать сердца. Дезе тоже был и прост и скромен, но в нем была обаятельность, которая всех заставляла тянуться к нему. Журдан был совершенно ее лишен. Он был холоден. Ему доверяли, но любви к себе он не вызывал. Вот почему в истории и в памяти потомства Журдан занимает не такое место, на которое дают ему право его боевые дарования и его заслуги перед родиной.

Полной противоположностью Журдана был его любимый помощник в Самбр-Мааской армии — Клебер⁴². Насколько Журдан был лишен всяких признаков бравурного военного тона, настолько Клебер был ими переполнен. Насколько Журдан был спокоен, сдержан и прост, настолько Клебер был шумлив, речист, экспансивен. Журдан редко предавался веселию или гневу. Никто не вспыхивал гневом скорее, чем Клебер. Ни у кого гнев не разражался так бурно, как у него, и никто не умел смеяться такими громоподобными раскатами, как он. Огромного роста, необыкновенно сильный и в то же время полный изящества, с выразительным лицом, обрамленным густой шевелюрой, капризными завитками падавшей на плечи, с удивительно добрыми голубыми глазами, которые умели загораться суровым блеском и властным огнем в трудные минуты, Клебер напоминал своим подчиненным Ахилла. Наполеон говорил позднее про него: «Никто не бывал так хорош в огне, как Клебер. Его судьба была достойна его дарований. Его трагический конец увенчал жизнь самую красивую, самую плодотворную актами служения родине, проявлением геройства, которые сделались у него обыденными и каждого из которых хватило бы на то, чтобы сделать карьеру рядового генерала.

Клебер был старше Журдана. Он родился в Страсбурге в 1753 году. Его отец был каменьщиком. Клебер остался рано сиротой. Его мать вышла замуж за архитектора, и Клебер решил избрать себе ту же специальность что и отчим. У него оказались способности к рисованию, большой художественный вкус. Он уже начал выдвигаться. Случай помешал тому, чтобы у Франции оказалось одним посредственным архитектором больше и за то подарил ей первоклассного полководца. Когда Клеберу было 17 лет, он в кафе вступился за нескольких баварцев, которых незаслуженно оскорбили его приятели. В благодарность те доставили ему возможность поступить в Мюнхенскую военную школу. Кончив ее, он некоторое время прослужил в австрийских войсках, но в 1783 году вышел в отставку, вернулся в Страсбург и стал заниматься своей специальностью. Архитектура шла с грехом пополам, и Клебер не мог забыть времени, проведенного им на военной службе. Когда вспыхнула революция, ему было 36 лет. Он сейчас же поступил в Национальную Гвардию, а в 1792 году был избран начальником, одного из волонтерских легионов и попал в армию Кюстина. Здесь он впервые показал, какие в нем скрываются таланты. Отряд Клебера был назначен в Майнц в тот момент, когда ему угрожала осада. Он не был начальником Майнцкого гарнизона, у него не было и генеральского чина, но он сделался душой защиты. Он писал про себя в своих разбросанных заметках: «В

⁴² Жан Батист Клебер: http://community.livejournal.com/26_marechaux/.

течение четырех месяцев он жил под сводом огня, участвуя во всех вылазках, отражая все атаки, не зная — существует ли Франция». Здесь, в Майнце, Клебер, как мы уже знаем, сформировал при помощи амальгамы те боеспособные части, которые сделались потом Майнцской дивизией и были отправлены в Вандею бить восставших крестьян и эмигрантов. Ибо Майнцкий гарнизон, — мы это тоже знаем, — сумел добиться до капитуляции, права покинуть крепость с оружием в руках лишь с обязательством не сражаться против союзников. В Вандее Клебер также не был начальником самостоятельного отряда: так же, как и Марсо. Но удар вандейцам был нанесен именно Клебером и его юным другом, такой удар, от которого вандейцы больше не могли оправиться. Позднее Гошу пришлось лишь воспользоваться тем, что сделал в Вандее Майнцкий отряд. Клеберу, как и Марсо, приходилось быть и генералами, и офицерами, и солдатами Одновременно. Был однажды такой случай: при взятии Савене неприятель стал теснить республиканские войска, а у Клебера не было под рукою никакого отряда. Тогда он и Марсо собрали свои эскорты и бросились на неприятеля с саблями в руках. Неприятель был разбит.

Положение Клебера и Марсо в Вандее было очень трудное не только потому, что чисто военная обстановка была очень тяжела, но и потому еще, что комиссары Конвента в Вандее особенно свирепствовали и окружали всех подозрением. Клебер со своим независимым и гордым характером особенно сильно страдал от этих именно условий, но он никогда не уступал и поплатился за это тем, что при назначении главнокомандующего, комиссары отдали предпочтение более молодому Марсо. Клебер был готов к худшему и говорил о гильотине. Но генерала, который прославил себя защитой Майнца, нельзя было так просто отправить на эшафот, как какого-нибудь «бывшего» графа или маркиза. Это могло вызвать ропот. Заядлые якобинцы тем не менее довольно косо смотрели на то, как росла популярность Клебера и Марсо. После битвы при Савене жители города, который спасли республиканские войска, поднесли Клеберу и Марсо венок из лавровых листьев. Тогда комиссар Конвента Тюро произнес речь, в которой, он сказал, что «лавры, которыми венчают генералов с расшитыми золотом мундирами, воняют старым порядком». «Победу одерживают, - продолжал он, - не генералы, а солдаты. Солдатам нужно плести венки». Клебер не мало не смущенный, сейчас же ответил: «Да, победу одерживают солдаты, но торжество республики доставляют армии, т.е. офицеры и солдаты. Я сам был гренадером и великолепно знаю, как велика заслуга солдата. Но я знаю также, что тысячи рук могут одерживать победу только тогда, когда ими руководит одна голова. Марсо и я приняли этот венок, чтобы передать его нашим товарищам и прикрепить его к нашему общему знамени». Присутствующие покрыли эти слова громкими аплодисментами, и Тюро не решился продолжать дальше свои ораторские упражнения.

Вскоре после этого Клебер получил назначение в Самбр-Мааскую армию в качестве дивизионного генерал. Там он сделался правой рукою Журдана и на его долю падает значительная часть тех успехов, которые эта армия одержала. Победа при Флерюссе была в значительной мере результатом стойкости французского левого крыла, которым командовал Клебер.

Солдаты его боготворили. Они видели его в деле, они знали, что Клебер не потеряется ни в какой опасности и всегда найдет выход из самого безнадежного положения. Они знали, что его голова необыкновенно богата на всякую выдумку. Они его обожали за его невозмутимое ничем мужество, за веселость, которую он не утрачивал при самых тяжелых обстоятельствах, за остроты, сыпавшиеся с его уст и облетавшие всю армию, за его богатырские удары, когда он шел в атаку, за богатырский смех. Когда 1795 году Клеберу предстояло перейти через Рейн около Крефельда, при самых тяжелых обстоятельствах, Клебер не потерялся.

Он ждал наступления ночи, чтобы произвести переправу незаметно для неприятеля. Журдан, который знал, что переправа должна совершиться ночью, несколько раз посылал его предупредить, чтобы он был осторожнее, потому что луна ярко сверила на безоблачном небе, и неприятель мог обратить внимание на наводку мостов. Клебер был занят последними приготовлениями к переправе, когда еще один ординарец прискакал к нему, чтобы снова напомнить о луне. Клебер вышел из себя: «А мне на....ать на луну». И потом, словно сообразив что-то, добавил с хохотом: «Это произведет затмение, и мы

мы отлично перейдем». Переправа удалась блестяще. Составляя рапорт Журдану, Клебер не забыл упомянуть и про луну, доставившую ему столько неприятностей: «Луна, - писал он, - поднявшаяся уже давно, позволила неприятелю заметить наше движение, но она лишь подняла мужество наших гренадер и, в конце концов, осветила их триумф».

Клебер очень ценил Журдана. Он знал его большие достоинства, верил в его опытность и охотно ему подчинялся. Поэтому, когда в армию приехал Бернонвиль, который представлял полную противоположность Журдану, который любил говорить много, но еще не показал, что он умеет делать, Клебер сразу невзлюбил его. Бернонвиль рекомендовал назначить, на свое место Клебера. Когда Клебер узнал об этом и узнал о том, что Директория готова назначить его главнокомандующим Самбр-Мааской армией, он не мог отказать себе в удовольствии дать хороший урок Бернонвилю, который так малодушно отказывался от тяжелой обязанности главнокомандующего. «Я знаю, - сказал он Бернонвилю, что мое назначение произошло при вашем ближайшем участии. Могу ли я его принять?». — «А почему же нет?» спросил Бернонвиль. — «А я вам скажу, - отвечал Клебер. - Потому что, чтобы быть главнокомандующим, нужны качества, которых у меня нет. С талантами, которые требует война, нужно сочетать таланты администратора. А я простой солдат! Я, может быть, могу командовать одной или двумя дивизиями. Я скажу больше: мне кажется, что с теми силами, которые будут в моем распоряжении, я могу отвечать за успех. По крайней мере, мне иногда удавалось его достигнуть». И с веселой иронией, сверкая своими глазами в сторону Бернонвиля, он прибавил: «Чтобы внести в операции ту смелость и ту несокрушимую твердость, которые дают победу, достаточно быть преданным своему долгу, но чтобы комбинировать маневры, чтобы предвидеть и заставлять итти согласно все, что эти маневры обеспечивает, нужно быть крупным человеком, человеком, избранным природою». Бернонвиль, немного смущенный явной насмешкой Клебера, продолжал настаивать. Его поддерживали и комиссары Конвента. Клебер отвечал: «Армия показала, что она умеет страдать и сражаться. Я не думаю, чтобы кто-нибудь мог приписать ее неудачи недостатку выдержки и отсутствию храбрости. Она была побеждена, потому что силы человеческие имеют пределы и потому, что самый храбрый человек не может без конца побеждать голод. Но принесите для солдата маленькую часть тех жертв, которые он ежедневно приносит, для вас. Пусть он будет достаточно одет, чтобы не чувствовать суровости зимы, пусть у него иногда, по крайней мере, будет, чем поддерживать свое трудное существование, пусть он увидит следом за собою повозки, предназначенные для, того, чтобы подобрать его, когда неприятельское оружие его настигло, и вы увидите, на что он способен. Вы увидите, до какого героизма он сумеет возвыситься. Отсутствие дисциплины и разгильдяйство, которые некоторое время царило среди солдат, являются результатом преступной небрежности, с какой обращаются с ними, и постоянного недостатка во всем, который заставляют их терпеть». После того, как Клебер отпел комиссарам все то, что изболело в его душе, после того, как он представил в ярких красках то тяжелое положение, в котором находилась армия, ж категорически отказался принять назначение на пост главнокомандующего. Это было в начале 1797 года.

Вскоре после этого Клебер испросил разрешения удалиться на отдых. События конца 1796 года, когда он должен был разделить неудачи армии, подействовали на него удручающим образом. Отставка Журдана, которого Клебер очень любил, также была ему неприятна. Гоша, нового главнокомандующего, Клебер знал мало, и не очень ему доверял. Все это вместе взятое, заставило его решиться просить об отпуске. Он проживал в Страсбурге, потом в Париже. Здесь его нашел Дезе, его большой друг, и передал ему приглашение от имени генерала Бонапарта принять участи в Египетское походе. Клеберу надоело бездействие. Он отдохнул, оправился и снова стремился к шуму полей сражения, к лагерю, полному солдатами. Он уже стосковался по грому пушек и по сверканию сабель. Бонапарт дал ему дивизию, и 19-го мая 1798 года Клебер сел на корабль в Тулоне, чтобы отплыть в Египет. Ему не суждено было больше увидеть Франции и родного Эльзаса.

В первые же дни прибытия в Египет Клебер при штурме Александрии был тяжело ранен пулей в голову и должен был на время покинуть командование своей дивизией. Бонапарт назначил его губернатором крепости и провинции Александрии. Клеберу казалось, что Бонапарт с умыслом оставляет его вдали от военных дел, и он несколько раз обменивался с ним письмами, в который сквозила, с одной стороны, горечь и неудовольствие, а с другой — обида. В конце-концов Бонапарт понял, что он неправ, и написал Клеберу одно из тех сердечных и ласковых писем, которые он умел писать, когда это ему было нужно. «Я боюсь, - писал он, - что мы немного поссорились. Вы были бы неправы, если бы вы сомневались, что это причинило мне большое огорчение. На почве Египта тучи, когда они бывают, проходят в шесть часов. Если бы они были у меня по отношению к вам, они прошли бы в три...» Клебер скоро выздоровел. В тех блестящих делах в Среднем и Верхнем Египте, которые обесмертили Дезе Он уже не мог принять участие. Но он нашел поле для громких подвигов в сирийской экспедиции. Он командовал авангардом французской армии, несколько раз сталкивался с мамелюками в легких кавалерийских боях и одержал над ними серьезную победу при Седжаре. В 1799 году, пока Бонапарт осаждал Сен-Жан-д`Акр, Клеберу было поручено встретить вспомогательную турецкую армию, которая самым серьезным образом грозила подвергнуть опасности весь экспедиционный корпус. На стороне турок превосходство было огромное. Тем не менее, Клебер, не задумываясь атаковал неприятеля и, во время поддержанный другой дивизией, разбил турок на голову. Это было знаменитое сражение при горе Фаворе. Именно в этот момент Бонапарт произнес свою знаменитую фразу, о том, как прекрасен Клебер под огнем. Действительно, Клебер не щадил себя в этот день; он бросался в самые опасные места, опасаясь, что его солдаты, подавленные количеством, не будут оказывать того сопротивления туркам, какое было необходимо. Много раз его жизнь подвергалась опасности, но он невредимо вышел из боя. Когда Бонапарт встретил его на поле сражения и обнял — для этого Клеберу пришлось сильно согнуть свою огромную фигуру — Бонапарт сказал ему: «Генерал, вы велики как мир». И много раз потом, в годы изгнания на о. Св. Елены, Наполеон с благодарностью возвращался к воспоминанию о той роли, которую Клебер сыграл в знаменательный день 16-го апреля 1799 года.

Когда миновала опасность со стороны вспомогательного турецкого корпуса, дивизия Клебера была подтянута к Сен-Жан-д`Акру. Бонапарту было необходимо поскорее взять турецкую крепость. Артиллерия усиленно подготавливала штурм. Брешь была пробита, Наполеон созвал военный совет для того, чтобы спросить мнение своих генералов о возможности штурма. Все соглашались с ним, что через брешь можно пройти. Клебер молчал и, когда Бонапарт спросил о его мнении, генерал отвечал: «Конечно, кошка пройдет через нее». Бонапарт обиделся и приказал штурмовать крепость. Штурм был отбит с большими потерями, настолько большими, что пришлось снять осаду.

Когда армия вернулась в Египет, после победы при Абукире, одержанной над турками, Наполеон очень скоро уехал во Францию, оставив главнокомандующим египетской армии Клебера. Положение было очень трудное и ответственное: войска было мало, потери заполнять было нечем, мамелюки и турки постоянно получали помощь со стороны англичан, генералы усиленно настаивали на том, чтобы подписать капитуляцию. Были начаты даже переговоры и было достигнуто предварительное соглашение на условиях очень почетных для французской армии. Но английский адмирал Кит, которому принадлежало право санкционировать соглашение, потребовал, чтобы французские войска сложили оружие и сдались в плен. Клебер пришел в ярость, он приказал прочесть войскам ноту адмирала Кита, снабженную следующими словами: «Солдаты, на такую наглость отвечают только победою. Готовьтесь к битве». Три дня спустя, Клебер около Гелиополиса на голову разбил в десятеро сильнейшую турецкую армию. Положение становилось гораздо лучше. Сильная рука главнокомандующего чувствовалась во всем. Мамелюки не смели больше поднять голову. Турция была истощена. Мелкие восстания в Египетских городах были подавлены. Клебер готовился отдаться делу реорганизации управления Египта в ожидании лучших времен. Решение должно было совершиться в Евраге. Его дело было продержаться до того момента, когда Франция, там далеко, за морем, справится со своими врагами. В то время, когда Клебер находился на вершине славы и готовился воспользоваться плодами своих усилий и своих побед, его поразил

кинжал фанатика. Он был убит 14-го июня 1800 года в Каире. После его смерти его преемники настолько быстро испортили положение, что капитуляция сделалась неизбежна.

Только в Египте Клебер показал себя во весь рост, только здесь, облеченный верховным командованием, он раскрыл свои огромные дарования в полной мере. В Европе, на Рейне, Клебер систематически отказывался от верховного командования, считая, что есть люди более, чем он достойные занимать ответственные посты. Здесь, в Египте, он понял, что скромность и постоянное удаление в тень далее невозможны. Он знал, на что он способен, и знал, что другие не сделают того, что может сделать он. Во имя родины он взялся за ответственное командование в такой момент, когда успех, и успех полный, был почти невозможен, когда вся обстановка говорила о том, что он и вверенное ему войска будут жертвою, которой требует от них родина. И он без колебания пошел на эту жертву. Он знал, что триумфов здесь ждать не приходилось, но он предчувствовал, что из испытаний он выйдет покрытый славой. Для этого он сознательно жертвовал своей жизнью среди сынов Франции, среди генералов первого периода революционных войн его фигура, — одна из самых обаятельных и самых величественных.

Его друг Марсо⁴³ занимает в пантеоне революционных генералов место непосредственно рядом с ним. Его фигура, быть может, еще более обаятельна, чем даже фигура Клебера. Марсо погиб гораздо более молодым, чем Клебер, погиб, не успев выявить в полной мере своего замечательного таланта. Ему было всего 27 лет, когда он пал на поле сражения. Безумно храбрый и прекрасный, как бог войны, он унес с собою восторженное удивление соотечественников и врагов. Ни один из революционных генералов не обещал так много, как Марсо. С кристально-чистой душой, рыцарь с головы до ног, полный безкорыстия, чуждый интриг, самоотверженный и великодушный к врагу, ни о чем не думавший, кроме родины, Марсо был благороднейшим типом революционного воина.

Марсо служил писцом у одного старого прокурора, женатого на его сестре. Там он ломал перья и ставил кляксы на деловых бумагах, которые заставляли его изнывать от скуки. Однажды, когда он сидел за своей конторкой, по улице проходил полк пехоты. Это было в 1785 году. Марсо тогда было 16 лет. Звуки военной музыки, мерный шаг солдат, блестящая форма — сразу закружили голову юноши. Он связал в узелок все свое имущество, тихонько пробрался к двери и исчез. Потом на минутку вернулся домой, чтобы сказать сестре, что он записался рекрутом в полк Ангулемской пехоты. Случаю было угодно, чтобы полк Марсо 14 июля 1789 года находился в Париже. Весь город был в волнении. Толпа шла в атаку на арсенал, чтобы раздобыть оружие и идти брать Бастилию. Марсо не усидел дома, он убежал из своей казармы, присоединился к толпе и храбро сражался во время штурма ненавистного оплота старого порядка. Когда стали образовываться волонтерские батальоны, Марсо был, избран офицером в одном из них, а когда началась война, он с первых же шагов принял в ней участие уже в качестве командующего своим батальоном. Часть, в которой он служил, топала в Верден. Мы знаем, что Верден должен был капитулировать. Начальник крепости генерал Борепер, предчувствуя необходимость сдачи и не желая брать на себя ответственность за нее перед родиной, лишил себя жизни. На плечи Марсо свалилась тягостная обязанность подписывать капитуляцию. Он не мог сдержать слез гнева и унижения, когда ставил свое имя под фатальным документом. Командующий прусским отрядом, видя состояние духа Марсо, сказал своим окружающим: «Если у французов много таких офицеров, как этот, нам придется туго». Комиссар Законодательного Собрания, которому было известно, что Марсо в Вердене потерял все, что у него было, спросил у него: «Что вы хотите, чтобы вам вернули?» Марсо, показывая ему зазубренную саблю, сказал: «Саблю, чтобы отомстить за наше поражение». За то, что Марсо подписывал капитуляцию, он был арестован вместе с другими офицерами и предан суду. Но обстоятельства выяснили, что он до последнего момента был противником капитуляции. Его оправдали и отправили вновь в армию, осыпая поздравлениями за патриотический образ действий. На этот раз Марсо попал в Вандею. Здесь, в качестве бывшего солдата королевской армии, Марсо сразу сделался

---

⁴³ Франсуа Северен Марсо (Марсо-Дегравье): <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marceau>.

подозрительным в глазах комиссара Конвента Бурбота. То был тупой фанатик и мрачный пьяница, соединение довольно обыкновенное среди комиссаров на захудалых фронтах. Марсо попал под суд еще раз, но он с таким достоинством вел себя на допросе, что другой комиссар Гупильон сказал: «Если Марсо, которого я вижу в первый раз, не окажется таким же настоящим республиканцем, каким он заявил себя храбрым солдатом, я уже не могу рассчитывать ни на кого». Очень скоро после этого Марсо примирил с собою и Бурбота. В одном сражении под Бурботом была убита лошадь. Марсо приблизился к нему, соскочил со своего коня и, предлагая ему сесть, сказал: «Я предпочитаю быть взятым в плен, чем видеть, как представитель народа подвергается опасности». Мы уже знаем, что Вандее Марсо встретился с Клебером, который также, как и он, явился туда из гарнизона капитулировавшей крепости. Мы знаем также, как оба воина подружились и, скрепили свою дружбу целым рядом самых блестящих подвигов. Главнокомандующим в Вандее некоторое время был генерал Россиньоль⁴⁴, бездарный демагог, возвысившийся благодаря своим якобинским связям. Он так быстро испортил дело, что его пришлось отозвать. Тогда перед Комитетом Общественного Спасения стал вопрос — кого из двух генералов, успевших прославиться на этом трудном фронте, поставить во главе армии. Комитету не нравился независимый характер Клебера и он отдал предпочтение Марсо. Юный генерал прекрасно понимал, что его друг гораздо опытнее, чем он и, принимая командование, сказал Клеберу: «Я беру на себя ответственность, но я прошу тебя назначить меня командующим авангардом в момент опасности». «Хорошо, - просто отвечал Клебер, - если мы будем гилотинированы, то погибнем вместе». Но ни Клеберу, ни Марсо не пришлось пойти на гильотину, хотя комиссары зорко следили за каждым их шагом и отнюдь не были дружелюбно настроены ни к тому, ни к другому. Мы знаем, какими кислыми словами встретил комиссар Тюро, вручение венка Клеберу и Марсо. Но неспособность Марсо подчиняться необоснованным приказам комиссаров сделала то, что его очень скоро удалили из Ванзейской армии, так же, как и Клебера.

Оба они перешли под начальство Журдана в знаменитую Маасскую армию. Здесь Марсо покрыл себя новыми в целом ряде сражений. Особенно блестящ была в битве при Флерюссе. Там под ним были убиты две лошади и, несмотря свою храбрость, он не мог удержать свою дивизию от отступления. В том пункте, который было поручено ему защищать, он остался один, окруженный своими адъютантами и несколькими офицерами. Неприятель подвигался вперед и готов был отрезать его от армии.

К нему пробился во главе небольшого отряда полковник Сульт, будущий маршал, который сам рассказал об этом эпизоде в своих мемуарах. «Ты хочешь, - воскликнул он, - заставить убить себя, потому что твои солдаты себя обесчестили. Иди лучше за ними и возвращайся, чтобы победить, — я буду защищать твою позицию». Марсо опомнился. Через короткое время ему удалось собрать своих солдат, пристыдить их и снова повести в атаку. Комитет Общественного Опасения в своем приказе по поводу Флерюсской победы назвал Марсо «львом французской армии». После Флерюоса Марсо неизменно командовал дивизией в армии Журдана, участвовал во всех его операциях, во всех сражениях, удачных и неудачных, покрывал себя славою все более яркой, пока не настали тяжелые дни отступления после Вюрцбургской неудачи.

Марсо командовал арьергардом отступающей армии. Он защищал свои позиции шаг за шагом, беспрестанно возвращаясь вновь, чтобы атаковать австрийцев и задерживать их натиск. 19 сент. под Альтенкирхеном Марсо, согласно приказанию Журдана, должен был задерживать врага до тех пор, пока главная армия не пройдет через опасные места. Марсо расставлял свою артиллерию на небольшой возвышенности и выехал немного вперед для того, чтобы обследовать местность. Тирольский стрелок, узнав по форме генерала, пустил в него пулю, которая пробила Марсо левую руку и вошла в грудь. Марсо упал с лошади. Несколько солдат бросились к нему, чтобы его поддержать. Марсо понимал, что он будет взят в плен, потому что перенести его было невозможно: рана

---

⁴⁴ Жан-Антуан Россиньоль: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rossign>. В характеристике, данной здесь Россиньолю, как и в др. случаях, напр., в отношении к Сен-Жюсту или в оценке работы Комитета общественного спасения, проявляется, очевидно, субъективно-негативное отношение автора в целом к лево-монтаньярскому и радикальному («эбертисты») крылу революционных сил.

причиняла мучительную боль при всяком толчке. Он требовал, чтобы его прикончили, для того, чтобы не попасть в руки к неприятелю. К нему прискакал генерал Бернадот. «Товарищ, - сказал ему слабым голосом Марсо, - устройте так, чтобы перед смертью мне не пришлось видеть, что наши войска бегут в беспорядке перед неприятелем. Меня убивает мысль об этом». «Успокойтесь, - отвечал Бернадот, - отступление совершается в порядке». И действительно, Журдан сам подоспел на место несчастья, отбит натиски австрийцев и войска прошли. Журдан тоже прискакал к Марсо, и, узнав, что рана смертельна, не мог удержаться от слез. Марсо его утешал. «Зачем плакать, генерал. Я счастлив умереть за родину». Но было необходимо оставить Марсо на месте; австрийцы приближались. Журдан поскакал догонять отступавшую в порядке армию. Все друзья вынуждены были проститься с умирающим. С ним остались только два хирурга, два адъютанта и два ординарца. Журдан оставил письмо к австрийскому генералу, прося позаботиться о Марсо. Но письма были лишние; австрийцы знали Марсо великолепно, уважали его, и преклонялись перед его храбростью. К нему сейчас же был командирован первый врач австрийского главнокомандующего эрцгерцога Карла, а потом к нему прискакал старый генерал Край, постоянный противник Марсо в двух кампаниях. Марсо было приятно внимание тех, которые еще недавно были его врагами. Когда перед самым концом к нему вернулось сознание, он продиктовал своим адъютантам свои последние распоряжения. Он оставил на память Журдану и своим друзьям в армии некоторые из своих вещей, а своему брату по оружию Клеберу завещал лучшую лошадь. 21-го сентября Марсо умер. Эрцгерцог Карл, лично навестивший юного героя, не застал его уже в живых. Тело Марсо было выдано французам и погребено в Кобленце. Клебер вспомнил, что он был когда-то архитектором и начертил рисунок памятника Марсо. Это была простая пирамида, покрытая надписями.

В судьбе Марсо, быть может, гораздо больше трагизм, чем в судьбе Клебера, его друга, или Дезе, которые так же, как и он, погибли во цвете лет, не дав родине всего того, что они способны были ей дать. Но Марсо был моложе их всех, и, когда он умер, никакая тень не омрачила еще его истой славы. Клебер и Дезе познали сладость место побил. Дезе уже был прикосновенен к политике Марсо остался нетронутым ни честолюбием, ни политикой. У него была одна мысль — о родине, у него было одно дело — биться за родину. Все личные дела он забрасывал, потому что долг не давал ему времени думать о себе. У него начинался красивый роман с молодой девушкой, которая безумно его любила. Два года тянулся он, и Марсо так и не нашел времени обвенчаться со своей невестой. Он умер бедняком; все, что у него было, было с ним в лагере. Его главное богатство составляли его лошади. Никто не знает, что бы было с Марсо, если бы он остался жить. Наполеон на Св.Елене склонен был думать, что Марсо принял бы государственный переворот, именно потому, что он меньше всего был политиком. Но Наполеон говорил это про всех, кто умер до 18 брюмера. История знает одно, что Марсо, который был дивизионным генералом и нес ответственную команду в течение нескольких лет, ни разу не дал какой-нибудь другой мысли, кроме мысли о родине, овладеть своим умом, погибая, находил, что смерть за родину прекрасна. У французской армии никогда не будет более чистого и более бескорыстного воина, чем Марсо.

Рядом с Клебером и Марсо такое же славное место в анналах революционной армии занимает Дезе⁴⁵. Его положение в начале революционных войн было еще труднее, чем положение Клебера и Марсо. Мы знаем, что и тех не оставила в покое фанатическая подозрительность комиссаров Конвента, что Клебер и Марсо тоже подвергались аресту по приказу того или другого из комиссаров. Но и Клебер, и Марсо, хотя и не были настоящими сынами народа, не имели никаких связей с аристократией, так что особенных причин для подозрительности не существовало. Иное — Дезе. Его семья, хотя и бедная, была чистойшей представительницей французской аристократии. Когда начались недоразумения между солдатами и офицерами, и волна эмиграции хлынула за границу, из числа родственников Дезе эмигрировало целых 17 человек, в том числе два родных брата Дезе. Такое неудобное родство причиняло очень много хлопот будущему герою Рейна и Египта. В это время Дезе давно уже находился в рядах революционной армии. Он был капитаном, когда началась бойни, Он служил в армии Кюстина и был

---

⁴⁵ Луи Антуан Шарль Дезе: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#des>.

адъютантом одного из его помощников князя Деброля (De Broglie). В начале августа 1792 года, когда штаб армии Кюстина находился в крепости Ландау, было получено известие, что прусский отряд под начальством князя Гоэнлоэ переправился через Рейн и движется против крепости. Кюстин отправился в рекогносцировку, сопровождаемый генералами Келлерманом и князем Дебрелем. Дезе находился в свите главнокомандующего. Маленькая группа, которая не подозревала о близости врага, скакала вперед, не предпринимая необходимых предосторожностей, и неожиданно оказалась лицом к лицу с неприятельскими гусарами. У офицеров едва было время обнажить сабли. Дезе, хотя под ним сейчас же была ранена лошадь, тем не менее сбил с седла и взял в плен одного из неприятельских всадников, которого и привел с собою в крепость. Бертье, будущий маршал, сказал в посмертном похвальном слове Дезе: «Это было одновременно и началом военных действий и первым боем Дезе».

Молодой офицер очень скоро обратил на себя внимание своих начальников. Но после 10 августа, когда князь Деброль был арестован, попал под арест и Дезе. Суд, рассмотрев его бумаги, убедился, что за молодым офицером не числится никаких контр-революционных грехов. Но когда Дезе вернулся в полк, он с грустью узнал, что опоздал к первым большим сражениям. Ему не пришлось приобщиться к славе победы при Вальми. Дезе поступил в армию Кюстина, который отправил его в Вормс. Крепость приходилось защищать против энергичных атак пруссаков. Дезе впервые показал здесь, какой блестящий воин может из него выработаться. Когда Вормс был очищен, Дезе перешел в Рейнскую армию. Но и здесь его не оставила в покое подозрительность якобинцев. На него был сделан донос Комитету Общественного Спасения из его родного города. В этом доносе говорилось о том, что его родственники в большом количестве значатся в числе эмигрантов и обращалось внимание Комитета на то, что на родине все истинные патриоты считают Дезе человеком подозрительным и мало подходящим для несения той ответственной роли в армии, которая на него возложена. Комитет постановил лишить Дезе его должностей. Это было 13-го ноября 1793 года. Но генерал Пишегрю, который командовал теперь Рейнской армией, собственной властью приостановил исполнение этого приказа. Он уже успел оценить Дезе и не хотел лишиться одного из самых даровитых своих офицеров. Ему удалось даже добиться отмены приказа. Но Дезе вскоре после этого едва опять не попал под суд по очень тяжелому обвинению. Когда неприятели заняли Эльзас, многие из крестьян немецкого происхождения завязали связи с пруссаками в Страсбурге, и революционный комитет приказал арестовать виновных и отправить их на эшафот. Дезе, побуждаемый чистым чувством гуманности, дал возможность всем обвиняемым бежать. Это был тяжелый проступок по кодексу революционной дисциплины. Комитет приспал в лагерь Дезе, который в это время уже был генералом, агентов для того, чтобы арестовать его. Но за него вступились его солдаты: они окружили своего любимого вождя и заявили комиссарам: «Не стоило вести войну, если вы хотели отнять у нас генерала, который постоянно водил нас к победе». Солдаты спасли Дезе. Комитет оставил его в покое. Несколько времени спустя Дезе получил приказ покинуть свой пост на передовых позициях и отправиться в тыл. Он только что собирался выехать согласно приказу, как его отряд подвергся нападению неприятеля. Солдаты немедленно послали догонять Дезе, который сейчас же вернулся. Радость солдат не знала границ. «Откройте заставы, - стали кричать они, - чтобы нам увидеть неприятеля поближе: Дезе теперь с нами». Дезе быстро охватил положение, отдал приказы, и неприятель был опрокинут. После этого Дезе удалось в полном порядке отвести свой отряд к Страсбургу, потому что был дан приказ об общем отступлении.

Его поведение нашло признание и со стороны комиссаров Конвента. Дезе получил чин дивизионного генерала. Ему только что исполнилось 25 лет. Не только солдаты ценили Дезе. Его товарищи по команде любили его и слепо ему доверяли. Гувьон Сен-Сир⁴⁶, будущий маршал, дает ему такую характеристику в своих мемуарах: «Дезе особенно любил легкие войска и все те военные действия, которые совершаются с ними... Он почти все делал со своим авангардом... На войне очень часто нужно следить за своим соседом и отражать часть войск для его защиты, что, конечно, сильно затрудняет положение. Имея соседом Дезе, можно было быть уверенным, что он не даст

---

⁴⁶ Лоран Гувьон де Сен-Сир: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#gouvion>.

себя побить». Дезе держался всегда чрезвычайно просто и с солдатами, и с товарищами, и с начальством. Прост был и его костюм. Обыкновенно он косил сюртук из синего сукна без всяких украшений, с открытым воротом. Он сделался образцом для лучших солдат революции, «для Рейнских спартанцев», настолько, что когда Моро принял командование Рейнской армией, он стал подражать Дезе в своих манерах и в своем костюме. Другой его соратник, тоже будущий маршал, Виктор, дает такой портрет Дезе в это время: «Он был высокого роста, крепкого сложения, держался всегда с большим достоинством, имел манеры приятные и благородные. Правильность его черт не мешала выразительности его лица. Оно представляло не совсем обычное, но очень привлекательное соединение мягкости и гордости, откровенности и пронизательности, наивной чистоты и глубокой вдумчивости, экспансивной чувствительности и неукротимой энергии. Его лоб, на котором никогда не оставляла ни малейшего следа дурная мысль, отражал спокойствие его совести и благородные думы, которые естественно струились из этого прозрачного и обильного источника. Его большие черные глаза сверкали самым чистым блеском и сохраняли свою ясность среди шума сражений. Его лицо, обыкновенно бледное, носило отпечаток какой-то грусти, быть может пророческой».

Когда он был назначен дивизионным генералом, он написал своей сестре письмо, в котором он вылился весь целиком, с нежностью его души, со скромностью, не знавшей границ и с той простотой, которая свойственна только людям выдающимся. Он писал между прочим: «Я думаю, что в этом году я буду еще лишен удовольствия обнять тебя. Зима приближается, а конца походу не видно. Он очень труден. Пожалей наших бедных волонтеров, которые лежат на земле, в грязи по колена и утомлены непрерывной тяжелой службой. Пожалей и меня, милая маленькая сестра, я назначен на пост тяжелый и тягостный, и принял я его лишь с величайшим сожалением. Я теперь дивизионный генерал и команду авангардом. Это создает много работы, для твоего брата, который, как ты знаешь, еще молод и не очень опытен. Я надеюсь, что фортуна поможет мне, что она мне улыбнется и что при безграничном старании и при большой храбрости я сумею доставить торжество армиям республики.

Ты не можешь представить, как я этого хочу. Если победа меня увенчает, я сложу победные венки в руки нашей матери, как когда-то вручал ей лавровые венки, добытые прилежанием в гимназии. Я очень люблю нашу добрую мать, люблю больше, чем можно выразить словами. Как бы я хотел видеть ее довольной и счастливой. Я очень огорчен тем, что не могу среди богатств, в роскошных апартаментах, которые мне предоставлены, собрать сколько-нибудь значительную сумму, чтобы помочь ей: она мне не сказала, что она в чем-нибудь нуждается...»

В качестве начальника авангарда Рейнской армии Дезе участвовал в общем наступлении, целью которого было освобождение от осады Ландау. Наступление было успешно, и армия некоторое время могла отдохнуть. Дезе не захотел расстаться со своими солдатами. Он жил вместе с ними в лагере, деля их труды и их простую пищу, и добился того, что солдаты безпрекословно подчинялись дисциплине и обожали его безгранично. Это было в 1794 году. «Я до тех пор буду бить неприятеля, - говорил он, - пока меня будут любить солдаты». О состоянии войск Дезе может дать понятие следующий доклад одного из комиссаров, посланный Конвенту: «Я только-что устроил смотр всем частям, которые составляют авангард Рейнской армии под начальством дивизионного генерала Дезе. Я очень старался проникнуть в настроение войск и с величайшим удовлетворением доношу Конвенту о том братском единении, которое там царит. Всюду заметно, что патриотический дух достиг там высшего предела: солдат, офицер, генерал, собравшись вместе в короткие промежутки отдыха, живут в самой тесной близости. Величайшее взаимное доверие соединяет солдата и офицера с генералами и предсказывает нам блестящие успехи».

Подозрительность якобинцев, однако, не оставляла в покое ни Дезе, ни его родных. Агенты военного министра Бушота доносили в Париж о том, что Дезе принадлежит к числу «бывших» дворян. На родине якобинцы посадили в тюрьму его мать и сестру все потому, что эмигрировали их родственники. Но Дезе это не смущало. Он горячо хлопотал об облегчении участи своих близких и продолжал нести свою тяжелую службу. Видя, как офицеры Рейнской армии работают не покладая рук, забывая о лишениях и об усталости, Сен-Жюст внес предложение о том, чтобы отечество выдало им награду. Когда Дезе

узнал об этом, он заявил комиссару: «Мы исполняли наш долг, только наш долг. Это внутреннее убеждение самое сладкое и самое славное из всех наград. Мои товарищи по оружию и я не желаем других». Все офицеры Рейнской армии одобрили это заявление.

В это время в командовании Рейнской армии происходил кризис. Строгости, которые ввел в ней Сен-Жюст, его постоянное вмешательство в дела военной команды, его нелепые порою приказы⁴⁷ имели результатом то, что Пишегрю сложил командование. На его место был назначен генерал Мишо, очень посредственный генерал, но честный гражданин. Он прекрасно понимал, что он не годится на ту ответственную роль, которая была ему навязана, и однажды уговорил Дезе под каким-то предлогом отправиться с ним к Сен-Жюсту. Там, не предупредив его, Мишо стал просить комиссара назначить его главнокомандующим. Дезе вспыхнул: «Как, - воскликнул он, - ты для этого привел меня сюда! Мне вручить командование армией, мне самому молодому из офицеров! Представитель народа, ты не будешь слушать этого предложения, ты не совершишь несправедливости по отношению к старым воинам, которые гораздо больше, чем я, оказали услуг родине». И сейчас же вышел из палатки Сен-Жюста. Но Мишо не успокоился. Он писал военному министру: «Боевой гений генерала Дезе, непрерывные доказательства мужества, явленные им во время войны, заставляют меня считать его чрезвычайно способным командовать армией с самым большим успехом».

В это время сестра, которая очень долго не видела Дезе, попросила его прислать свой портрет. Дезе отвечал: «Я был очень удивлен твоей странной просьбой о моем портрете. Я ее совсем не понимаю. Как ты думаешь: кто напишет мой портрет в деревушке, совершенно разоренной, в пустынной стране. Думая только о битвах и победах, находясь в бегах целый день, могу ли я думать о портрете? Нет, друг мой, я очень далек от этого и ручаюсь тебе, что это совершенно невозможно. Здесь можно найти художника разве только в Страсбурге, а мы от него в 120 верстах. Если ты хочешь иметь миниатюру, носи изображение Свободы. У французов не должно быть другого. Впрочем, милая сестра, если бы я имел безумие дать написать свой портрет, это было бы теперь потерянным трудом, ибо я надеюсь, что до конца войны, когда я буду иметь радость тебя увидеть, лицо мое будет украшено почетными и славными рубцами от ран, которые я получу, защищая отечество».

В походах 1794 и 1795 года Дезе принимал самое деятельное участие. Солдаты по-прежнему его обожали, а среди своих товарищей он пользовался большой привязанностью и уважением. Дезе умел привлекать симпатии своей необычайной скромностью, простотой и тем, что он никогда не скрывал своих ошибок. Сен-Сир рассказывает про него такой случай, в военном Совете обсуждался план атаки на ближайший день. Сен-Сир доказывал, что атака невозможна. Все остальные, в том числе и Дезе, на ней настаивали. Атака оказалась неудачной. Тогда Дезе явился в Совет и заявил, что он был неправ и что нужно было принять мнение Сен-Сира. В 1796 году, как мы знаем, действия Рейнской армии были не очень удачны. Моро, который принял над нею начальство, продвинулся вперед очень далеко, но поражение соседней армии Журдана заставило его оттянуть назад и свои войска. Приходилось спешно отступать, разрушая возведенные укрепления. Дезе командовал арьергардом и на его долю — как на долю Марсо в Самбр-Мааской армии, — выпала самая трудная задача: останавливать и задерживать наседавшего неприятеля. Дезе с честью вышел и из этого положения. А в отсутствие Моро, Дезе замещал главнокомандующего. В 1797 году Дезе был ранен, в одном бою; его перевели в Страсбург, где жители осыпали его знаками своей симпатии. Он писал своей сестре: «Я принимаю много визитов. Среди посетительниц очень много милых дам. Я съел по меньшей мере 50 банок с вареньем. Ты видишь поэтому, что жалеть меня нечего».

Когда Моро вернулся, чтобы принять командование над армией, весь восточный фронт двинулся вперед. Во главе Самбр-Мааской армии в это время стоял уже Гош, который быстро поправил дела, привел в порядок солдат, упорядочил администрацию и в его руках те солдаты, которые жаловались на то, что они плохо одеты и голодны, делали теперь чудеса. Обе армии дружно погнались перед собою неприятеля и, если бы не весть о заключении генералом Бонапартом Леобенского перемирия с Австрией, Моро и Гош

---

⁴⁷ См. примеч. 24 к главе VI.

дошли бы до самой Вены. Но перемирие было заключено, и военные действия приостановились.

Дезе с большим вниманием и с большим интересом следил за действиями итальянской армии и ее вождя, Бонапарта, звезда которого теперь засияла полным блеском. Безошибочным чутьем опытного полководца он издали угадывал, какая блестящая будущность предстоит этому скромному и мало известному до тех пор генералу. В разговоре с Сен-Сиром Дезе поделился мыслью о том, что он предполагал взять командировку в Италию, как только позволит его рана. Он ему признался, что он хотел бы соединить свою судьбу с судьбою Бонапарта, «ибо, говорил он, я убежден, что Моро никогда не совершит ничего великого, и что мы рядом с ним никогда не будем играть сколько-нибудь значительной роли, между тем, как тот будет покрыт такою славой, что часть ее несомненно упадет на его помощников». Передавая об этом разговоре Сен-Сир замечает, что впервые он почувствовал в Дезе искру честолюбия.

Мысль Дезе о командировке в Италию осуществилась скоро. Он отправился туда с поручением от Рейнской армии, был очень тепло и с большой помпой принят генералом Бонапартом, который совершенно покорил его. Там, в Италии, Бонапарт предложил Дезе перейти под его команду, на что Дезе немедленно и с радостью согласился. После того, как был заключен мир с Австрией, Бонапарт носился с мыслью перенести военные действия в Англию, для того, чтобы принудить к миру самого непреклонного и самого упорного противника Франции. Дезе вместе с Клебером должны были быть его ближайшими сотрудниками в этом трудном походе. И вот они втроем приступили к осмотру Атлантического побережья, в частности Ламанша, для того, чтобы выяснить возможность экспедиции в Англию. Осмотр портовых сооружений, перевозочных средств и инспекция флота показали всем троим, что поход при тех условиях, в каких в то время находился флот, совершенно неосуществим. Бонапарт со свойственной ему быстротой, немедленно переменял свой план и стал готовить экспедицию в Египет. Клебер и Дезе попрежнему должны были быть его главными помощниками. Мы знаем, какова была роль Клебера в Египте. Дезе покрыл себя славой там больше, чем где-нибудь. После знаменитой битвы при Пирамидах Дезе было поручено завоевание Среднего и Верхнего Египта. Задача была очень трудна, потому что даровитый вождь мамелюков Мурад-Бей именно там организовал свои неистощимые резервы. Война, которую приходилось вести, была войною совершенно особого рода, совсем непохожей на европейские войны. Мамелюки были едва ли не лучшей конницей в мире. Ее можно было рассеять, разбить, она собиралась снова и снова становилась грозной силой. Дезе тем не менее великолепно справился с возложенной на него задачей. Мамелюки были окончательно раздавлены и весь Египет покорен. Его пришлось очищать после того, как при Абукире англичане уничтожили французский флот и после того, как экспедиция в Сирию оказалась неудачной. Именно эти два факта заставили Бонапарта признать свою первоначальную задачу неосуществленной и при существующих условиях неосуществимой. Он уехал во Францию, оставив Клебера своим заместителем и поручив Дезе устроить дела в Среднем и в Верхнем Египте. Окончив свою ближайшую миссию, Дезе получил от англичан разрешение отправиться в Европу согласно капитуляции. Клебер остался, — как оказалось, навсегда — в Египте.

Позднее, на Св.Елене, Бонапарт, возвращаясь к Египетскому походу всегда с большой теплотой и с большим почитанием говорил о своих двух замечательных сотрудниках. «Из всех моих помощников, говорил он, они были самыми выдающимися. Оба они оказали великие и редкие услуги Франции, хотя они по характеру и по основному устремлению были глубоко различны. Талант Клебера был создан природой. Талант Дезе был целиком делом воспитания и работы. Гений Клебера вспыхивал лишь моментами, когда его пробуждала важность обстоятельств. Потом Клебер засыпал немедленно на лоне томной неги и удовольствий. Талант Дезе был на страже каждое мгновение. Он жил и дышал, лишь самым благородным честолюбием и самой настоящей славой. Это был характер совершенно античный».

Когда Дезе прибыл в Европу, англичане, которые конвоировали его корабль, подвергли его продолжительному карантину. Как только он вышел оттуда, он стал проситься у Бонапарта в армию. Тот радостно звал его к себе. Для того, чтобы поспеть к решительному сражению в Италии, Дезе взял дилижанс и действительно поспел. Он прибыл в армию в тот момент, когда Бонапарт не мог найти австрийскую армию генерала Меласа. Не зная, что она находится в укрепленной Александрии, он разослал во все стороны сторожевые отряды, чтобы не быть застигнутым врасплох. Один из этих отрядов был поручен Дезе. В то время, как Дезе и другие искали австрийскую армию там, где ее не было, Мелас вышел из Александрии и напал на Бонапарта. Это была знаменитая битва при Маренго. Подавленная численностью неприятеля, французская армия была почти разбита. Бонапарт давно уже разослал во все стороны ординарцев, приглашая Дезе и начальников других отрядов поспешить на помощь. Дезе получил записку первого консула, в которой было всего лишь три слова: «Возвращайтесь, Бога ради!». Став во главе одной из своих дивизий, Дезе поспешил на выручку, волнуемый тяжелыми предчувствиями. «Мы давно не сражались в Европе, говорил он адъютантам: ядра от нас отвыкли». Он прибыл на поле сражения в тот момент, когда Бонапарт готовился дать приказ об отступлении. Был наскоро собран военный совет. У Дезе спросили его мнение. Он посмотрел на часы. Было 3 часа. Дезе просто сказал: «Сражение проиграно, но есть время выиграть другое». Немедленно был составлен новый план, в котором главную роль взял на себя Дезе. Австрийцы настолько были уверены в победе, что, генерал Мелас, поручив преследование французов своим помощникам, отправился в Александрию писать донесение о победе. Но «преследование» превратилось в новое сражение, в котором австрийцы были разбиты на голову. Дезе сдержал свое слово — неприятель был побежден, но сам он был убит во время атаки, которою руководил. Это было 14-го июня 1800 года, в тот же день и час, когда в Каире его друг Клебер пал под кинжалом фанатика.

Бонапарт самым искренним образом горевал по поводу смерти своего любимого помощника. Позднее он говорил, что если бы Дезе не был бы убит при Маренго, он бы поручил ему командование германской армией вместо Моро, ибо он знал, что Дезе никогда не изменит ему ни в счастье, ни в несчастье. Как бы то ни было, но этот роковой день 14-го июня 1800 года отнял у Франции две ее лучшие шпаги, ибо никто из будущих маршалов Наполеона, даже такие талантливые, как Массена или Даву, не могли сравниться военными дарованиями ни с Клебером, ни с Дезе.

Четыре генерала, обрисованные выше, вместе с Гошем, самым крупным даже в этой кампании — являются типичными представителями революционной армии. Именно такими представлял себе Карно вождей революционного войска. Именно о таких генералах мечтал Сен-Жюст, когда искал даровитых людей в рядах Рейнской армии. В них все типично: их простота, их скромность, их постоянный отказ от верховного командования, который вовсе не был отказом нести ответственность. Они всегда готовы были служить родине, но не искали не почета, ни богатства и принимали сыпавшиеся на них почести как нечто такое, что ими совершенно не было заслужено. Из них один только Клебер так же, как и Гош — любил жить для себя, любил предаваться удовольствиям. Остальные жили исключительно для родины. Их беззаветная храбрость, их готовность бросаться всегда в самые опасные места, сделало то, что Марсо и Дезе пали на поле битвы, а Клебер никогда не мог вполне оправиться от раны, полученной в Александрии. Один только Журден отделался сравнительно неопасными ранами и умер своею смертью.

Та плеяда генералов, которая выдвинулась на первые места после них, была уже проникнута другими чувствами и служила не родине, а человеку. Со службой для них непосредственно были связаны все те колоссальные награды и ночевали, которые на них сыпались. И когда Наполеон требовал от них неустанной ратной работы, они уже роптали, недовольные тем, что ненасытное честолюбие императора не дает им возможности жить для себя. И не только генералы подвергались влиянию новых политических условий, создавшихся вместе с минованием героических времен революции. Вся армия испытала на себе эту перемену.

ГЛАВА XII. АРМИЯ И ДИРЕКТОРИЯ

Начало перемены в настроении и в характере армии было положено знаменитым решением Конвента о естественных границах. Конвент постановил, что Франция должна быть доведена на юге до Альпийского и Пиринейского барьера, а на востоке до Рейна. Это решение не только стало роковым для республики и для революции. Оно совершенно преобразовало армию. Оно заставило ее потерять связь с народом и с родиной и превратило ее в профессиональную касту. Раз поставив себе цель завоевать естественные границы, нужно было эту цель преследовать путем колоссальнейшего напряжения всех национальных сил и, что самое важное, — путем устремления всех национальных сил в военное русло. Армия при этих условиях не могла не оторваться от общества, из которого она вышла, не могла не почувствовать, что у нее есть особая миссия, которая обуславливает ее совершенно исключительную роль в государстве. Куда девались традиции 1793—1794 г.г., когда солдаты и офицеры шли на войну ради гражданского долга, из чистого патриотизма, двигаемые только сознанием того, что защищая революцию, они в то же время защищают свои собственные интересы, появившиеся исключительно благодаря революции? Куда девались те времена, когда солдаты мечтали, против врага, вернуться на родину простыми гражданами? Теперь армия не была уже вооруженным народом. Она представляла своеобразную организацию в государстве с особыми интересами, не всегда и не вполне совпадающими с интересами нации. Война стала бесконечной. Солдаты превратились в профессионалов. Естественно, теперь они хотели иметь от своей профессии все то, что они теряли дома. Естественно, легендарная котомка «Рейнских спартанцев» перестали служить идеалом. То, с чем боролись Марсо, Клебер, Журдан, Дезе, — разнуждал Бонапарат, не имевший спартанских предрассудков. Первая итальянская прокламация Бонапарта в 1796 году, где он говорил солдатам о том, что их ведет в плодороднейшие в мире долины, где он сулил им не только славу, но и богатство, является гранью, от которой начинается новый период в истории революционной армии. Солдаты узнали цену золота. Награбленное добро коснулось чистых прежде рук. Революционные генералы якобинского Конвента расстреливали солдат, у которых находили награбленные вещи. Бонапарт смотрел на мародерство, как неизбежную подробность всякой войны. И солдаты стали привязываться к вождю, который обоим талантом оправдывал им путь к богатству и успехам. Как это произошло?

Когда 9 термидора 1794 года Робеспьер был отправлен на гильотину вместе с Сен-Жюстом, Кутоном, Леба и другими своими друзьями, власть перешла в руки представителей буржуазии. Принципы управления сделались совершенно иными. Якобинцев можно упрекать в очень многом, но один принцип для них был всегда выше всего: они правили, опираясь на народ и выполняя волю народа. Они никогда не хотели иной опоры, чем народные симпатии, они никогда не опирались на иную силу, чем на силу организованной народной массы. Ни Робеспьеру, ни Сен-Жюсту никогда бы не пришла в голову мысль, обратиться к армии за помощью в такой момент, когда им грозила какая-нибудь опасность. Если бы Робеспьер воззвал к армии, когда над ним начали сгущаться тучи, быть-может июльские события 1794 года приняли бы совсем другой оборот. Но якобинцы думали, что армию нельзя вмешивать в политическую жизнь. На армию они смотрели, как на орудие, предназначенное исключительно для того, чтобы оградить безопасность республики извне. Если-бы какой-нибудь генерал предложил Робеспьеру свою шпагу для того, чтобы сокрушить его врагов в Конвенте, Робеспьер послал бы его на гильотину. С его точки зрения: эти дела генералов не касались.

Люди, которые победили Робеспьера в Конвенте, смотрели на вещи иначе и находились совершенно в ином положении, чем якобинские диктаторы. Победа над Робеспьером далась им нелегко и не казалась особенно прочной. После того, как Робеспьер с друзьями отправился на эшафот, вокруг нового правительства поднялись враги: друзья Робеспьера, с одной стороны, и роялисты и жирондисты, отделившиеся от страха перед гильотиной — с другой. Термидорианцам, победителям Робеспьера, нужно было много изворотливости, чтобы лавировать между столькими опасностями, им нужна была сильная поддержка, на которую они всегда могли бы рассчитывать в критический

момент. Армией Робеспьера был парижский народ, организованный в Коммуне. Термидорианцев этот народ не поддерживал, и понятно, почему. Политикою якобинцев был демократизм, все сильнее и сильнее окрашивавшийся коммунистической струей. Политикой термидорианцев был буржуазный конституционализм. Они, эти бывшие друзья Дантона, трусливо прятаясь в то время, как якобинцы отправляли его на эшафот, теперь забыли обо всем том, что одушевляло когда-то великого трибуна. Безпринципный эгоизм, жажда богатства и почестей, неприкрытое ничем стремление устроить классовое благополучие буржуазии, — вот чем руководствовались термидорианцы. Блага, которыми они пользовались, были таковы, что расставаться с ними было очень тяжело и они цеплялись за них всеми силами. В системе их политики война продолжала играть очень большую роль, но на цели войны они смотрели теперь совершенно иначе, чем смотрели якобинцы. Для термидорианцев война, во-первых, была войною за расширение рынков, а во-вторых, что, пожалуй, важнее, таким делом, которое обеспечивало им их власть, благодаря существованию преданной армии. Термидорианское правительство уже не видело ничего необыкновенного в том, чтобы сделать того или другого даровитого генерала своим сообщником и совершенно не заботилось о том, что такой взгляд разрушает обаяние верховной власти над сознанием солдата. Если бы при якобинском Конвенте генерал держал бы себя с правительством так, как держал себя Бонапарт с Директорией во время Итальянского похода, он давно был бы гильотинирован. А Директория мирилась с явным неподчинением и глотала все дерзости генерала, который изощрял на этих дерзостях свой стиль. И все по той же причине, потому что термидорианцы и в Конвенте и в Директории были карьеристами и собственные интересы ставили выше интересов родины. Раньше такая политика была немыслима. Армия была строго подчинена правительству. Она терпеливо сносила иго конвентских комиссаров, безропотно смотрела на то, как террористы гильотинировали ее лучших вождей, водивших ее к победам, и не пыталась даже освободить из тюрьмы Гоша — своего кумира, которому грозила та же гильотина. И только когда комиссары являлись в лагерь, чтобы вырвать генерала из военной семьи на глазах у солдат, она окружала его тесным кольцом и отказывалась выдать. Мы знаем, что так именно было с Дезе. Теперь армия стала смотреть на делосо совершенно иначе. Теперь она видела, что Директория в ней нуждается и нуждается не только для защиты отечества от внешнего врага, но и для защиты самого правительства против врагов внутренних.

Содействие армии самым непосредственным образом понадобилось правительству в 1797 году, когда произошли новые выборы в оба Совета: в Совет Пятисот и в Совет Старейшин. На выборах было разбито термидорианское большинство. Для того, чтобы обезопасить себя от грозной оппозиции внутри собраний и от заговоров якобинских и роялистских, которые выростали во всей стране чуть не каждый месяц, те из членов Директории, которые представляли в ней термидорианскую безпринципность, решили выйти из трудного положения с помощью государственного переворота. И так-как армия была верна существующему правительству, то с их стороны было совершенно естественно апеллировать к армии. Это была середина 1797 года. Во главе Самбр-Мааской армии стоял Гош, Рейнскою руководил Моро, которого временно заменял Дезе, а Итальянскую вел от победы к победе Бонапарт. Именно в этот момент Моро был вызван в Париж, где его попытались обработать в духе государственного переворота. Моро не любил политики и уклонился. Тогда обратились к Гошу, причем ловко использовали его пламенную любовь к родине и не остывшие еще в нем якобинские чувства. Ему было сказано, что роялисты готовятся свергнуть республику. Гош, которого один только призрак роялизма приводил в неистовство, попался на удочку хитрых политиков и — хотя крайне неохотно, почти с отвращением — двинул часть своей армии к Парижу. Но оба Собрания во время узнали о махинациях некоторых членов Директории, а в самой Директории заволновались два ее члена, которых нельзя было вовлечь в заговор против собраний: Карно, великий организатор победы, и Бартеlemi, творец Базельского мира 1795 года, оба люди с огромным моральным авторитетом и с колоссальными заслугами перед родиной. И в собраниях и в Директории поднялся скандал, пришлось дать приказ Гошу повернуть обратно. Тогда обратились к Бонапарту, и

тот прислал из Итальянской армии генерала Ожеро⁴⁸, тоже якобинца, человека безумной отваги и очень недалекого. Это именно был такой человек, который был нужен термидорианскому триумvirату в Директории: Барассу, Рейбелю и Ларевельеру. Ожеро был назначен командующим Парижскими войсками. 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года) он окружил здание собрания и арестовал тех, кто был намечен триумvirатом. Из числа директоров был арестован Бартеlemi, а Карно, предупрежденный друзьями во время, успел бежать. Это был первый опыт государственного переворота, правда, в очень небольшом масштабе, но по существу чрезвычайно показательный. Он был, как бы репетицией к перевороту 18-го брюмера 1799 года, которым Бонапарт покончил с республикой. Армия вошла в русло политики с барабанным боем и с распущенными знаменами. И до тех пор, пока Наполеон не наложил на нее свою железную узду, армия должна была чувствовать себя именно тою силою, какой сделали ее термидорианцы в Конвенте и в Директории.

Ясно, что не всякий генерал может заменить собою для солдата гражданскую власть. Подчинение, которого генерал требует, должно быть безусловное, его власть приходит на смену власти гражданского правительства, которое в военном деле безгранично. Такой же безграничной должна быть при новых условиях власть генерала. Что для этого нужно? Для этого нужно, чтобы солдат верил прежде всего в военное дарование генерала, нужно, чтобы он был убежден, что с этим генералом он всегда будет идти к победам, что его талант уберезет солдат и от бесполезных поражений и от всяческих невзгод. И нужно еще, чтобы генерал умел заинтересовать солдата материально, не только обещать ему какие-либо блага, но и дать их ему в руки. Так создается диктатура.

Что республика будет сокрушена силою оружия, что революция вырождается в военный Деспотизм, — это задолго до 18-го брюмера приходило в голову вдумчивым людям, изучавшим историю и читавшим политические трактаты философов XVIII века, ибо Франция воспроизводила ту схему политического развития, которую в свое время проделал Рим. Многие предсказывали брюмерский переворот. В 1790 году о нем говорил Ривароль⁴⁹: «Или король создаст армию или армия создаст короля... Революции всегда кончаются шпагою: Сулла, Цезарь, Кромвель». В 1791 г. один из секретарей Мирабо передавал его мнение: «Так как нынешняя династия не будет способна внушить ничего, кроме недоверия, в конце концов, предпочтут власть какого-нибудь счастливого солдата или диктатора, созданного случаем». Наша Екатерина писала своему приятелю, французскому философу Гримму в том же 1791 году: «Цезарь придет. Он придет, не смейте в этом сомневаться». И три года спустя тому же самому корреспонденту она писала в еще более убежденном тоне: «Если Франция выйдет из всего этого, она приобретет силу большую, чем когда-нибудь. Она будет послушна, как ягненок. Но ей нужен человек высшего порядка, искусный и смелый выше уровня своих современников и, быть может, выше уровня всего века. Родился ли он? Все зависит от этого». В августе 1795 года герцог Ришелье писал нашему Разумовскому: «Силою вещей французы получают короля, но этот король не будет из династии Бурбонов».

Когда пала якобинская диктатура и вступили во власть термидорианцы, эти предсказания начали сбываться. Диктатура становилась неизбежной. Она подготавливалась и теоретически и практически. Но прежде, чем произвел свой государственный переворот генерал Бонапарт, очень многие из генералов подвергались соблазну выступить в его роли. Мы видели уже две попытки этого рода, одну довольно наивную и, повидимому, совершенно бескорыстную — попытку Лафайета, другую более обдуманную и более эгоистическую — попытку Дюмурье. И тот и другой выступили не во время, выступили тогда, когда революционная волна не докатилась еще до своего гребня. Пока якобинцы не изжили всего революционного пафоса, диктатура была невозможна. Пока народ не почувствовал, что завоевания революции, политические и особенно социальные, прочны, он не допустил бы над собой никакого диктатора. Было необходимо, чтобы революционное воодушевление идейный энтузиазм, двигавший людьми, пошел на убыль, было необходимо, чтобы появилась уверенность в том, что

---

⁴⁸ Шарль Пьер Франсуа Ожеро: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#auger>.

⁴⁹ Антуан Ривароль: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#rivr>.

никто больше не сумеет расшатать тех новых вех социального прогресса, которые водрузила революция, только тогда стало возможна попытка вновь установить военную диктатуру. Нам теперь предстоит ознакомиться с этими попытками, предшествовавшими брюмерскому перевороту, и с той ролью, которую играли в них вожди революционной армии.

ГЛАВА XIII. ВОЖДИ АРМИИ И ПОЛИТИКА

При Конвенте никакое участие в политике генералов было невозможно. Конвент, пока в нем власть принадлежала, якобинцам в корне пресек бы всякую попытку в этом направлении. При Конвенте возможны были лишь такие темные махинации, к которым прибегал Пишегрю, стоявший во главе Рейнской армии в то время, когда Гош стоял во главе Мозельской армии и бил австрийцев, чтобы освободить от блокады крепость Ландау. Это было в 1793 и в начале 1794 года. Пишегрю, сын бургундского крестьянина, получил блестящее по тому времени образование, благодаря участию в его судьбе монахов одного монастыря. С юных лет он был обуреваем честолюбием. Он был уже офицером в 1783 году, т.-е. задолго до революции. В 1789 году он сделался вождем якобинцев в Безансоне; когда стали формироваться первые волонтерские батальоны, он сделался начальником одного из них. Его «открыл» среди офицеров Сен-Жюст и он быстро стал делать карьеру в армии. У него были большие военные таланты, но честолюбие его было еще больше. В противоположность Гошу, его постоянному сопернику и предмету его бешеной зависти, человеку, как и он, вышедшему из низов общества, Пишегрю носил в себе много черт, характеризующих выскочку: пронырливость, жадность к славе и к деньгам, неутолимое стремление выдвинуться. В этом отношении Пишегрю является редким исключением в семье революционных генералов. Выскочками не были не только Дезе, Клебер, Марсо, родившиеся на высоких сравнительно ступенях социальной лестницы. Выскочками не были и такие генералы, как Гош, Лан, Маюсена, Мюрат, Бесьер. В них во всех было какое-то достоинство. В Пишегрю его не было совершенно. Он всем готов был пожертвовать для того, чтобы сделать карьеру, был завистлив, ревнив к чужой славе и подобно Дюмурье больше думал о себе, чем о родине. Из зависти к Гошу он был способен давать такие распоряжения в армии, которой он командовал, что неудачи преследовали ее до тех пор, пока Пишегрю не был устранен от главного командования. И это вовсе не потому, что у него не было способности руководить армией. Пишегрю был даровитым полководцем и его кампания 1794 года в Бельгии и в Голландии показала, чего он стоит. Комиссары Конвента скоро заметили в поведении Пишегрю, что-то такое, что казалось им подозрительным. Он был устранен от командования и тем, быть может, спасся от гильотины.

Вместе с термидорианцами вновь возшла и звезда Пишегрю. Пишегрю был первым из тех генералов, к которому обратилась Директория, когда восстание стало грозить ее существованию. Это было 12 жерминаля (1 апреля) 1795 года. Якобинцы угрожали Директории и она должна была прибегнуть к войску для того, чтобы восстание было подавлено. Во главе войска был поставлен Пишегрю, который быстро справился с восстанием и получил от Директории почетное наименование «спасителя отечества». В награду за это Пишегрю был назначен командующим всем восточным фронтом. Это было в мае того же года. Он начал очень успешно, взял Мангейм, разбив австрийцев, но здесь у него закружилась голова. Первый из генералов, он командовал всем во восточном фронтом, под его начальством были объединены Северная, Самбр-Маасская и Рейнская армии. Пишегрю стал мечтать о том, чтобы еще больше укрепить свою роль в государстве. Он не думал о диктатуре. Его мечтою было восстановление на престол Бурбонов, призвание Людовика XVIII, при котором он надеялся сыграть роль первого министра и вообще, вершителя судеб государства. Связи его с роялистами становились все более и более прочными. У него уже созревали планы. Он заранее выговорил себе вознаграждение: маршальский жезл, губернаторство Эльзаса, замок Шамбор, дом в Париже, миллион единовременно, ренту в 200.000. Все было вычислено хозяйственно и аккуратно. Этот крестьянский сын умел считать. За это он предал родину и отдал тысячи солдатских жизней. Он умышленно разделил всю армию так, что она была разбита в тот момент, когда должна была победить врага. Но переворот не удался. Слухи о

готовящемся покушении на реставрацию, заставили Директорию насторожиться. Пишегрю заметил, что к нему начинают относиться недоверчиво. Он решил поставить на карту все и подал в отставку, рассчитывая, что Директория, которая в нем нуждалась, не посмеет с ним расстаться. Но отставка была принята. Пишегрю был в ярости. Лишенный командования армией, он тем самым терял свою ценность для роялистов. Миллион и маршальский жезл разлетелись, как сладкая мечта. Он приехал в Париж - не в собственный дом — и бешено отдался политике в качестве члена Совета Пятисот. Роялисты, замышлявшие свергнуть Директорию, имели его в виду для командования теми войсками и, которые перейдут на их сторону. Это был тот самый заговор, который был отпарирован Баррасом и его друзьями с помощью генерала Ожеро. Пишегрю был арестован и отправлен в Кайенну, на жертву «сухой гильотине». Оттуда он бежал в 1798 году, явился в Лондон, а из Лондона отправился в Швейцарию, где поступил на службу в штаб русского генерала Корсакова, имевшего задачей окружить и уничтожить в Швейцарии отряд генерала Массены. Но Массена сам уничтожил отряд Корсакова, и Пишегрю должен был искать дела. Он долго скитался. В 1803 году он вернулся в Париж вместе с Жоржем Кадудалем, чтобы принять участие в заговоре против консула. Он был выдан, арестован, брошен в тюрьму и через некоторое время найден там повесившимся.

Положение Директории по отношению к генералам, склонным к политической игре, было очень затруднительно, потому что, делая генерала поверенным своих планов, превращая его в сообщника, Директория не только освобождала его от обязанностей подчиняться, но и ставила себя самое в полную неизвестность относительно того, какую в конце концов, политическую позицию займет генерал. Измены и повороты тут были возможны на каждом шагу, Ибо среди генералов, любящих политику, не было и не могло быть людей, лишенных честолюбия, а планы честолюбивого человека всегда темны. Вот почему, вступая в те или иные связи с генералами, Директория всегда немного боялась удара в спину. На счастье руководителей этой опасной игры те из генералов, которые первыми были намечены на роль политических исполнителей предначертаний Директории, сами не понимали тех колоссальных выгод, которые создавало им их положение. Быть может, начинал понимать эти выгоды один только Жубер. Вполне их понял и соответственным образом установил линию своего поведения лишь Бонапарт.

Положение Директории все время было очень трудное. Заговоры и восстания зрели на каждом шагу. После того, как Директория с помощью Пишегрю справилась с бунтом, вспыхнувшим в жерминале 1795 года, ей пришлось иметь дело с таким же бунтом, но только руководимым якобинцами, в прериале, через шесть недель после первого. Директория ни на минуту не задумалась, чтобы обратиться к армии. Это было, в сущности говоря, первым опытом в этом отношении. Как раз неподалеку от Парижа проходил отряд войск, эскортировавший какие-то обозы. Директория вверила генералу Мену, будущему несчастному преемнику Клебера в Египте, команду над этим отрядом с тем, чтобы подавить движение в Париже. Первым эшелоном этого отряда командовал молодой капитан Мюрат. В Париже маленькая армия Мену быстро выросла, потому, что на ее сторону стали все бывшие враги якобинцев. С их помощью восстание было подавлено, и так называемые, последние якобинцы сложили свои головы на эшафоте.

Сколько бы не подавляло восстаний термидорское правительство, врагов у новых властителей Франции становилось не меньше. Перед 18-м фрюктидора 1797 года положение обострилось, настолько, что необходимо было самым серьезным образом поставить вопрос о государственном перевороте. Ей посчастливилось в том отношении, что орудием этого государственного переворота сделался Ожеро. Правда, посылая одного из своих генералов в Париж, Бонапарт видел в этом лишь пробный шаг и, в случае неудачи Ожеро, готовился отправиться следом за ним сам для того, чтобы сделать то, что могло не удасться Ожеро. Ожеро, как уже было замечено, обладал очень многими качествами, делавшими из него недурного генерала. Но среди этих качеств не было именно того, которое могло сделать его опасным для дельцов Директории. Ожеро совсем не был умен. Поэтому Директории, и в особенности Баррасу, было очень не трудно сделать его простым орудием своих политических планов. Ожеро так и не сообразил, что в его руках в день 18 фрюктидора были очень большие возможности. Для того, чтобы понять, почему Ожеро оказался неспособным оценить политическое положение, нужно

знать несколько ближе, что представлял собою, этот, тоже очень типичный в своем роде, революционный генерал.

Родители Ожеро были самыми настоящими жителями Парижа. Отец его торговал фруктами, мать занималась работами. Мальчик рос почти без всякого присмотра и очень рано поступил в армию. Два года он прослужил в конном полку в Сомюре. Здесь он обратил особенное внимание на фехтование и сделался одним из лучших бойцов на шпагах своего времени. Хорошие фехтовальщики почти всегда бывают бреттерами. Ожеро стал один из самых опасных и самых страшных бреттеров во французской армии. У него было много дуэлей, на которых противники его либо получали более или менее серьезные раны, либо оставались на месте. Склонность Ожеро к ссорам и вспыльчивый нрав довольно скоро поставил его в необходимость бежать из Франции. Однажды во время учения командовавший эскадром офицер хотел ударить Ожеро хлыстом за какое-то упущение. Ожеро вырвал у него хлыст. Тогда офицер бросился на него со шпагой в руках, требуя, чтобы он защищался. Сначала Ожеро только отбивал удары, но раненый, перешел в атаку и проколол своего офицера насквозь. Хотя Ожеро находился в состоянии законной защиты, но убийство офицера даже при таких условиях в армии старого порядка было очень тяжелым преступлением. Ожеро должен был бежать в Швейцарию. Оттуда он попал сначала в Грецию, потом в Константинополь, наконец, на берега Черного моря. Здесь его увидел какой-то русский полковник и предложил ему чин сержанта в русской армии. Будущий маршал служил в войсках Суворова во время Турецкой войны, был ранен при штурме Измаила, а когда война кончилась, был направлен со своим полком в Польшу. Оттуда он дезертировал и пробрался в Пруссию. За высокий рост и прекрасную выправку он попал в гвардию Фридриха II. Прослужив некоторое время и разочаровавшись в возможности сделать карьеру, он дезертировал еще раз, и бежал в Дрезден, где давал уроки танцев и фехтования. Когда во Франции была объявлена амнистия по случаю рождения дофина, сына Людовика XVI, Ожеро вернулся на родину, вновь вступил в свой полк, затем был командирован в Неаполь по просьбе короля обеих Сицилии в качестве инструктора Неаполитанской армии. Там он женился на гречанке и переехал вместе с женою в Лиссабон. В 1792 году он был арестован по подозрению в сношениях с французскими революционерами. Его жена освободила его из тюрьмы с помощью капитана одного французского корабля, прибывшего в Лиссабонский порт: капитан этот, не долго думая пригрозил Португальскому правительству, что если оно не освободит французского гражданина, то Франция объявит Португалии войну. Это было немножко по опереточному, но тем не менее действие оказало. Ожеро был освобожден и поспешил вернуться на родину. Назначенный капитаном в одну из армий, Ожеро служил сначала в Вандее, потом в Пиринейской армии, где он был произведен в генералы, а затем вместе со своей дивизией отправлен на Итальянский фронт. Там он, в конце концов, поступил под команду Бонапарта. Ожеро великолепно бился во всех памятных боях этого необыкновенного похода. Особенно отличился он в битве при Кастильоне: он спас положение, которое даже Бонапарт считал очень опасным. Австрийцы в двух местах прорвали французский фронт. Когда все генералы настаивали на необходимости отступить и когда Бонапарт стал склоняться на сторону большинства, Ожеро, доказавший возможность победить, крикнул: «Если даже все вы отступите, я остаюсь один со своей дивизией и утром атакую неприятеля». Бонапарт, убежденный доводами Ожеро, внезапно переменил решение и, обнимая его, сказал: «Я остаюсь с тобою». Итальянский поход стал вершиной славы Ожеро. Он был увенчан его ролью в фрюкtidорском перевороте. Потом, сделанный маршалом и герцогом Кастильонским, Ожеро продолжал делать свое дело - армии Наполеона никогда не достигали той силы и такого блеска, как в Итальянском походе. Под конец он изменил Наполеону и стал одним из тех предателей, которые вырыли ему могилу.

В эпоху 1797 года, когда Ожеро приехал в Париж, в политическом отношении он представлял нечто довольно нескладное. Он был якобинцем, не потому что якобинство было близко ему доктриною, а просто потому, что когда он начинал свою службу в армии, иного настроения среди офицеров, желавших выслужиться, не могло быть. Теперь эти времена прошли, но Ожеро продолжал в том же духе. На этом его поймали умные политики и заставили сыграть такую роль, которая была им нужна. Кроме того, им

было известно, что Ожеро любит деньги. Повидимому, и этот мотив был использован в дни, предшествовавшие фрюкtidору... Наградой ему было командование армией, действовавшей в Германии, которая только лишилась своего блестящего вождя, Гоша. Когда он явился туда, контраст между ним и скромными офицерами и генералами, воспитавшимися в Рейнской и Самбр-Маасской армии, бросался в глаза. Много говорили о том, что Ожеро любит команду не столько для родины, сколько для самого себя. Рассказывали целые сказки о «фургоне Ожеро», который сопровождал его всегда, куда бы он ни направлялся. «Рейнские спартанцы», которые еще не испортились так, как офицеры Итальянской армии, и Ожеро друг друга не поняли. Через несколько недель Ожеро был отозван и должен был уступить свое место другим. Настоящие якобинцы в это время довольно долго носились с мыслью утилизировать решительность и отвагу Ожеро для переворота более серьезного. Но обстоятельства были таковы, что Ожеро очень скоро оказался неподходящим. Тот нужен был человек не только обладающий решительностью, но и одаренный большим умом. Именно эта сторона у Ожеро обстоила менее всего благополучно.

Ожеро представляет такой тип генерала политика, с которым при умении можно сделать все, не боясь, что он завладеет положением и оставит не при чем тех, кто выбирал его исполнителем своих планов. Вот почему с Ожеро долгое время так носились.

Последние два года Директории вообще были богаты попытками свершить государственный переворот и людьми, которые то и дело выплывали на поверхность, извлекаемые чьей-нибудь искусной рукой, или по собственному почину. Одно время на виду у всех в качестве кандидата на роль руководителя всякого рискованного политического предприятия был Бернадот⁵⁰. Это был человек совершенно другого закала, чем Ожеро. Гасконец, хитрый, эгоистичный до мозга костей, карьерист, каких было немного даже в богатой карьеристами армии Наполеона, Бернадот с самого начала революции поставил своей задачей выдвинуться. Он был одарен незаурядными талантами. Очень работоспособный, чрезвычайно красноречивый, умеющий увлекать за собою толпу, Бернадот сразу понял, что революция даст ему возможность добиться того, о чем он мечтал с юных лет. И Бернадот был авантюристом так же, как Дюмурье. Но Бернадот в то же время был очень умным человеком и обладал огромною волей. Он прекрасно схватывал положение, понимал, где нужно ждать и где нужно торопиться, вносил железное самообладание во все то, что он предпринимал, и добился в конце концов, того, что из сына бедного гасконского ремесленника, постепенно поднимаясь по ступеням социальной лестницы, он, в конце концов, взошел на трон и надел на свою голову одну из самых старых европейских корон.

Бернадот начал свою боевую карьеру в Рейнской армии. Генералом сделал его Клебер. Дальнейшие лавры он заслужил под начальством Журдана. В 1797 году он привел Наполеону в Италию подкрепление в 20 тысяч человек, сблизился с ним и даже породнился, женившись на сестре жены Жозефа Бонапарта, на той самой Дезире Клари, с которой был нежный и чистый роман у самого Наполеона в дни его юности. Юношеские воспоминания о жене Бернадота постоянно смягчали Наполеона, когда супруг Дезире оказывался в чем-нибудь виноват. А это случалось довольно часто, потому что высокомерный и неуживчивый нрав Бернадота часто заставлял его делать прямые безтактности. В походах 1806 и 1809 г.г. Бернадот едва не погубил всего дела: в день битвы при Иене и под Ваграмом. Случай дал ему возможность протянуть руки к короне. Он управлял Померанией, одной из немецких провинций, оккупированных Францией, когда впервые столкнулся со шведскими уполномоченными. Швеция в это время искала себе наследника престола, потому что династия должна была прекратиться, вследствие бездетности короля. Бернадот сумел снискать доверие и любовь шведов, был усыновлен королем и скоро забыл о том, что когда-то был французским гражданином. Он заключил союз с врагами Франции в 1813 году и сражался во главе своих будущих верноподанных против своих недавних братьев по оружию.

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ

АРМИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ее ВОЖДИ

⁵⁰ Жан-Батист Жюль Бернадот: http://community.livejournal.com/26_marchisauk/

В 1797 году будущий король Швеции, основатель династии, царствующей до сих пор, был одним из вождей умиравшего якобинства. Но Бернадот, в противоположность Ожеро, был очень ловким якобинцем. Никто не произносил более красноречивых якобинских речей в последней резиденции якобинского клуба, в Манеже. На устах Бернадота оживала вся старая фразеология якобинства. Но никто в то же время не умел так ловко успокаивать тех, кого пугало якобинство, относительно своих настоящих чувств. Позднее, будучи королем, Бернадот очень стыдился этих своих выступлений. В 1797 году он хотел определенно сделать карьеру.

И сделал. Он приучил Директорию к мысли о том, что именно он, Бернадот, ей необходим. Это было после фрюктидорских дней. Ожеро отправился в армию, и у Директории не было генерала, который мог бы, послужить в ее руках, в случае необходимости, таким же орудием, каким был Ожеро. Бернадот давал понять, что он готов на эту роль. С ним соперничал в якобинском усердии и в готовности отдать свою шпагу Директории против ее врагов другой генерал, Итальянской армии, как воин несравненно более даровитый, чем Бернадот, но как политик много ему уступавший в ловкости и изворотливости, — Жубер. Бернадот и Жубер наперерыв успокаивали Директорию, против которой готовилась новая вспышка. Жубер говорил: «Дайте мне 20 гренадер, и я в любой момент покончу все» — «Гренадер, - возражал Бернадот, - это слишком много: 4 солдата с капралом, этого совершенно достаточно, чтобы выгнать вон всех адвокатов». Речь шла о Совете Пятисот. Как бы то ни было, в 1797 году до переворота дело вновь не дошло. Но Директория считала себя обязанной вознаградить усердие Бернадота; она сделала его в 1798 году военным министром.

После этого карьера Бернадота стала идти гораздо быстрее, а его якобинство начало делаться все бледнее. Чем выше поднимался в чинах Бернадот, тем скорее очищался он от «предрассудков» своей молодости. Он попал в число первых четырнадцати генералов, назначенных маршалами, и первый получил княжеский титул. Он был сделан князем Понте-Корво. Но одно осталось у Бернадота неизменным. В 1797 году так же, как и в 1810, когда он впервые стал проводить свою кандидатуру на шведский престол, Бернадот думал только об одном, — о том, чтобы как можно более блестяще устроить свою судьбу. Его упорство достигло цели. Ни у одного из революционных генералов не было карьеры столь благополучной, как у Бернадота. Судьба многих была, конечно, блестяща, но до конца безмятежно, без всяких помех воспользовался добытым положением только Бернадот, этот первый и, вероятно, последний якобинец на престоле, основавший династию.

Когда Директорию охаживали Ожеро и Бернадот, возможность государственного переворота не чувствовалась так сильно, как два года спустя. Пока скипетр Директории находился в руках Барраса⁵¹, переворот мыслился очень мелким. Баррас никогда не думал о свержении республиканского образа правления. Самое большее, о чем он думал — это о насильственном роспуске палат, имеющем целью упрочить его собственное положение. Когда руководящая роль в Директории от Барраса перешла к Сийесу, самая мысль о государственном перевороте подверглась своеобразной и знаменательной эволюции. Сийес⁵² был менее безпринципен, чем Баррас, но в своей безпринципности он был более последователен, чем его предшественник. К тому же Сийес был несравненно умнее. Те меры, с которыми носился Баррас, представлялись ему не более, как паллиативами. Он пришел к тому заключению, что до тех пор, пока во Франции будет республика, страна не может быть спасена от тех опасностей, которые с каждым месяцем вновь выростали вокруг нее, как в 1793 году, во времена террора. И Сийес решил сокрушить республику. Для этого ему нужна была хорошая генеральная шпага. Он искал ее совершенно сознательно и знал, где ее найти. Но та шлага, на которую он всего больше рассчитывал, сверкала далеко от Парижа, в пустынях Египета и Сирии. Бонапарт был далеко, а переворот представлялся настоятельно необходимым. Нужно было искать другого генерала, и Сийесу стало казаться, что он его нашел. Это был Жубер⁵³.

---

⁵¹ Поль Жан Франсуа Никола Баррас: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#brs>.

⁵² Жозеф Эммануэль Сийес: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#si>.

⁵³ Бартелеми Катрин Жубер: http://community.livejournal.com/26_marechaux/.

Карьера Жубера был одна из самых блестящих в истории революционных войн. По началу ее он должен был бы занять место в той плеяде юных революционных генералов, к которой принадлежали Марсо и Дезе. Так же, как и они, Жубер сделался генералом в 20 с небольшим лет. Так же, как и они, Жубер прославил себя такими громкими подвигами, как редкий из генералов революции. Но конец его деятельности был омрачен тем, что он попался на прельщения и соблазны политиков, замышлявших крушение республики. Последняя его кампания должна была бы быть в случае успеха предвестницей государственного переворота, в котором он должен был сыграть решающую роль.

Жубер начал свою карьеру в Итальянской армии в 1793 году. Он быстро выдвинулся под начальством таких генералов, как Шампионне и Келлерман. В конце 1795 года он был уже бригадным генералом и вскоре после этого вместе со своей частью поступил под начальство генерала Бонапарта, назначенного главнокомандующим Итальянской армией. Здесь Жубер последовательно отличился во всех крупных сражениях, бывших вехами молниеносного похода Бонапарта: при Монтенотте, Миллезимо, Лоди, Лонато, Кастильоне, Арколе. Но главные подвиги Жубера пришлось на конец Итальянской кампании.

Перед битвою при Риволи Жубер был возведен в чин дивизионного генерала и получил самостоятельное командование. В начале похода Бонапарт не сумел сразу угадать колоссальные дарования Жубера. Он был самым младшим из бригадных генералов и не мог себя показать. Бонапарт одно время был даже холоден к нему. Его блестящая роль при Кастильоне и Арколе заставила впервые обратить на него внимание, и при Риволи Жубер играл уже первенствующую роль. Бонапарт говорил на Св.Елене, что победу при Риволи одержали Жубер, Массена, Лассаль и он сам. Но главная роль в этом сражении принадлежала несомненно Жуберу. Сражение при Риволи длилось четыре дня. Жубер командовал в нем в течение первого, второго и четвертого дня. Бонапарт подоспел на третий день с дивизией Массены, восстановил равновесие, готовое нарушиться в пользу австрийцев и поспешил назад, куда его призывали опасные дела под Мантуей. Жубер один продолжал сражение и привел его к благополучному концу. Бонапарт и не скрывал того, что главная роль в сражении при Риволи принадлежала Жуберу. Когда он отправил в Париж старые знамена Итальянской армии, от которых остались только почерневшие и увешанные лохмотьями древки, но из которых не было потеряно ни одно, он поручил выполнению этой почетной миссии Жуберу, и вот какое письмо от Бонапарта к Директории служило рекомендацией юному генералу: «Я посылаю вам знамена, которые Конвент подарил итальянской армии. Их доставит вам один из генералов, который всего больше способствовал различным успехам последних походов. Генерал Жубер, который командовал при Риволи, получил от природы дары, которые отмечают воина. Гренадер по своей храбрости, он является генералом по хладнокровию и военным талантам. Он часто находился в обстоятельствах, когда знание и таланты человека решают успех...» Роль Массены в сражении свелась в сущности говоря, к одному удару, а роль Лассалья, который в то время был только подполковником, ограничилась одной атакой. Правда, эта атака была блестяща и сделана в такой момент, когда от нее зависел успех сражения. Но все-таки не Массена и не Лассаль были настоящими победителями. Все главные распоряжения и при защите и при наступлении были сделаны Жубером самостоятельно.

После Риволи Жубер в глазах Бонапарта вырос на целую голову. В заключительных операциях Итальянского похода, в трудной кампании через Альпы Бонапарт вверил Жуберу, самому молодому из дивизионных генералов, командование самостоятельным отрядом, сосредоточив под его начальством целых три дивизии. План Бонапарта заключался в том, чтобы пробиться через Альпы, защищаемые превосходной австрийской армией, и нанести удар Вене с юга, в то время, как Гош и Моро готовились ударить на нее с запада. Сам Бонапарт вел правое крыло своей армии от Вероны к Триесту и дальше. Жубер должен был вести левое крыло через Трентино, Бреннер и Инсбрук. Условия, в которых Жуберу нужно было двигаться, были ужасны. Солдаты по обыкновению были плохо одеты и еще хуже обуты. Сражаться приходилось в горах на высоте нескольких тысяч футов. Приходилось брать позиции, защищавшиеся заранее заготовленными редутами, и пробиваться через страну, находившуюся в состоянии полного восстания. Когда армия Жубера покинула итальянский Тироль и вступила в

немецкой, солдатам нужно было сражаться не только с австрийскими войсками, но и с крестьянами, которые великолепно знали все горные тропинки и были лучшими стрелками в мире. Жуберу много раз казалось, что его маленькая армия в 16.000 человек будет погребена в снегах и ледниках Тироля. Одно время он был совершенно отрезан от сообщения и с тылом, и с армией Бонапарта. Сам Бонапарт начинал же верить слухам о гибели Жубера. А в Вене уже пели молебны по случаю уничтожения его армии. Однако, Жубер победили врага и природу. Ему пришлось выдержать одно большое сражение и семь небольших. Он взял 9 тысяч пленных, 12 пушек, перебил по дороге около 2000 восставших тиролец и потерял всего 500 человек. Поход Суворова через Сен-Готтард — лишь бледная и неудачная копия Жуберова похода. Он писал отцу после того, как соединился с Бонапартом: «Во главе 16000 человек пройти весь Тироль... Этого не пытался совершить ни один француз. Вот что прекрасно». Настроение Жубера во время всего итальянского похода и во время Тирольской кампании, которую справедливо называют походом гигантов, было таково, что в нем нельзя было предполагать никаких честолюбивых политических замыслов. Он делал свое дело, как хороший солдат, беспрекословно подчинялся приказам своего начальника и думал только о том, как он справится с теми грандиозными трудностями, которые стояли у него на пути. В его переписке с отцом это его настроение сказывается чрезвычайно ярко. Отец обожал своего знаменитого сына и все находил, что роль, которую он играет, ниже его дарований: Жубер писал ему из Триента, готовясь пуститься в трудный поход чрез немецкий Тироль: «Мне казалось, что вы хотели, чтобы я фигурировал в первом ряду. Чего вы можете теперь больше желать... Завтра я атакую неприятеля с 16.000 человек и если, как я рассчитываю, я буду иметь успех, я ворвусь в немецкий Тироль. В случае несчастья, если я буду отбит и вынужден буду отступить до Италии, — а это может случиться, — у меня в кармане приказы, дающие мне верховную команду Ломбардии, в области Мантуи и Вероны. Я буду начальником всех крепостей и войск, которые там находятся. Какой блеск! Я поручаю себя фортуне. Но я не верю ей. Если судьба мне будет благоприятна, я буду верить ей еще меньше и буду довольствоваться второстепенными постами, которых по вашему мнению я не должен был бы принимать. Солдаты бьются во всех рядах. В республике занимают командные посты лишь временно. Под моим начальством находится храбрый Дюма, который был главнокомандующим в пяти армиях... Я могу оказаться в таком же положении». В другом письме сказывается даже какая-то усталость от подвигов, меньше всего заставляющая подозревать в юном генерале честолюбивые мечты. Он пишет отцу: «Последние дела счастливы, но фортуна — женщина, и не знаю, почему я ей не доверяю... Под моей командой 16 тысяч человек. Думал ли я когда-нибудь занимать такой высокий пост? Думали ли вы об этом когда-нибудь сами? Но я не ослеплен своим положением. Наоборот, меня тяготит власть, которой я облечен в завоеванной стране, где я стараюсь только сократить ужасы войны... Я и мог бы быть доволен, но я не доволен. Я с завистью вспоминаю Клебера и других, которые теперь в отставке. Война продолжается слишком долго, и мы уже бьемся не за нашу независимость...»

После того, как были подписаны Леобенские прелиминарии, Жубер был назначен губернатором всей Венецианской области. А когда Венеция была уступлена Австрии, он перешел главнокомандующим во французскую армию в Голландии. Бонапарт очень хотел взять Жубера с собою в Египет. Директория ему отказала. Готовясь сесть на корабль, он написал своему бывшему помощнику следующее письмо: «Завтра мы поднимаем паруса, дорогой мой генерал, и когда вы получите эти строки, я, вероятно, буду в другом конце Средиземного моря. Ваше присутствие слишком необходимо в Голландии. Это мне мешает настаивать на том, чтобы вас отпустили со мною. Но я надеюсь, что вы когда-нибудь присоединитесь к нам. При всяких обстоятельствах и при всяких событиях вы должны рассчитывать на мою дружбу. Приветствую вас и люблю вас. Бонапарт» .

Жубер не долго пробыл главнокомандующим в Голландии. 14 октября 1798 года ему было поручено верховное командование Итальянской армией, но и здесь Жубер не остался долго. Директория безтактно вмешивалась в его распоряжения и в январе 1799 года он подал в отставку. В феврале он вернулся во Францию и был назначен командующим 17-ой дивизией. Для генерала это была одна из самых опасных задач. В

17-ую дивизию входили войска Парижского гарнизона, а командовать Парижским гарнизоном в то время, когда в Директории сидели Баррас и Сийес, из которых каждый помышлял о государственном перевороте и планировал его по-своему в своих собственных интересах, отыскивая подходящую шпагу, было делом полным соблазнов. Жубер и сделался жертвою этих соблазнов. Мы видели, каким языком говорил он под влиянием Бернадота и Сийеса, и с каким презрением величал адвокатами народных представителей. Сийес очень быстро разгадал молодого генерала и взялся за него вплотную. Каким образом Жубер из честного и чистого республиканского солдата превратился в политиканствующего генерала и сделался кандидатом в диктаторы, в настоящее время не совсем ясно. У нас слишком мало документов, освещающих этот переход.

Мы хорошо знаем Жубера по его письмам к отцу. В них чрезвычайно ярко и трогательно сказывается его полное безкорыстие, его любовь к родине и сознание того высокого долга, который на нем лежит. Очевидно, две вещи послужили причиною внутренней перемены Жубера: соблазны Парижских политиков, атмосфера, насыщенная интригою, в которой принимали участие все. В том числе и его боевые товарищи с Бернадотом и Ожеро во главе, а затем умение Сийеса и Бернадота сыграть на его простодушии. Быть может, тут имели значение и честолюбивые мечты отца, о которых мы знаем из переписки Жубера. Как бы то ни было, политикам удалось совратить Жубера. В Париже он насмотрелся на многое. Быт и нравы столицы при Директории внушали ему, пылкому и рыцарски благородному, глубокое отвращение, а Сийес непрестанно пел ему о том, что с падением Директории наступят лучшие времена, и Франция вернется к той славе, которая постоянно ей сопутствовала в героические времена! Конвента. В конце концов, Жубер не уклонился от той роли, которая ему предназначалась. В комбинациях Сийеса эта роль должна была свестись к следующему. Слава Риволи и Тирольского похода не казалась для него достаточной, чтобы заставить страну примириться с диктатурой Жубера. Нужны были новые лавры, а их можно было завоевать только в Италии. Там делала в это время чудеса армия нашего Суворова. Все французские генералы, которые там командовали: Шерер, Макдональд, Моро, были разбиты. Все плоды Итальянского похода Бонапарта готовы были рухнуть. Опасность начинала угрожать самой Франции. Если бы Суворов разбил последнюю французскую армию в Италии и опрокинул слабый корпус Массены, которому и без того приходилось трудно в Швейцарии, путь во Францию сделался бы свободен. Нужно было разбить Суворова. Это был бы такой триумф, перед которым померкли бы лавры Риволи и Тироля.

Такова была политическая обстановка... Если бы Жуберу удалось победить страшного русского генерала, завоевать обратно Италию, обезопасить Францию от нашествия, — он должен был вернуться в Париж, разогнать оба собрания и расчистить Сийесу почву для проведения новой конституции.

Раз взяв на себя выполнение этой задачи, Жубер по своему обыкновению собрался немедленно ехать к армии. Но роялисты, которые интриговали в Париже в пользу Австрии, боясь, что Жубер поспеет в Италию во время, чтобы разбить Суворова до тех пор, пока австрийская и русская армия не соединились, придумали ловкий ход. Жуберу было предложено вступить в брак с одной из самых блестящих невест Парижа. Жубер не устоял перед соблазном. Приготовления к свадьбе и самая свадьба заняли довольно много времени, так что, когда Жубер, успевший совершенно так же, как и Бонапарт, перед Итальянским походом провести с молодою женою всего только два дня, отправился в Италию, австрийская армия, осаждавшая Мантую, заставила крепость сдаться и присоединилась к Суворову. Теперь у русского генерала было подавляющее превосходство в силах. Жубер и Моро, который его сопровождал, после долгого размышления решил избегать генерального сражения, пока не подойдут новые войска из Франции. Но Суворов вынудил Жубера принять бой. Это было сражение при Нови, 15 августа 1799 года. В самом начале сражения один из флангов Жубера дрогнул, подавленный превосходными силами австрийцев, действовавшими против него. Жубер кинулся туда, сопровождаемый своим штабом, восстановил порядок и поскакал в другой пункт сражения, где его присутствие было необходимо. По дороге его настигла австрийская пуля. Она ударила его в правый бок и прошла в сердце. Жубер свалился с

лошади и через некоторое время умер. Моро, примявший командование, был счастлив, что ему удалось отступить с армией не окончательно разгромленной.

Весь план Сийеса, в центре которого стоял Жубер, рухнул вместе с его гибелью. Нужно было начинать все сызнова и искать другого кандидата в диктаторы. Вновь и вновь взоры хитрого политика обращались в Египет, где сражался Бонапарт. Но после того, как под Абукиром Нельсон уничтожил французский флот, совершенно не приходилось рассчитывать на его близкое возвращение. И Сийес снова вернулся к мысли о том, чтобы заменить в своей комбинации Жубера другим генералом. Кто же должен был быть новым кандидатом в диктаторы? К Бернадоту или Ожеро нечего было обращаться, — оба они были завзятые якобинцы. Правда, в Париже был Журдан, славный ветеран боевых времен революции, но в Журдане были сильны старые революционные симпатии и заставить его поднять шпату на республику было трудно. После долгих колебаний Сийес обратил свои взоры на Моро, с которым и раньше он неоднократно совещался, но неизменно встречал чрезвычайно уклончивое отношение.

Нам много раз приходилось встречать имя этого генерала. Оно было одно из самых славных. Моро⁵⁴ вступил в армию в 1792 году, начал свои боевые подвиги под командою Дюмурье и в 1795 году уже был генералом и командовал правым крылом армии Пишегрю в Бельгии. В 1796 году он был во главе Рейнско-Мозельской армии и вместе с Журданом вторгся в Германию. Поражение Журдана под Вюрцбургом заставило его оттянуть назад и свою армию. Здесь, в этом отступлении Моро впервые проявил в полной мере свои блестящие способности. Он получил славное прозвище «генерала отступлений» за то необыкновенное мастерство, с которым он спас свою армию, нанося могучие удары неприятелю. Именно во время этого отступления арьергардом, Моро командовал Дезе, который вырос до размеров первоклассного полководца. В следующем году, когда во главе Самбр-Мааской армии Журдана сменил Гош, он и Моро повторили свою попытку вторжения в Австрию, на этот раз с колоссальным успехом. Если бы не заключение Бонапартом Леобенского прелиминарного мира, оба генерала были бы у ворот Вены. После Рейнской армии Моро командовал в Италии, сражаясь против Суворова, но потерпел, как мы уже знаем, неудачу. Он был в Париже, когда Жубер был назначен командующим 17-й дивизией. Сийес познакомил его со своими планами одним из первых, и Моро эти планы одобрил. Но он чувствовал, что сам он не годится на ту политическую роль, которая ему предназначалась. Хладнокровный, настойчивый, полный непоколебимого мужества перед лицом врага, один из самых больших мастеров военного маневра, Моро очень быстро терялся, как только попадал в центр сложной и путанной политической игры. Он никогда не умел в ней найти себя, чрезвычайно легко, поддавался всякого рода влияниям и охотнее всего отступал на задний план. Его политические ошибки и фальшивые шаги так же громки, как и его победы. Честный республиканец и последовательный демократ, он почему-то долгое время утаивал найденную им переписку Пишегрю, избличавшую его сношения с австрийцами. Из-за этого едва не потерпела крушение его собственная боевая карьера. Но репутация Моро, как честного гражданина и патриота, была слишком велика. Никто серьезно не думая о том, что он замешан в махинациях Пишегрю.

Теперь, в 1798 году, положение, в котором он очутился, было гораздо сложнее. Моро так же, как и Жубер, с отвращением смотрел на все происходившее в Париже в дни Директории и не мог не верить Сийесу, который говорил ему, что Франция будет приведена к гибели людьми, Находившимися в то время у власти. Он поэтому одобрял затею Сийеса, но отказывался быть их Исполнителем. Сийесу едва удалось склонить Моро сделаться ближайшим сотрудником Жубера когда тот станет во главе предприятия. Чтобы быть рядом с Жубером, когда он приступит к осуществлению политических планов Сийеса, Моро отправился с ним вместе под его команду в Итальянскую армию. После сражения ери Нови Моро вернулся в Париж. Здесь Сийес вновь начал его охаживать, и Моро уже слушал его гораздо внимательнее. Непопулярность Директории за это время успела еще больше вырасти. Пока Моро был в Италии, Сийесу удалось привлечь на свою сторону много других видных генералов. Правда, среди них не было ни одного, за которым страна могла бы пойти в день государственного переворота. Ни у кого из них не

---

⁵⁴ Жан Виктор Моро: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#mor>.

не было таких пышных лавров, которые были необходимы всякому кандидату в диктаторы. Но уже Бернонвиль, один из первых министров революции и приемник Журдана во главе Самбр-Маасской армии, и Макдональд, вернувшийся после сражения при Треббии, где он был разбит Суворовым, для того, чтобы лечить свои раны, и Лафайет, опять вынырнувший на поверхность, как только запахло противореспубликанским переворотом, готовы были поддерживать Сийеса. Моро должен был стать во главе кампании. Он вернулся в Париж в начале октября 1799 года. Сийес сейчас же завязал с ним сношения и ждал его к себе, чтобы договориться окончательно. Пока он сидел в своем кабинете, ему принесли депешу о том, что во Фрежюсе высадился Бонапарт, вернувшийся из Египта. Когда пришел Моро, Сийес молча протянул ему депешу. И Моро, словно обрадованный, что ему не придется марать свою шпагу насилием над законным правительством, воскликнул: «Вот тот, кто вам нужен. Он устроит вам переворот получше, чем я».

Моро весь тут, в этом восклицании, с его нерешительностью, его боязнью брать на себя ответственность за какой-нибудь политический решающий шаг, с его постоянным стремлением прятаться в тень, раз дело идет о таких вещах, в которых он считал себя неспособным разбираться. Его дальнейшее поведение, когда Бонапарт приехал, тоже было полно этой нерешительности. Он знал, что если государственный переворот будет произведен Бонапартом планы Сийеса потерпят полное крушение. Бонапарт был не такой человек, чтобы подчиняться чужим предначертаниям. Моро был уверен, что с Бонапартом переворот будет означать не свержение клики людей, губивших Францию, а конец республики, и зная это, он не предпринял ничего, чтобы помешать Бонапарту, хотя, если бы он со своим авторитетом стал во главе противников переворота, успех Бонапарта, и без того висевший на волоске в дни брюмерского переворота, мог бы быть окончательно скомпрометирован.

Когда консульство сменило Директорию, Бонапарт не отстранил Моро, хотя он был очень недоволен его нерешительным, поведением в брюмерские дни. И именно при консульстве Моро одержал над австрийцами самую блестящую свою победу, при Гознлиндене. Она в тактическом отношении была гораздо более решительна, чем победа при Маренго, но Моро не сумел ею воспользоваться ни в военном, ни в политическом отношении. Наоборот, именно после Гознлиндена он окончательно испортил свою карьеру. Его жена, дама, которая любила путаться в политику, затеяла самую нелепую интригу против Бонапарта. Моро оказался в ней запутанным. Первый консул воспользовался случаем, чтобы отделаться от неудобного соперника. Моро должен был отправиться в изгнание, и Франция лишилась одного из лучших своих полководцев.

До 1813 года Моро жил в Америке. Когда Наполеон уехал из России, оставив в русских снегах свою армию, Моро не устоял против переданного ему через старого приятеля Бернадота приглашения союзников вступить в их армию. Он отдал врагам Франции свою славную шпагу, покрытую блеском стольких побед. Этот последний ложный шаг, граничивший с изменою родине, был для Моро роковым. Он успел еще дать союзникам фатальный для Наполеона совет: избегать встречи с самим императором и бить по частям отряды великой армии, находившиеся под командою маршалов. Но вскоре под Дрезденом его настигло французское ядро, которым Моро был смертельно ранен. И только, видя смерть лицом к лицу, Моро, казалось, понял, на что его подвинула его ненависть к Наполеону. Последние слова, которые он произносил прерывающим от страданий голосом, были: «Мне, Моро, умереть от французского ядра!»

Мы знаем, что диктатура, в конце-концов, пришла вместе с Бонапартом. После стольких колебаний, стольких неудачных попыток, Директория была свергнута. Торжествующая политика вошла в армию и на этот раз подчинила ее себе.

Но прежде чем приступить к характеристике того генерала, который произвел переворот, нам нужно познакомиться еще с одним, который стоит особняком во всей плеяде славных воинов революции, который по своим дарованиям не был ниже кого бы то ни было, а по величию своей души превосходил очень многих. Это был Лазарь Гош.

Гош был самым блестящим из генералов, выдвинувшихся в первые годы революции. Да и позднее только один Бонапарт мог сравниться с ним по своим талантам. Именно поэтому он старался умалить его достоинства и его дарования. На Св. Елене Бонапарт очень любил возвращаться к вопросу о том, почему во время революции появилось так много талантливых генералов, но, разговаривая очень охотно об их высоких талантах, Бонапарт каждого из них в отдельности старался ценить ниже того, что он стоил. Кто-то сказал в присутствии Наполеона, что Гош много обещал. «Больше того, сказал император, он многое выполнил из своих обещаний». Потом Бонапарт стал рассказывать, что он два раза встречался с Гошем, беседовал с ним, и что Гош питал к нему уважение, доходившее до преклонения. Император давал всем понять, что у него над Гошем было огромное преимущество в правильном воспитании и в глубокой образованности. Потом он продолжал: «Гош всегда старался создать себе партию, и ему удавалось лишь сгруппировать вокруг себя кучку креатур, в то время, как я создал огромное количество сторонников, совсем не ища популярности. Честолюбие Гоша было какое-то задирающее, дразнящее.

Он был способен выступить из Страсбурга во главе 25 тысяч человек, чтобы силою овладеть правительством. Я всегда держался политики терпеливой, руководимой духом времени и обстоятельствами момента». Бонапарт говорил при этом, что с течением времени Гош должен был бы либо дать ему дорогу, либо быть раздавленным. Все это, конечно, не более, как гадание, явно тенденциозное.

В 1797 году, когда Гош внезапно умер, чрезвычайно быстро унесенный болезнью, его популярность была ничуть не меньше, чем популярность Бонапарта, и как уже сказано, не меньше были и его способности. Вопрос в том, кто из двух одинаково даровитых полководцев взял бы верх, решается не так просто. Мы не будем останавливаться на этих вопросах. Для нас Гош представляет лишь тип революционного генерала, со всеми его достоинствами и с очень немногими из его недостатков. Постараемся его обрисовать.

Гош родился в Версале в 1768 году. Отец его был смотрителем королевской псарни. В детстве он лишился матери, и одна из теток, сжалившись над сиротой, взяла его к себе. Она была торговкой овощами, и маленький Гош усердно помогал ей в этом занятии. Потом он попал в школу и быстро выучился читать и писать. Он всегда был первым в своем классе и в учении, и в детских проказах. Потом он некоторое время, благодаря содействию одного из своих дядей, служил мальчиком при церкви Сен-Жермен. С самого детства Гош отличался ненасытной любознательностью, он всегда и всех обо всем выспрашивал и никогда, не уставал задавать вопросы. Часто он поражал взрослых справедливостью и верностью своих замечаний. Детская живость скоро сошла, он сделался молчаливым и даже мечтательным. Как только он заметил, что становился в тягость своей тетке, которая сама еле перебивалась, он решил, что сам будет зарабатывать свой хлеб. В это время при одной из Версальских конюшен освободилось место конюшенного мальчика. Гош выпросил его себе. И в новой должности он продолжил интересоваться всем, и жадно, и торопливо восполнял огромные пробелы своего образования. Случайно ему удалось раздобыть сочинения Руссо. В них он почерпнул мысли о свободе и независимости, которые очень скоро должны были дать плоды. В это время статная фигура юноши обратила на него внимание одного из вербовщиков. Он предложил ему записаться в войска, которые должны были быть отправлены в Индию. Гоша прельстили блестящие перспективы знакомства с экзотическими странами, он сделался солдатом. Но оказалось, что никакой Индии ему видеть не было суждено. Его просто записали во Французскую гвардию. Индия была лишь предлогом, чтобы залучить хорошего рекрута, очень обычным в это время. Гош протестовал, но протесты были тщетны. Нужно было мириться с положением, и 16-летний юноша скоро стал находить значительные прелести и в своей красивой форме и в той жизни, которую ему теперь пришлось вести. Унтер-офицеры, которые взяли его

---

⁵⁵ Луи Лазар Гош: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#hoch>.

обучать, не могли им нахвалиться. Гош очень быстро прошел всю солдатскую учебу и был переведен в гренадерскую роту, что являлось первым знаком отличия. Он непременно хотел продолжать чтение, но служба оставляла очень мало свободного времени. Все те часы, которые не были заняты учением, Гош проводил, работая поденно в предместьях Парижа. Он копал землю, таскал воду, рассыпал навоз по паркам и по огородам и все заработанные таким образом деньги тратил на книги. Читать он мог только ночью, но Гош не смущался тем, что ему приходится спать 2—3 часа, и жадно поглощал книги, приобретенные на трудовые гроши. В короткое время ему удалось заполнить многие из пробелов своего образования. Он стал читать специальные сочинения по военным вопросам, стал их обдумывать, размышлять, и уже перед ним стали вырисовываться реформы, которые он считал необходимыми для усовершенствования армии.

В войсках старого порядка человеку, «низкого» происхождения очень трудно было сделать карьеру. К тому же Гош отличался независимым характером и не всегда его взгляды на то, что дозволено и не дозволено, совпадали с требованиями дисциплинарного устава. Однажды он подрался на дуэли, другой раз отказался выдать товарищей, которые произвели буйство в казармах. Все это задерживало даже скромное движение по службе. Тем не менее он был назначен инструктором, и это было уже большим шагом вперед.

Пришла революция, наступил день 14-го июля 1789 года. Мы уже знаем, что в этот день солдаты Французской гвардии вырвались из своих казарм и присоединились к народу для того, чтобы помочь ему взять штурмом Бастилию. Гош был в числе самых смелых. Он дрался в первых рядах, так же, как и Марсо, хотя оба юноши не знали друг друга и не предчувствовали еще, какая славная будущность их ожидает. Гош отдался революционному движению всей душой. Он великолепно понимал, что революция доставит возможность всякому даровитому человеку найти свое поприще. Он предчувствовал, что как бы ни было низко происхождение человека, талант выдвинет его всегда. И среди представителей революционной армии Гош сделался одним из самых рьяных революционеров. Ни в ком ораторы якобинского клуба, приходившие в казармы того полка, где служил Гош, не встречали более пылкового внимания. Никто не слушал их с таким увлечением и никто не проповедовал с большим пылом, чем он своим товарищам в казармах революционные идеи.

Когда стала приближаться война, военное начальство начало чаще, чем прежде устраивать смотры. На одном из них военный министр жирондистского кабинета Серван заметил Гоша по его выправке и по тому, с какой точностью его рота производила упражнения. Четыре дня спустя Гош был произведен в лейтенанты и отправился на границу.

До нас дошли портреты Гоша и описания его внешности, сделанные современниками. Он был очень красив. Высокого роста, стройный и гибкий, с широкими плечами и с широкой грудью, с длинными черными волосами и черными глазами, с легким рубцом на лбу, оставшимся у него после дуэли, Гош имел вид мужественный и в то же время удивительно привлекательный. Уже в это время он начал пользоваться большим успехом у дам. Несколько увлечений высокопоставленными дамами заставили его относиться к своей внешности с большей заботливостью. Продолжая усиленно заниматься военным делом, Гош начал отдавать много времени удовольствиям. В нем стал развиваться эпикуреизм, любовь к жизни во всех ее проявлениях. Он сделался поэтом, а порою и рабом наслаждений. Однако, это не мешало ему делать свое дело так, как это требовалось строгими уставами службы и обстоятельствами, которые становились, как мы знаем, все более и более серьезными.

Впервые ему пришлось принять участие в военных действиях во время осады Тионвиля, а потом он поступил под начальство генерала Люкнера, который взял его с собою в Арденскую армию. Вместе с ним он принимал участие в несчастном; сражении при Неервиндене и вместе с ним очень много содействовал тому, чтобы в армии восстановился порядок, разрушенный изменою Дюмурье. Гош, ярый якобинец, конечно, был в числе тех, кто самым суровым образом осуждал Дюмурье и вместе с другими якобинцами энергично протестовал против желания некоторых частей последовать зову главнокомандующего и двинуться вместе с ним на Париж. Тем не менее и Гош, и его

начальник не избежали неприятностей. Левнер был арестован по обвинению в соучастии с Дюмурье. Гоша не было при армии в то время, как Левнер был увезен в Париж. Он прекрасно знал своего генерала, знал его политические взгляды и не допускал мысли о том, что Левнер может быть изменником. Поэтому, когда он узнал об его аресте, он воскликнул в гневе: «Неужели Питт и Кобург управляют теперь Францией, что арестовывают лучших слуг родины?» Кто-то донес об этих словах. Гош был арестован и попал под суд, но был очень скоро освобожден.

Сидя в тюрьме, Гош обдумывал обширную записку, в которой предлагал вниманию правительства целый ряд мыслей, родившихся у него во время его военной службы или бывших плодом усиленного чтения. Свой доклад он отправил Кутону, одному из ближайших друзей Робеспьера, сопроводив его следующим письмом: «Я вам посылаю, гражданин, мой труд. Он является плодом патриотизма более пламенного, чем просвещенного. Но могли бы вы думать, что он составлен молодым человеком, преданным революционному суду! Какова бы ни была моя участь, пусть будет спасено отечество, и мне больше ничего не нужно. Но с каждым моментом опасность увеличивается. А здесь все дрожат, не думая о том, чтобы принимать необходимые меры, и я прошу, вас, чтобы меня выслушали или в Комитете Общественного Спасения, или перед кем-нибудь из комиссаров Конвента. Пусть мне дадут возможность работать в какой-нибудь комнате над картами, с оковами на ногах, до того момента, когда враги будут изгнаны из Франции. Я уверен, что сумею указать средства вытеснить их меньше, чем в шесть недель. Потом пусть делают со мной, что хотят».

В записке, которую Гош представил в Комитет Общественного Спасения, заключалось много таких мыслей, которые должны были сделаться основанием новой тактики.

Вот главная линия той реформы, которую Гош предлагал: «Нас губит рутина... Сроем укрепления, которых мы не можем защищать, если не хотим дробить свои силы. Смело станем посреди неприятельских армий, устроив так, чтобы соединенными силами нам иметь перевес над каждой из них в отдельности. От армии, которую мы победим, мы будем переходить к армии, которую нам предстоит победить... Пусть один крик раздастся повсюду: к оружию! Поднимем мужество наших солдат, соединим расбросанные батальоны. Пусть они знают свою силу. Будем часто подвергать их упражнениям. Пусть кавалерия видит неприятеля чаще. Пусть артиллерия маневрирует ежедневно. Будем гордо двигаться вперед. Никаких колебаний и победа будет наша».

Гошу не впервые приходилось пробовать свои силы в писании. Он уже раньше начала сотрудничать в газете Марата, где усвоил себе жаргон самого настоящего якобинца. Однако, чуткие люди очень быстро почувствовали, что этот якобинец очень не похож из других, что у его за фразой кроется серьезная мысль, а записка Гоша, прочитанная в Комитете Общественного Спасения, где еще был Дантон, очень скоро показала и Дантону и Карно, что они имеют дело с человеком очень больших военных дарований. Мы знаем, что у самого Карно в голове в это время был уже готов план тактической реформы. И когда Гош предложил свой план, Карно увидел, что мысли их идут в одном и том же направлении. Усилиями Дантона и Карно Гош был не только освобожден из-под ареста, но получил повышение. Он был назначен в Дюнкирхен, приморскую крепость, осажденную в это время англичанами и австрийцами. Задачей Гоша было продержаться до того момента, когда Гушар, назначенный главнокомандующим Северной армией, обрушится на союзников с тылу. Гош сделал больше, чем от него требовали. Постоянными вылазками он до такой степени изнурил осаждающих, что когда Гушар нанес свой удар англичанам и австрийцам при Гондшооте, сила сопротивления их была сломлена.

Само собой разумеется, что Гош не сидел спокойно в то время, как Гушар и Журдан атаковали союзников с тылу. Энергичная вылазка в день сражения послужила прекрасной диверсией, разбившей силы союзников. Положение осажденного гарнизона до того момента, когда битва при Гондшооте освободила его от блокады, было очень трудное. Как и повсюду, в Дюнкирхене царил в войсках нужда и сказывалось отсутствие дисциплины. Гош должен был все время следить за тем, чтобы солдаты не пали духом, и сумел сделать из гарнизона прекрасное войско.

Комиссары Конвента не могли не обратить внимание на молодого офицера. В сентябре 1793 года он был назначен бригадным генералом Северной армии. Отсюда он послал еще одно донесение Комитету Общественного Спасения. В нем он писал: «Мы ведем, лишь подражательную войну. У нас нет никакого плана. Мы следуем за неприятелем, всюду, где он появляется, и не пытаемся проникнуть в его намерения. Мы часто попадаем в ловушки, которые нам расставляют. Почему мы должны идти только туда, куда ведет нас неприятель? Неужели мы не можем заниматься тем, что мы должны делать, не думая о нем? Я это говорил, и я писал об этом Комитету два месяца назад. Перестанем расбрасывать наши силы. Соединимся в большую массу, и смело пойдем к победе. Не будем себя охлаждать, не будем останавливаться, пока союзники не будут раздавлены. Два раза они избежали этого. Пусть третий раз победа будет наша. Никаких сторонних соображений! Спасение отечества не зависит от пустяков. Соберем наши армии в две группы. Пусть одна в 60.000 человек двинется на Турне, а другая в 30.000 на Ипр и Остенде. Сделаем вылазку из Лилля и возобновим сцену сражения при Фонтенуа. Нет непобедимых препятствий. Француз, руководимый честью и любовью к родине, победит всякое. Не нужно, чтобы республика ждала будущего года, чтобы быть спасенной». Когда Карно прочел это письмо, он сказал своим товарищам: «Вот пехотный сержант, который пойдет далеко».

В октябре Гош был назначен дивизионным генералом и командующим Мозельской армией. Когда он явился принять начальство над своими солдатами, он нашел, там такую-же разруху и такое же отсутствие дисциплины, какое было везде. Сначала он пришел в отчаяние, потом его охватило негодование и пламенные прокламации стали призывать солдат к порядку: «Как, - восклицал он, - дисциплина в загоне до такой степени! Но ведь дисциплина — это сила армии. Отсутствие дисциплины — это верное средство быть всегда разбитыми». В несколько дней Гош подтянул своих солдат так, что их нельзя было узнать, и люди, которые прежде не доверяли своим начальникам, фазу переполнились доверия к своему юному главнокомандующему. В небольшой газетке, издававшейся при армии и носившей название «l'Argus de Moselle», один из офицеров писал: «Защитники родины! Мужество и доверие! Наш новый генерал показался мне юным, как революция, сильным, как народ. Он не близорук, как тот, кого он заместил, его взгляд горд и широк, как взгляд орла. Он будет руководить нами, как это достойно французов». Гош захотел узнать, кто написал эту статью. Это был молодой офицер Гриньи. Генерал призвал его, обнял и сказал ему: «Друг, ты прочел в сердце, пылающем любовью к свободе и к славе родины. Ты угадала меня. Укажи мне тех, которые одушевлены теми же чувствами, что и мы, тех кто не разсуждает, а сражается. Необходимо, чтобы все служило республике». Но прежде, чем вести армию к победам, необходимо было привести ее в такое состояние, чтобы она могла ходить: солдаты были босы. Гош писал письмо за письмом в Комитет Общественного Спасения, требуя присылки предметов первой необходимости. Со всех сторон, говорил он, у меня требуют башмаков. Ежедневно ко мне приходят по 100 волонтеров и показывают мне свои голые ноги. Я страдаю больше, чем они, гражданин министр, но я отдал им все, у меня е осталось ничего. Его усилия увенчались успехом. Комиссары Конвента вместе с ним добились того, что солдаты были одеты, обуты и сыты. Гош двинул свою армию. Он не переставал выпускать свои прокламации, лаконичные и сильные. Гораздо раньше Бонапарта он смело открывал солдатам свой план. «Я иду искать неприятеля, - писал он, - я проникну в его тыл...» «Против неприятеля у нас железо и мужество, мы победим...» «Если шпага коротка, сделайте шаг вперед».

Целью операций Мозельской армии было снятие блокады с крепости Ландау. Первые ее действия не были вполне удачны... Гош должен был приостановить свое наступление, чтобы собраться с силами. Комиссары Конвента были недовольны этой заминкой. Гош спокойно и холодно отвечал на их упреки. «Победа висела на волоске, но не беспокойтесь, у меня есть другие планы». Комитет Общественного Спасения, который понимал своего генерала, писал ему: «Неудача не есть преступление, когда сделано все, чтобы заслужить победу. Мы судим людей не по фактам, а по их усилиям и по их мужеству. Но мы не теряем надежды на спасение родины. Наше доверие остается за тобою. Соедини свои силы, иди вперед, сметай орды роялистов». Сен-Жюст с своей стороны говорил ему: «Ты принял на себя новые обязательства по отношению к родине.

Теперь вместо одной победы, нам нужно две, чтобы освободить Ландау». Гош отвечал: «Я далек от того, чтобы потерять надежду на спасение родины. Французы, хотя и свободны, и пока остается четыре патриота, их будет достаточно, чтобы довести до изнеможения тиранов. Дезе, который был под его командою, спрашивал его, что он предполагает делать. Гош ему отвечал: «Будь спокоен, товарищ! Со штыком и с хлебом, мы победим всех тиранов Европы».

Гош сдержал свое обещание. Он прорвал знаменитые Виссембургские линии и добился того, что блокада с Ландау была снята. В этой операции Гош должен был действовать сообща с Пишегрю. Нерешительность последнего приводила к тому, что планы Гоша не выполнялись с достаточной точностью. Для того, чтобы сделать командование единым, Комитет Общественного Спасения подчинил армию Пишегрю Гошу. Пишегрю не был таким человеком, чтобы снести обиду. Он разговаривал с Сен-Жюстом по-другому, чем Гош. Он умел подделываться под настроение всесильного комиссара и очень ловко вселил в него недоверие к Гошу. Интриги Пишегрю и Других завистников, в конце-концов, достигли своей цели. Комитет постановил арестовать Гоша. Но так как боялись схватить его в его собственном лагере, то его назначили главнокомандующим Итальянской армии. Ничего не подозревая, Гош отправился в Ниццу, чтобы принять начальство, и здесь был арестован. Его отправили в Париж и посадили в тюрьму Кармелитского монастыря. Здесь же находилась в заключении вдова гильотинированного генерала Жозефина Богарне⁵⁶, будущая императрица. Гош завязал с нею сношения. Злые языки утверждали потом, что между узницей и красивым генералом завязался роман. Как бы то ни было, Комитет проведал об этих сношениях, и Гоша перевели в другую тюрьму, Консьержери, ту, из которой выходили почти исключительно для того, чтобы отравиться на Гревскую площадь. И Гош несомненно сложил бы свою Титову на гильотину, если бы не подоспел переворот 9-го термидора, сваливший Робеспьера и Сен-Жюста. После падения якобинской диктатуры, Гош был освобожден. Когда друзья увидели его, бледного и худого, после долгих месяцев заключения, они стали высказывать ему сочувствие по поводу тех нравственных пыток, которые он должен был пережить. Гош отвечал: «Я часто видел смерть лицом к лицу и никогда ее не боялся. Мне была тяжела лишь мысль погибнуть смертью изменника».

По выходе из тюрьмы Гош был назначен командующим одной из армий, оперирующих против вандейцев. Вандея уже получила первый удар, нанесенный, как мы знаем, Клебером и Марсо, но она еще была сильна. Эмиграция снабжала ее из Англии людьми, английская казна — деньгами. Один за другим английские транспорты высаживали новые отряды бойцов за короля. По большей части это были дисциплинированные, фанатичные полки, составленные из моряков королевского флота. Были целые части, составленные из одних морских офицеров. Во главе Вандейских отрядов были даровитые люди (Стофле, Шарет и другие). Гошу пришлось довольно трудно в первое время, но, осмотревшись, он быстро угадал, куда нужно наносить главные удары. Взятие порта Киберона, занятого роялистами, уничтожило последнюю организованную военную силу вандейцев Крестьян, толпами стекавших под знамена короля и церкви, Гош успокоил своими прокламациями. Видя его успехи, Комитет Общественного Опасения сделал его главнокомандующим всеми армиями, оперировавшими в Вандее, и Гош, в конце-концов, добился того, что Вандея сложила оружие. Вожди были взяты в плен и расстреляны или погибли в битве, крестьяне разошлись по своим деревням. Почетный титул умиротворителя Вандеи был заслужен Гошем как нельзя больше.

Роль Англии в Вандейском восстании показала Гошу, что пока не будет повергнута в прах эта старая соперница Франции, до тех пор республика никогда не будет в состоянии добиться прочного мира. В этом отношении Гош обнаружил огромную политическую прозорливость. Раньше, чем Бонапарт, он понял, в чем находится узел международной политики Франции и в чем заключается главная стратегическая задача в тех войнах, которые ведет республика. Поэтому с его стороны было вполне естественно, что после умиротворения Вандеи он предложил Комитету Общественного Спасения план удара на Англию, при том такого, который при минимальных условиях давал наибольшие шансы на

⁵⁶ Жозефина Богарне: http://enlightment2005.narod.ru/arc/jos_gsrб.pdf.

успех. В это время Ирландия находилась в борьбе с Англией. Ирландцы восстали для того, чтобы сбросить старое иго. Гош проектировал экспедицию в Ирландию с незначительными сравнительно силами, рассчитанными на то, что, когда французские войска высадятся на Ирландском берегу, пламя восстания, слабо тлевшее, вспыхнет с полной силой.

Комитет не мог не согласиться с соображениями Гоша. Экспедиция была решена, и Гош естественно был поставлен во главе ее. Все приготовления были сделаны с той заботливостью, которую Гош вносил во всех своих начинаниях. Был мобилизован весь наличный купеческий флот, были подготовлены лучшие войска, все велось в строгой тайне, и казалось; успех был обеспечен вполне. Неудача была вызвана случайностью. Когда войска вышли в море, поднялась буря, которая разметала флот, и корабль, на котором находился сам Гош, был отброшен далеко. Экспедиция добилась до места, но вождя с нею не оказалось. Она прождала два дня и двинулась обратно. Когда Гош, наконец, прибыл в Ирландию, его войска там уже не было. Его помощник, генерал Груши, не решился взять на себя ответственность и дать приказ о высадке. Гош должен был двинуться обратно. Тайна была открыта, англичане собрали в Ла-Манше большие силы, и повторение экспедиции сделалось невозможным. Гош был в отчаянии, не за себя, конечно, а за республику, которая потеряла возможность одним ударом покончить с Англией. Отчаяние Гоша имело полное основание. Если бы в 1796 году удалось высадить десантную армию в Ирландии, дальнейшие войны, которые республике и потом империи пришлось вести еще в течение почти 20 лет, были бы не нужны. И кто знает, какой облик приняло бы развитие Фракции, не будь у нее такого врага, как Англия, которую никогда нельзя было победить вне ее собственной территории и непобедимость которой обуславливала и наполеоновскую диктатуру и такое страшное истощение национальных сил Франции.⁵⁷

Комитет Общественного Спасения понимал, что вины Гоша нет в том, что экспедиция не удалась. Гош был назначен главнокомандующим Самбр-Маасской армией, которая только что должна была выдержать очень тяжелое отступление после поражения, понесенного Журданом при Вюрцбурге. Когда Гош принял командование и явился в армию, он начал с того, с чего начинал всегда. Ему нужно было привести своих солдат в такое состояние, чтобы они были способны двигаться вперед, не испытывая больших мучений. Самым большим злом армии в это время были поставщики, которые, как мы знаем, грабили солдат и наживали на своих подрядах огромные деньги. Директория, которая была республикою крупной буржуазии, сознательно смотрела сквозь пальцы на ту вакханалию, которая творилась на фронте. Преступники принадлежали к той группе, которая больше всего поддерживала царство Директории, и коснуться их, само собой разумеется, не решались. Гошу пришлось вынести тяжелую борьбу с поставщиками армии. Он не жалел ни энергии, ни строгостей для того, чтобы справиться с этой болячкой, разъедавшей армию. И ему, в конце-концов, удалось добиться своей цели. Тогда он принялся приводить в порядок вверенные ему войска. Он объехал весь фронт, устраивал смотр и то, что он увидел, удовлетворило даже его строгие требования. Ней, который служил в это время в Самбр-Маасской армии, рассказывает, с какой, тщательностью Гош осматривал все, входил во все лично, не доверяя никому, и добивался того, чтобы люди были сыты, одеты, обуты, достаточно снабжены боевыми припасами. Пехота была хороша, люди свежи и не утомлены, одежда, если и не в блестящем состоянии, то, во всяком случае, удовлетворительна. Хуже обстояло дело с кавалерией. Во время отступления потери в лошадях были очень значительны, да и потом продолжался падеж лошадей из-за недостатка фуража. Но это были уже подробности.

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ

АРМИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ее ВОЖДИ

Vive Liberta и Век Просвещения

Юрий Карякин, редактор сайта Великая французская революция,

⁵⁷ Об экспедиции в Ирландию см., напр.: *К.-М.Андерсен*, «ФРАНЦИЯ ВРЕМЕН ДИРЕКТОРИИ в «ДНЕВНИКАХ» Т.-У. ТОНА», глава VI из «Истории Ирландии» - «Подъем национально-освободительной борьбы в конце XVIII в.».

Когда все было готово, Гош двинулся вперед, поддерживаемый Моро, который находился во главе Рейнской армии. Успех сопровождал его первые шаги. Под Нейвидом австрийцы были разбиты на голову. Гош по обыкновению находился там, где всего сильнее был огонь. Он сам ободрял своих солдат и, когда заметил батарею неприятеля, которая наносила большие потери его пехоте, он вынесся вперед на своем коне и крикнул солдатам, указывая на австрийские пушки: «По 1000 франков за пушку». — «Готово!» - крикнули в ответ солдаты. Они кинулись вперед и батарея была взята. Дальнейшее движение Гоша было прервано известием о заключении Леобенских прелиминарий. Гош остановился. Именно в это время, когда шли переговоры о мире между Бонапартом и дипломатами Директории, с одной стороны, и австрийцами — с другой, Гош был вызван якобинской частью Совета пятисот в Париж для того, чтобы подавить роялистское восстание. Мы знаем, что он не дошел до Парижа. Гошу было трудно согласиться на ту роль, которую ему навязывали парижские друзья. Он все время стоял на той точке зрения, что республиканскому генералу нельзя вмешиваться в политику, и он очень неохотно шел в столицу во главе своих войск. Своим близким он говорил: «Я справлюсь с заговорщиками, но когда я спасу отечество, я сломаю свою шпагу».

Этот эпизод, как он не кажется незначительным, сам по себе, имеет большое значение. Он раскрывает нам политическую идеологию самого блестящего из республиканских генералов. В Париже даже те, кто призывал Гоша, решились на этот шаг не без больших колебаний. Они знали, какой сокрушающей популярностью пользуется молодой генерал, и боялись, что если Гош придет в Париж во главе своего войска, то в Париже и во Франции вообще будет одна только воля — воля генерала Гоша. Историки потратили много остроумия на то, чтобы угадать, как сложились бы судьбы Франции, если бы Гош довел до конца свое движение. Совершенно несомненно, что с Гошем республике нечего было опасаться государственного переворота, подобного тому, который произвел Бонапарт. Гош никогда не поднял бы руку на республику. В нем, правда, давно уже умер тот буйный якобинец, который в 1793 году писал статьи в журнале Марата и сыпал словечками, заимствованными у жаргона эбертистов. И если бы случилось так, что Гош оказался во главе республики со своим республиканским энтузиазмом, не признававшим никаких оговорок и не знавшим никаких колебаний, Франция все-таки могла бы сохранить тот агрессивный дух, который воспитывал и поддерживал по династическим соображениям соперник Гоша — Бонапарт. Если бы Гош стоял во главе французской республики, он должен был бы отдать свою шпагу служению тех принципов, которые провозгласила революция и защите тех завоеваний, которые были сделаны народом. Более безкорыстный Гош был в меньшей степени политиком, чем Бонапарт. Республика Гоша была бы более одушевлена национальными идеями, чем верноподданническими чувствами, но она неизбежно должна была бы быть столь же агрессивна, как и Франция Наполеона.

Как бы то и было, Гошу не пришлось испробовать на практике ту политику, которой была полна его душа. Очень скоро после попытки двинуться на Париж Гош заболел и умер. Его похоронили в том же мавзолее, в котором покоился прах Марго.

Со смертью Гоша открылась свободная дорога для генерала, который должен был далеко отбросить, как ненужные предрассудки, идеи республиканизма, а любовь к родине должен был превратить в преданность монарху. Это был Бонапарт.

ГЛАВА XV. БОНАПАРТ⁵⁸

Генерал Бонапарт отправлялся в свой Итальянский поход скромным, мало кому известным военачальником. Когда он прибыл в Итальянскую армию, генералы, стоявшие во главе отдельных дивизий, которые были старше него, решили проучить выскочку при первой же встрече. Ожеро, головорез и забияка, не знавший, что значит оробеть при каких бы то ни было условиях, Массена, человек огромного самообладания и безумной смелости, Серрюрье, Лагарап, герои, не раз видевшие смерть лицом к лицу, составили своего рода заговор. Когда они выходили после первой аудиенции, они были

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ

⁵⁸ Наполеон Бонапарт: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp>.

сконфужены. Ожеро, не будучи в состоянии притти в себя, говорил Массене, разводя своими длинными руками: Не могу понять, что со мною сделалось, только я никогда ни перед кем не приходил в такое смущение, как перед этим маленьким генералом. Массена молчал, ибо ощущал то же. Итальянский поход сделал Бонапарта национальным героем. После сражения при Лоди Бонапарт почувствовал, что призван свершить великое, и каждая новая победа укрепляла его в этом сознании. Гош не уступал Бонапарту военными дарованиями. В гениях того и другого было много общего, и быть может, Гош был крупнее, чем Бонапарт. Он, во всяком случае, был чище душою и больше любил свою родину. Но в Бонапарте было больше авантюризма, а то время, которое переживала Франция при Директории, открывало более широкий путь авантюризму, чем чистому и искреннему патриотизму. К тому же Гош мер, и среди плеяды генералов, которая осталась у республики, не нашлось ниюю, кто бы решился восстать против планов победоносного и счастливого полководца.

Всем известно, что Наполеон Бонапарт был родом корсиканец. Он был сыном очень почтенного гражданина Аяччио, Карло Буонапарте и его жены Летиции Рамолино, замечательной женщины, которая передала сыну частицу своего высокого духа и свой огромный ум. С детства мальчик обнаруживал чрезвычайно живой характер, вдумчивость и упорство. Когда его отец после одной из очень обычных на Корсике усобиц перешел на сторону Франции, он получил в числе других милостей право отдать своего второго сына, в Бриенскую военную школу. 13-летний Наполеон, пробыв несколько месяцев в Отенском коллеже для укрепления во французском языке, сделался учеником Бриёнской школы и на первых порах ничем не обратил на себя внимание своих учителей. Успехи его были слабы. Но он много читал. История, в частности Плутарх, были его любимыми книгами. В 1774 году Бонапарт перешел в парижскую военную школу, где занятия были серьезнее и где он отдался целиком математике, мечтая о службе в артиллерии. Окончив в 1785 году свое военное образование, он провел несколько лет в провинциальных гарнизонах, продолжая читать и пополнять свои знания. Есть данные, что уже тогда он начал оценивать факты военной и политической жизни с точки зрения своих будущих дерзаний. Начал он и писать. В этом положении застала его революция, которая не увлекла его сразу, ибо в нем еще сидел нетронутый корсиканский патриотизм. На острове продолжалась борьба. Та партия, к которой принадлежали Бонапарты, должна была искать спасения во Франции. С этих пор — это было в 1793 году, — юный офицер стал считать свою судьбу навек связанной с Францией. Он начал интересоваться политикой, сделался ярым сторонником республики, единой и нераздельной. Заявления этого рода, расбросанные в его брошюрах, доставили ему подчиненное командование в Тулонском гарнизоне, где он впервые обратил на себя внимание своими дарованиями. Но Тулон вовсе не был решительным этапом в его возвышении, как принято думать. Почти два года после своих Тулонских дебютов Бонапарт, произведенный в генералы, находился, в неизвестности, занимаясь укреплением южных берегов Франции, дважды попал в тюрьму, заподозренный сначала террористами, потом термидорианцами, хотел получить командование в Вандее, но не получил, собирался ехать служить в Турцию, но не поехал. В конце-концов, осенью 1795 года он устроился в топографическом бюро военного ведомства, где принялся изучать планы генералов старого порядка, касавшиеся похода в Италию, и издали начал руководить операциями Итальянской армии, находившейся под начальством Шерера. (В октябре 1795 года Баррас, которому Конвент поручил подавление Ваддемьерскопо восстания, избрал его своим помощником. Бонапарт справился, хотя и не без труда, с восставшим Парижем и подавление движения улицы тоже вызвало у него размышления, осуществленные полностью в брюмерские дни. Успех же его протянул связи между им и вождями термидорианцев, доставив ему доступ в салоны дельцов. Здесь он получил возможность более смело говорить о своих чувствах Жозефине Богарне, с которой познакомился до Вандемьера, и о своих итальянских планах Карно, который начал относиться к нему серьезнее, чем раньше. Повидимому, именно Карно, а не Баррас, бывший друг Жозефины, доставили ему командование в Италии. За два дня до отъезда в Армию Бонапарт женился. Подавляя с трудом горечь разлуки с Жозефиной, которую он обожал со всей страстью, на которую он был способен, но полный честолюбивых мечтаний, отправился Бонапарт в Италию.

Мы знаем, каковы были те новые принципы тактики и стратегии, которые применил в Пьемонте, в Ломбардии и в Тироле Бонапарт. То, что впервые гениальным чутьем угадал Гош и изложил в записке, направленной Комитету Общественного Спасения, то, что сам он так блестяще применял в походах 1794 и 1796 г.г., то, что Сугам и Моро испробовали против австрийцев при Туркуане, Бонапарт возвел в систему и сделал, так сказать, научной основой новой стратегии. Австрийские армии, сражавшиеся против него, воет да были значительно сильнее его собственной, но Бонапарт умел пользоваться разделением этих армий, бил их по частям, оказываясь, согласно принципам Гоша, всегда сильнее каждой из неприятельских, армий в отдельности. Таким, образом, одну за другой он сокрушил целых четыре лучших австрийских армии, находившихся под командою таких испытанных полководцев, как Болье, Вурмзер, Альвинци и эрцгерцог Карл. Успех был потрясающий. Австрия была разбита и не могла оправиться, Италия лежала у ног счастливого генерала, Директория из госпожи сразу сделалась рабою и не смела ни в чем перечить его воле. Бонапарт жил в Момбелло, близ Милана, как король, окруженный пышным двором, где царила приехавшая из Парижа Жозефина, где уже появились придворные и льстецы и говорил друзьям, что ждет, пока созреет груша, пока власть над Францией готова будет свалиться ему в руки. Мы знаем, как он спас Барраса и его партию, когда они очутились в опасности, посланный им в Париж Ожеро произвел маленький переворот 18-го фрюктидора, который был уже прямой репетицией брюмерского Coup d'Etat. Сам он вплоть до Кампо-Формийского мира (17 октября 1798 года) занимался устройством дел в Италии, а вернувшись во Францию, так же, как раньше него Гош, решил нанести удар главному врагу республика — Англии. Но когда экспедиция против Британских островов оказалась невыполнимой, он отправился в Египет, увозя с собою цвет офицерства республиканской армии и лучшие войска Франции. Пока он вел блестящую, но бесплодную борьбу в Египте, где сорок веков смотрели на вето с вершины пирамид, груша постепенно созревала во Франции Мы видели, с каким нетерпением ждал его Сийес и как, в конце-концов, он дождался его приезда.

Проскользнув мимо английских сторожевых судов, Бонапарт высадился во Франции в самый острый момент — в начале октября 1799 года, через две недели окончательно столкнулся с Сийесом и еще через, две недели произвел переворот. Это были брюмерские дни, 9—10 ноября 1799 года

Бонапарт рисковал очень многим, но армия была на его стороне и это, в сущности говоря, обеспечивало дело. Под предлогом того, что раскрыт какой-то страшный якобинский заговор — о нем две недели уже трубили преданные Бонапарту газеты — Совет Старейшин - издал декрет, в котором перечислялись меры для предотвращения опасности: заседания обоих собраний переносились в Сен-Клу, а на генерала Бонапарта возлагалась обязанность озаботиться о выполнении Декрета; под его начальство отдавались все стоявшее в Париже и окрестностях войска. Самым драматическим моментом был день 19-го брюмера. Бонапарт с преданными ему генералами и политики, стоявшие во главе заговора — с Сийесом и Талейраном⁵⁹, собрались в Сен-Клу, где заседали уже оба собрания. Двор и парк дворца были заняты солдатами. Старейшины начали заседание спокойно. Но в Совете. Пятисот буря разразилась с первых же слов. Якобинцы, начавшие ясно понимать, в чем дело, потребовали объяснения по поводу слухов о заговоре. Стали раздаваться крики: «Долой диктатуру! Конституция или смерть!» Было выдвинуто требование о новой присяге конституции. Предложение прошло, и присяга началась, когда в залу вошел Бонапарт. Он начал говорить о заговоре и об опасности, в какой находится республика. Ему не дали кончить. Снова послышались крики: «Вне закона! Долой тирана!» Якобинцы кинулись со своих мест и начали наступать на него, грозя кулаками. Чья-то сильная рука изрядно помяла тщедушную маленькую фигурку генерала и потребовалась помощь гренадер, которые едва успели вытащить его из залу. Тогда все пошло быстрее. Бонапарт вышел из дворца, вскочил на коня и стал носиться перед солдатами, среди которых уже давно вели агитацию Мюрат, Леклерк, Серрюрье и другие генералы. И когда гренадеры были доведены до экзальтации, Бонапарт, скомандовал атаку, затрещали барабаны и гренадер повели в залу, где

⁵⁹ Шарль Морис Талейран де Перигор: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#Tlr>.

заседал Совет Пятисот. Мюрат крикнул: «Вышвырните-ка мне всю эту публику». В другие двери ворвался Леклерк и перед стеною штыков члены собрания должны были спасаться кто куда. Стемнело. Все было кончено. Три десятка членов Совета Пятисот, преданных Сийесу, собрались вечером и постановили: упразднить Директорию, исключить из собраний 61 депутата, учредить консульскую исполнительную комиссию из Сийеса, Рожера Дюко и генерала Бонапарта и прервать сессию Законодательного Корпуса до 22-го декабря.

Вынужденный сначала делить власть с Сийесом и Дюко, Бонапарт целиком осуществил свои честолюбивые планы в конституции 1799 года, которая была сокрушающей победой над Сийесом, т. е. над республикой. В конституции монархический принцип едва прикрывался республиканскими формами. Когда конституция была утверждена, Бонапарт сделался первым консулом, имея рядом с собою Камбасереса и Лебрена. В августе 1802 года он был сделан пожизненным консулом, а 18-го мая 1804 года был провозглашен императором французов.

Консульство и первые три года империи были временем высшего напряжения громадных душевных сил Наполеона. Неутомимый в труде, с умом необъятным, гибким, неистощимым на комбинации, с железной волею, с темпераментом кипучим, как лава, с памятью, в которой все запечатлевается и из которой ничего не пропадает, с воображением, полету которого нет границ, — таков был Наполеон Бонапарт. Как полководец и как политик, как дипломат и как администратор, Наполеон лучшие свои достижения давал под властью вдохновения. Как художник, подходил он к своим задачам. Мысли и комбинации рождались в нем в самом процессе работы, в пылу битвы, в разгаре совещания, и все без исключения были отмечены печатью чего-то своего наполеоновского. Никакое дело не представлялось ему трудным, ни одна задача не казалась неразрешимой. Гений заменял ему все — недостаток знаний, вопиющую неподготовленность, отсутствие такта. Он все скрашивал, все расцветивал. А потом, Наполеон умел вести работы и доводить их до конца напряженнейшим образом, до истощения всех ресурсов, никогда не теряясь в затруднениях. Наоборот, затруднения лишь обостряли его изобретательность. Никогда он не был так богат на боевые комбинации, как в моменты критические, и в отдельных сражениях и в целых кампаниях. Привыкнув к тому, что все его расчеты сбываются, Наполеон уверовал в свою звезду, и когда в расчете оказывалась ошибка, он готов был скорее видеть в этом бунт судьбы, чем согласиться признать себя неправым.

Бывают гениальные люди, лишенные характера, воли, работоспособности. Бонапарту все это было дано щедрою рукою. Поэтому мысли, рождавшиеся в его голове, сейчас же начинали претворяться в действительность и не было того препятствия, которого он не мог бы одолеть. Именно эта печать действенного гения, несокрушимой воли, направленной огромным умом, которую окружающие видели на его челе, создавало ему власть над людьми. В нем не было того произвольного, не зависящего от человека обаяния, которое покоряет без того, чтобы приходилось делать усилия. Но когда он хотел, он становился неотразимым, и не было человека, который не устоял бы против него. Умственная сила и вера в себя были в нем так велики, излучались так заметно, что всякий, приближавшийся к нему, подпадал под его власть, чувствовал какую-то подавленность его величием. Даже самые предубежденные не были в состоянии страхнуть с себя внушаемого им чувства удивления. Люди могли питать к нему какую угодно ненависть. Они могли отлично видеть все его недостатки они могли чувствовать в нем черты выскочки и авантюриста. Они могли презирать в нем невоспитанность и безтактность. Это ничего не меняло. Никто не скажет теперь, что маршалы и министры любили Наполеона настоящей любовью. Никто не скажет, что к нему относились с искренним расположением его противники, Александр I, Меттерних, Фридрих Вильгельм Прусский. Но все преклонялись перед ним, верили в его гений и боялись этого гения. А солдаты! Достаточно пробежать несколько книг, безхитростных мемуаров этих людей, из пастухов и землепашцев, дослужившихся до капитанов, полковников и генералов, чтобы видеть, какие чудеса делала вера армии в императора.

Если бы величие измерялось только умственной мощью и силою характера, едва ли история в состоянии была бы показать нам гиганта, который был бы равен Наполеону. Но кроме гения, в Наполеоне был еще эгоизм, равный гению, и это делало то, что фигура его раздваивается в глазах потомства. Несоразмерность умственной и нравственной организации и была причиною тех противоречивых оценок, какие давались Наполеону. Историк отдает должное величию духа, но он видит и другое. Он видит полное безразличие к вопросам идейного порядка. Он видит готовность растоптать права народа, если это было ему выгодно. Он видит волю к захвату, к узурпации во всех переломных моментах его головокружительной карьеры. Бонапарт не задумывался пустить в ход силу, всякий раз, когда силою он мог - добиться своей цели и с самого начала тщательно подготавливал эту силу, чтобы в нужный момент иметь ее под рукою. У Гоша, у Марсо, у Дезе поступками руководил мощный политический идеализм. Бонапарт был чужд его: он был нигилистом в политике. Свои цели были ему всегда ближе, чем интересы родины. Эгоизм сидел в нем всегда и, когда власть попала ему в руки, с неизбежностью превратился в деспотизм. Но Наполеон умел обосновать свой деспотизм на твердом социальном фундаменте. Социальная культура, которую встретил Бонапарт в тот момент, когда он взял в свои руки бразды правления, была буржуазная культура. Французская буржуазия вынесла вотум недоверия республике, ибо республика оказывалась неспособна оградить от внутренних и внешних покушений те завоевания, которые революция принесла третьему сословию. Восстание и ожесточенная борьба партий внутри, опасность нашествий извне подготовили почву для появления сильной власти. Бонапарт стал этой сильной властью. Он воспользовался ею прежде всего для того, чтобы устранить анархию внутри и опасность извне. Потом он начал устраивать новый государственный порядок, такой, какой был нужен для буржуазии, начал расширять для нее рынки за пределами Франции, бить конкурентов французской буржуазии на арене европейского экономического соревнования, разбивать за границами Франции социальные оковы, преграждавшие крестьянству доступ к широким путям экономического процесса. Благодарная ему за это французская буржуазия без труда поступалась частицами своей свободы. На этой психологии Наполеон строил здание своего деспотизма. Правда, чтобы защищать его, ему нужны были застенки Фуше, полицейские ухищрения Савари, свирепства против печати и вообще все, что пускается в ход для защиты деспотизма и при отсутствии гения.

По мере того, как личные и династические цели выступали в его деятельности все ярче, — выдыхался юношеский идеализм, угасали героические черты в его характере. Наполеон становился завистлив, груб, высокомерен, терял способность привязывать к себе людей, как в лучшие свои времена. Друзья меньше его любили, враги меньше боялись. В конце-концов, крушение его державы было результатом не только политической и хозяйственной конъюнктуры, но и неумения сто устоять до конца на позиции, с затемненной династическими расчетами.

Что такое военный гений Бонапарта? В нем, как и во всем, поражает соединение двух трудно соединяющихся вещей: творческой силы и самой кропотливой черной работы. В этом отношении, как и во многих других, Бонапарт был очень похож на Гоша. Оба они принимались за дело совершенно одинаково: подготавливали все детали, чтобы потом уже ничем не стеснять творческий дух. Чтобы сделать итальянскую армию способной быть орудием своей молниеносной стратегии, Бонапарт так же, как и Гош в Самбр-Маасской армии, прежде всего, одел, обул, накормил ее и снабдил всем необходимым. Чтобы добиться этого, он, как и Гош, во все входил сам: пробовал хлеб, мясо, смотрел кожу для сапог, сукно для шинелей, седла, вымерял размер груди и длину в рубашках, безошибочно определял, сколько сена ворует подрядчик, всех приструнивал, всех подтягивал, и когда все было готово, грянули один за другим: Монтенотте, Лоди, Кастильоне, Арколе, Риволи, Тальяменто... Одно обуславливалось другим. В этом была его система. Для него не существовало скучных вещей в военном деле. Ваши донесения о штатах читаются, как прекрасная поэма, пишет он генералу Лакюе, который из ближайшего сотрудника дебютов Карно сделался главной пружиной военной канцелярии Бонапарта. Нет ни одного уголка в сложном военном механизме, который представлял бы для него какие-нибудь секреты. «На войне нет ничего, говорил он, чего я не мог бы сделать сам. Если нет никого, кто мог бы приготовить порох, — я приготовлю его; лафеты

для пушек, — я их смастерю; если нужно отлить пушки, я сумею последить и за этим». Он был и собственным начальником штаба и собственным главным интендантом. А в стратегическом маневрировании и тактическом ударе он творил, как художник. Сражение при Лоди было выиграно с такой гениальной простотой, подобной которой не знает военная история. Кастильоне, где решилась судьба первой кампании Вурмзера, было результатом гениального маневра, который дал Бонапарту возможность уничтожить втрое сильнейшего врага. То же было и при второй кампании Альвинци, завершившейся Риволи. Французской кампании 1814 года, где Наполеон был во много раз слабее союзников и все таки одерживал над ними такие блистательные победы, как при Монтеро и Шампобере, где каждое его поражение было все-таки шедевром, — этой кампании одной было достаточно, чтобы покрыть неувыдаемой славой любого полководца. В другом роде, но столь же неожиданно и гениально, была проведена кампания 1809 года, когда на стороне эрцгерцога Карла было так много преимуществ и когда двумя-тремя ударами Наполеон свел на нет все то, что с таким трудом было подготовлено раньше. А наполеоновская тактика! Арколе, которое действительно было чем-то вроде песни Иллиады; Риволи, Пирамиды, потом Маренго, Ульм, Аустерлиц, Иена, Фридланд, Экмюль, Ваграм.

Из всех наполеоновских сражений едва ли не наиболее типичным был Аустерлиц, ибо в нем сказывается лучше всего наполеоновская манера. 30-го ноября 1805 года, когда он уже отступил от Праценских высот и разгадал обходное движение неприятеля против своего правого фланга, он выехал обозреть местность и сказал окружающим, глядя на Праценскую возвышенность: «Если бы я хотел помешать неприятелю обойти мой правый фланг, я занял бы позицию на этих превосходных высотах. Тогда у меня получилось бы самое обыкновенное сражение. Правда, у меня было бы преимущество в позиции. Но, не говоря уже о том, что я рисковал бы начать дело уже 1-го декабря (т. е. пока не подошли ожидаемые в ночь на 2-ое подкрепления), неприятель, видя нашу позицию перед собою, сделал бы только мелкие ошибки. А когда имеешь дело с генералами мало опытными в большой войне, нужно стараться пользоваться ошибками капитальными». И вместо того, чтобы остаться на отличных позициях Праценской возвышенности и вызвать союзников на атаку в лоб, которая несомненно кончилась бы для них неудачей, — он очистил Працен, внушил этим неприятелю мысль о своей слабости и толкнул его на обход своего правого фланга. Это была ловушка, которая подвергала риску, его самого, но она дала в результате не самое обыкновенное сражение, а блистательную победу. Один военный историк говорит, что если бы такая диспозиция была бы принята на маневрах, она вызвала бы против себя резкую критику, что против нее говорят вообще все основания рационального военного искусства. Наполеон решился ослабить свой правый фланг и, ослабленный, подвести его под удар превосходных неприятельских сил только в сознании того, что неприятель наделает достаточно капитальных ошибок. Пока Даву на правом фланге изнемогал под напором огромных австрийских и русских сил, Сульт в центре, с часами в руках, ожидал, пока пройдут 20 минут, чтобы начать атаку на Працен его очищал в этот момент Кутузов, двигавший все свои силы в обход французского правого фланга. И точно, минута в минуту, Сульт, а за ним Ланн, пустили свою пехоту, Працен был взят одним ударом, французы обрушились на русские колонны во фланг и в тыл, Даву опрокинул ослабевшего, смущенного напором с той стороны, откуда никто не ожидал, неприятеля и перешел сам в наступление, Бернадот ударил с левого фланга, Рапп остановил отчаянную атаку русской конной гвардии, — и неприятель был обращен в бегство. Как поэт войны, Наполеон любил дать волю своей фантазии и не мало не смущался тем, что полет его творческой игры покрывал трупами безбрежные поля. Но он знал, когда можно дать волю фантазии. При Ваграме в 1809 году, когда перед тем Аспернская и Зелинская неудачи научили его уважать эрцгерцога Карла, он умышленно сделал самое обыкновенное сражение, где он не рисковал почти совсем, где все было результатом точного подсчета. Такова была особенность его гения вообще. Он подготовлял все путем систематичной, кропотливой черной работы, а потом где-то в таинственных глубинах вспыхивала мысль, и при свете ее все сделанное раньше получало душу и художественно законченный облик.

ГЛАВА XVI. ЧТО СДЕЛАЛА РЕВОЛЮЦИОННАЯ АРМИЯ ?⁶⁰

Нам остается наметить главные этапы боевых усилий революционной армии, разграничить те моменты в истории революционных войн, в которых эволюция внутреннего процесса переживавшегося революцией, находило свое отражение. Мы знаем, что армия сделала революцию из чисто французского явления фактором мировой истории. Мы знаем, что армия перенесла в Европу принципы, провозглашенные в 1789 году. Мы знаем, что без армии эти принципы были бы недолговечны и в самой Франции. Какими средствами в разные моменты достигалась та цель, которую революция неизбежно должна была поставить себе в своей внешней политике?

Первые военные действия после того, как страна справилась с неурядицами, царившими в молодой армии, и после того, как войска научились не бояться неприятеля, носили характер чистой обороны. Армия, составленная в значительной своей части из старых линейных войск, при Вальми (сентябрь 1792 г.) отразила первый и, быть может, самый опасный натиск врага, направлявшегося к Парижу, и уверенного, что у Франции нет войска, способного ему противостоять. Вслед за тем при Жемаппе (6 ноября 1792 г.) республика, принявшая первые меры для прочного слияния волонтерских батальонов со старыми линейными войсками, одержала первую победу и перешла в наступление. Успехи были непрочны и не могли быть прочны. Армия республики все-таки была ещё очень неудовлетворительной. Процесс ее реорганизации все-таки не был еще закончен. С другой стороны, и союзники стряхнули с себя ту беспечность и ту самоуверенность, которыми они были полны в момент издания манифеста герцога Брауншвейгского. К границам Франции были двинуты огромные силы, которые погнало назад французские войска из-за Рейна и из Бельгии. Момент был чрезвычайно опасный. Поражение Дюмурье при Неервиндене (конец февраля 1793 г.), дезорганизация, внесенная в армию его изменою, привели к тому, что опасность вторжения сделалась почти неизбежной. Оборона Майнца и Валансьена задержали на некоторое время дальнейшее движение союзников. Они руководились старыми правилами военного искусства и боялись оставить у себя за спиною осажденные крепости. Этой передышкой воспользовалась республика, чтобы лихорадочно довести до конца реорганизацию, усилить набор, увеличить порядок на фронте и социальными реформами вдохнуть новый пыл в защитников родины. Победа Гушара при Гондшооте (сентябрь 1793 г.), не очень решительная, сопровождавшаяся в дальнейшем такой серьезной неудачею, как падение крепости Лекенуа, дала новую передышку армии. Вслед за тем Карно и Журдан на голову разбили австрийцев при Ваттиньи (15 октября 1793 года. Дела стали поправляться по настоящему. Майнца спасти было нельзя, но другая крепость, осажденная союзниками, Ландау, была освобождена от блокады гениальными операциями Гоша, которому скорее мешал, чем помогал Пишегрю. На юге Келлерман в это же время отбросил от границ Пьемонтский отряд. Старые границы Франции были освобождены.

Но союзники продолжали настойчиво стремиться поразить революционную гидру. К ним присоединилась Англия, с ее неисчерпаемым золотым запасом и с ее упорной энергией. Кампания 1794 года началась вновь при самых тяжелых предзнаменованиях. Для того, чтобы провести ее сколько-нибудь удачно, потребовалось величайшее напряжение сил и такое чрезвычайное средство, как террор. Необходимость чрезвычайных мер была обусловлена не только угрозой восточной границе, но в еще большей степени постоянной неудачею на море, где французы потеряли почти весь свой военный флот, а еще больше грозным восстанием роялистов в Вандее. Энергия Комитета Общественного Спасения и таланты молодых генералов поправили дело. В Северной армии в отсутствии ее начальника Пишегрю два его помощника, Сугам, легендарно-огромный Сугам, и спокойный и простой, как пастор, Моро нанесли первое поражение австрийцам при Туркуане (18 мая 1794 г.). Они сумели воспользоваться теми принципами нового военного искусства, которые неустанно проповедовал Гош. Пишегрю,

---

⁶⁰ В дополнение к этой главе: *Е.Коровин*, «Великая французская революция и законы и обычаи войны» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/lois_guerr.pdf), сб. «Международная политика в документах» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#mid>).

вернувшийся к армии, еще раз разбил австрийцев при Гоогледе (17 июня 1793 г.) и двинулся через Бельгию на завоевание Голландии. Но решительный удар союзникам был нанесен не Северной армией, а Самбр-Мааской. После нескольких незначительных неудач во главе ее был поставлен генерал Журдан, помощниками которого были Клебер, Марсо, Шампионе, Лефевр, Ней. Эта армия при Флерюссе на голову разбила союзную армию (25 июня 1794 года). Опасность еще раз была устранена. Страна могла вздохнуть свободнее и сбросила с себя ненужное уже иго якобинского террора. В это время Гош бил вандейцев на берегу Атлантического океана, на юге Дагобер, Дюгомье и Периньон гнали испанцев, присоединившихся к коалиции, Пишегрю завоевывал Голландию, и дела республики определенно поправлялись.

Но это была тоже не более, как передышка. Директория, которая взяла в свои руки наследие Конвента, оказалась не в силах справиться с затруднениями. Пишегрю изменил, Журдан во главе Самбр-Мааской армии потерпел поражение: после целого ряда блестящих успехов, он должен был отступить и потянул за собою соседнюю армию Моро, которая точно также покрыла себя славой в период наступления. Кампания 1796 года кончилась неудачно. Но за то блестяще началась итальянская кампания под начальством генерала Бонапарта. В 1796 году он сумел разъединить Сардинскую и австрийскую армии, принудил Сардинию к миру и вторгся в Ломбардию.

В 1797 году все началось снова и уже с большим успехом. Гош, появившийся во главе Самбр-Мааской армии и Моро, сохранивший командование Рейнской, с преобразованной и усиленной армией двинулись вперед, сметая на своем пути все австрийские войска, а Бонапарт в Италии бил одну за другой посылавшиеся против его австрийские армии. Дела пошли, блестяще. Пруссия вышла из войны в 1795 году (Базельский мир), Австрия сложила оружие в 1797 году (Кампо-Формийский мир). Но оставалась еще Англия, упорная, как всегда, и не желавшая признавать себя побежденной. Гош пробовал ворваться в Ирландию, но неудачно. Бонапарт отправился в Египет не с большим успехом. Английская дипломатия сумела еще раз поднять Австрию против Франции. На этот раз к коалиции присоединилась и Россия. Русские армии впервые появились в Швейцарии и Италии. Итальянский поход Суворова, сопровождавшийся целым рядом побед над французами, действия Корсакова в Швейцарии, высадка англичан в Голландии, снова, как в 1793 году и перед Флерюссом, поставили на карту самое существование республики. У Франции оставались три армии, каждая из которых изнемогала под ударами неприятеля. Если бы Суворову после того, как он победою при Нови окончательно очистил Италию от французов, удалось перейти в Швейцарию и раздавить вместе с Корсаковым армию Массены, последнюю, которая оставалась у французов, если бы Брюн в Голландии потерпел поражение от англичан, вторжение во Францию сделалось бы лишь вопросом времени, ибо Рейнская армия, слабая и расстроенная, едва защищалась против австрийцев. И Суворов приступил к выполнению последней части своей блестящей программы. Он двинулся через Сен-Готтард в Швейцарию. В это время гений Массены впервые развернулся в полном блеске. Бывший помощник Бонапарта в Италии тем и отличался, что опасность заставляла его обнаруживать свои дарования в полной мере. И не даром его называли любимым сыном победы. Он отрядил двух своих помощников — Лекурба и Молитора, для того, чтобы сдерживать в горных проходах Суворова, а сам стал маневрировать, чтобы вызвать Корсакова на генеральное сражение в такой обстановке, которая была выгодна для него. Под Цюрихом, в конце сентября 1799 года, Массена нашел, наконец, момент и обстановку, которых он долго искал. Он направил Удино в тыл русской армии и двинул Мортье в атаку ее с фронта. Сульз в это время разбил вспомогательный австрийский отряд, и армия Корсакова была уничтожена. Между тем, Суворов в титанической борьбе пробивал себе путь через альпийские ледники, несмотря на геройское сопротивление Молитора и Лекурба, но оба храбрые генерала затравили в конце-концов русского полководца. Он едва спас остатки своей армии. Он думал соединиться с Корсаковым, но когда он выбрался в долину Муотты, он узнал, что Корсаков разбит, а Массена с главными силами загораживает ему дорогу. Он потерял всю артиллерию и едва пробился через непроходимые горные тропинки до Кура и Фельдкирха. Массена спас Францию. В это же время Брюн разбил англичан под Бергеном, а Моро поправил дела на Рейне. Директория могли спокойно ожидать лучших времен.

Отсутствие сведений об операциях Бонапарта в Египте и неизсякавшая энергия. Англии, которая не переставая снабжала Австрию золотом, еще раз подняла угасший дух руководителей австрийской военной политики. Австрия собрала новые силы и истощенные французские войска с трудом ставки сопротивляться неприятелю. Массена, назначенный главнокомандующим итальянской армией, должен был отступать, пока не был заперт в Генуе, а Рейнская армия вновь должна была подтянуться к границам. Но уже Бонапарт был в Европе. Директория пала и новые силы были двинуты в поход. Маренго, где Дезе, как мы знаем, вырвал победу у австрийцев и доставил свежие лавры первому консулу, омочив их своею кровью, Гознлиндин, на Рейнском фронте, где Моро разбил эрцгерцога Иоанна, заставили, наконец, союзников заключить мир. Начиналась новая эпоха истории Франции и революции. Занималась заря империи. В истории революционных войн, если судить о них с точки зрения национальной движущей силы, нужно различать два периода: один до Флерюсса, другой после него. Флерюсс является порубежной гранью. Когда Журдан разбил австрийцев при Флерюссе, народная стихия достигла своего кульминационного пункта. Перед Флерюссом солдаты видели ту огромную национальную задачу, которая перед ними стояла. Солдаты знали, что если они не победят врага, враг будет в Париже, и все те завоевания то внутренней жизни, которых добилась революция, будут потеряны. После Флерюсса не было уже такого момента, когда опасность так осязательно грозила бы стране. Тем не менее войны продолжались. На первый взгляд, между Бельгийской кампанией, закончившейся Флерюссом, и дальнейшими войнами нет существенной разницы. Солдаты дерутся так же хорошо, как и раньше, национальный подъем порою достигает огромного напряжения. Под командою Гоша в Германии и под командою Бонапарта в Италии солдаты одерживают победы более блестящие, чем раньше. И все-таки различие огромное. В первый период революционных войн народ судорожно организовывался для отпора врагам и сам принимал живое участие во всех военных действиях, в подготовке войны так же, как и в бою. При Флерюссе в тот момент, когда дрогнули французские войска и неприятель, казалось, стал переходить в наступление, чтобы смять французскую армию окончательно, солдаты почувствовали сами, что поражение будет национальным бедствием. И единодушный крик внезапно раздался из всех рядов: «Сегодня мы не отступаем!» Эта мысль словно сковала всю армию стальной цепью. Смятение прекратилось, беспорядок кончился. Клебер на левом фланге, начинавший изнемогать под напором врага, оправился и был готов к новому удару, Марсо собрал остатки своего разбежавшегося было отряда, а Лефевр со свежей дивизией из резервов пошел в атаку, опрокидывая все.

Флерюсс является своего рода эпическим завершением всего того, что было раньше. Вся та торопливая, лихорадочная, проходившая толчками, то замиравшая, то оживлявшаяся работа по созданию, армии привела к своему естественному результату. Эту работу творил сам народ, в лице своих представителей в Национальном Собрании и в органах, им уполномоченные. Мы видели, какое требовалось грандиозное напряжение для того, чтобы довести ее до благополучного конца. Мы видели, сколько было неверных шагов, ошибок, гримас в этой титанической национальной работе. И все-таки, словно какой-то гений победы руководил всем тем, что делалось страной и народом в этот первый период революционных войн. Через все ошибки, неровности и зигзаги, одна мысль, одна воля проходила насквозь. Это была воля к спасению родины и революции. Это была воля к установлению новой жизни на основах свободы, равенства и братства, великих принципов 1789 года. Чтобы национальная цель была достигнута, необходимо было работать сразу в очень многих направлениях. Нужно было подталкивать инертных, нужно было искоренять изменников, нужно было вливать в души сознание отечества, нужно было организовывать технически средства победы. И хотя далеко не все пошло гладко с самого начала, цель, в конце-концов, была достигнута. Революционная армия сделалась лучшей, самой совершенной носительницей национальной миссии Франции в этот период. Революционная армия вобрала в себя все, что было в стране здорового и способного на подъем. Вальми, Ваттоньи и Флерюсс были главными моментами, когда штыками революционной армии, движимой народною волею к спасению страны и революции, национальные задачи были блистательно разрешены.

Спрашивается — что же заставляло сражаться французских граждан после того, как опасность была побеждена? Что заставляло их идти с боем, пробиваясь через неприятельские страны и сокрушая по пути неприятельские армии, чуть не через всю Европу, забираться в Египет и Сирию, углубляться в ущелья Испанских гор и в снега России? Этим новым мотивом был сложившийся в армии кастовый дух. После того, как национальные задачи были разрешены, война поставила свои собственные задачи и заставила революционные армии подчиниться внутренней логике войны. Сознание солдат начинает развиваться. Они понимали, что отразить нашествие, угрожающее границам, только половина дела, что для спасения революционных завоеваний нужно, чтобы враги согласились признать эти завоевания, т.-е. нужен мир. И они сражались, чтобы завоевать мир. Это одно сознание. Но есть и другое, которого не существовало в первый период революционных войн. Теперь солдаты идут за вождем. Они с ним свыклись. Они ему верят. Им под его командой хорошо. И они идут за ним, куда он прикажет. Создается огромный кадр людей, оторванных от обстановки мирного времени, отвыкших от мерного труда, свыкшихся с жизнью в лагере и с атмосферой бранного поля. Эта вера в вождя — мы знаем — способна творить такие же чудеса, как и любовь к родине. Так появилась военная диктатура. Ее можно было избежать только одним способом: политикою мира и активной проповедью разоружения в европейском масштабе. Но то и другое исключалось исторической обстановкой.

В эпоху лихорадочной торопливой работы по подготовке обороны нужно было найти принципы стратегии и тактики, которые могли бы возместить огромное преимущество в выучке и дисциплинированности на стороне врагов, нужно было выработать такие качества солдата, которые возмещают преимущества в численности неприятельских войск. При Риволи в критический момент у Жубера было втрое меньше народа, чем у австрийцев, но люди Жубера были лучшими солдатами и двигались они вдвое скорее. Поэтому Жубер мог дерзнуть на свой замечательный маневр и поэтому Бонапарт мог довериться Жуберу и комбинировать свои остальные движения в расчете на то, что Жубер устоит. Все это было выработано в первый период революции. В это именно время были созданы основы нового военного искусства. Гений Карно и вождей армии нашел те принципы, которые отныне должны были лечь в основу реформы военного дела, которыми военное искусство в значительной степени живет и до сих пор. Различие между теми принципами, которые создавались Карно, Гошем и Бонапартом, с одной стороны, и современным военным искусством, с другой, заключается главным образом в том, что технические средства войны в настоящее время совершенно иные, чем были в конце XVIII века. Научные принципы войны остались те же. Недаром и сейчас теоретики военного дела исходят в своих построениях больше всего из изучения походов лучшего и самого совершенного выразителя военного искусства, созданного революцией Бонапарта.

История революционных войн является одной из самых увлекательных и самых значительных страниц мировой истории. Она показывает на какие усилия способен дух народа, одушевленного любовью к свободе, и какие грандиозные результаты могут быть достигнуты национальным подъемом, под которым прочный фундамент счастливо завершённой социальной революции.

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ

АРМИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ее ВОЖДИ

Vive Liberta и Век Просвещения

Юрий Карякин, редактор сайта Великая французская революция,
2003